

ЯПОНИЯ: КОНЕЦ ВЕКА

紀世十二本日

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ ЯПОНИИ
- ЯПОНСКИЙ ФОНД

ЯПОНИЯ: КОНЕЦ XX ВЕКА

**ПОСЛЕДНИЕ ТЕНДЕНЦИИ
ТРАНСФОРМАЦИИ**

МОСКВА 1996

ББК 63.3(5)
Яп. 69

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

К.э.н. Денисов Ю.Д., к.ю.н. Еремин В.Н., к.э.н. Кистанов В.О., д.э.н. Маркарьян С.Б., к.э.н. Матрусова Т.Н., д.и.н. Молодякова Э.В., д.э.н. Рамзес В.Б., к.и.н. Саркисов К.О., к.и.н. Сенаторов А.И., к.э.н. Тихоцкая И.С., к.э.н. Черевко Ю.М.

Научный руководитель проекта - д.э.н. Маркарьян С.Б.
Ответственный редактор - д.и.н. Молодякова Э.В.
Редактор - Сорокина Т.Н.
Рецензенты - д.и.н. Навлицкая Г.Б., д.и.н. Попов В.А.

Обложка художника Петрова С.С.
Япония: конец XX века. М., 1996, 266 с.

Издано при содействии Японского фонда

Япония, конец XX века... Именно для нее эти слова значат чрезвычайно много. Страна-отшельник в начале века, пройдя через победы и поражения, превратилась в мощную экономическую державу и вписалась в мировое сообщество. На этом пути она многое теряла и приобретала, но всегда оставалась сама собой со спецификой, традицией, символами. На страницах данного издания ведущие российские японоведы рассматривают последние тенденции трансформации японского общества во всем их многообразии и намечают перспективы на будущее.

ISBN 5-892282-004-1

с Институт востоковедения РАН, 1996
с Японский фонд, 1996

О Г Л А В Л Е Н И Е

SINOPSIS

5

Э.В. МОЛОДЯКОВА
СТАБИЛЬНОСТЬ - КЛЮЧЕВОЕ ПОНЯТИЕ
СОВРЕМЕННОГО ЯПОНСКОГО ОБЩЕСТВА
24

В.Н. ЕРЕМИН
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЯПОНИИ
НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ
50

А.И. СЕНАТОРОВ
НА СТЫКЕ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА
73

Ю.Д. ДЕНИСОВ
ЯПОНИЯ В МИРОВОМ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
92

Ю.М. ЧЕРЕВКО
ЯПОНСКАЯ ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ
РАЗВИТИЮ: УРОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
111

В.О. КИСТАНОВ
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ НА РУБЕЖЕ
ВЕКОВ
130

И.С. ТИХОЦКАЯ
ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ЖИЗНЕННЫЙ
ЦИКЛ ЯПОНЦЕВ
155

В.Б. РАМЗЕС
ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ
И ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ
178

Т.Н. МАТРУСОВА
ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАРЕЮЩЕГО
ОБЩЕСТВА
202

К.О. САРКИСОВ
КУЛЬТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ГЕНОТИП
ЯПОНЦЕВ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ
219

С.Б. МАРКАРЬЯН
ЯПОНИЯ-ЗАПАД: ЭВОЛЮЦИЯ
ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ
241

SYNOPSIS

Radical changes have happened recently in a majority of leading countries in society's structure and functions towards social economic compromise. Japan is not an exception. This has taken place despite existence of unemployed, rather large amount of outcasts, the gap in the income of big entrepreneurs and average employees. The strategy of social compromise has turned out to be adequate to the situation prevailing in the countries where state bodies have taken an obligation not only to support the economically ruling class but also to meet the basic needs of the whole society. In other words in many respects capitalism here has lost its capitalistic essence as K. Marx defined it. Capitalism is permanently ready and capable of self-organisation and self-regulation which provides its on-going development. There are rather many reasons for deep changes in modern democratic society which have to do with functioning of public mechanisms and mechanisms of self-development and regulation.

These changes involve the introduction of new social and economic factors in further production stimulation - that is striving for improvement in quality of goods and services, recognizing the priority of society interests above the interests of manufacturers. All the above leads to the evolution of all spheres in society's life, including education, culture, leisure which also form the new life-style and in the long run softens the disproportion and confrontation in society.

In other words, rather harmonic production and social relations are being set up. All this is extremely important that business purpose functions should be all-embracing, meaning that business should be aimed not only at personal profits of the employer, short-term interests of the company but it should as well consider the interests of the administrative state, district, state and sometimes the whole planet (in particular when facing ecological problems). The recent decades have seen certain self-restriction of business, it has become more stability-oriented and has shown rather humane attitude to employees and all citizens of society. One can say that modern business is not aimed at deriving quick

profit at any cost, it goes along with business interests to preserve and develop a stable dynamic market and to support anti conservative ideas in political life. Japan has given us the brightest example of all that.

Higher indexes of economic growth than in other developed countries, active penetration in the economy of other countries, extension of goods export, constant leading role in new technologies' development give a chance for some experts to consider Japan to a certain extent a model for imitation mainly for quickly developing countries. Rather high level of social partnership in Japanese society is a joint result of different factors interaction, the factors which work exactly in that country. This is first and foremost the peculiarity of society itself developed due to the influence of island geographical situation, natural conditions, historical factors such as periods of isolation and accelerated modernization, as well as socio-psychological peculiarities of the Japanese formed due to interaction of Sintoism, Buddhism and Confucianism, ethnically homogenous nation.

The analysis of the Japanese society functioning on the threshold of the 21 century based on a few parameter gives a chance to make some conclusions and generalizations. They deal not only with the basic directions of the society's development, but also with some aspects of its life. The project considers a few blocks of problems. The first one is dedicated to stability of Japanese society in economic, political and social spheres. Special attention is paid to the evolution of the political system on the boundary of the two centuries, both on central and local authorities levels. The second one includes the issues dealing with Japan's new role in decision-making of global problems. This mainly relates to its role and position in the world technological space, aid to developing countries and adjustment of its political role with its economic power. The third one touches upon the new tendencies in the life-cycle of the Japanese, in the consumers' demand. The last block of problems reflects the changes in cultural consciousness of the Japanese and evolution in mutual perception of Japan and the West.

The base for all the changes which happened in the country by the end of this century is the process of modernization which

started with restoration of Meiji. The activity of the ruling classes has always made for the success of modernization as it has been considered a priority of the national policy.

This provided for a large scale rapid modernization thus the whole society was becoming dynamic. Such policy was fair for the situation in the country and the world. It was necessary for keeping Japan independent and its acquisition of its own place in the world community. This is characteristic of both after-Meiji period and post-war years. Both stages had the same aim but the ways of its achievement were different: military and democratic. The country's development under militarism and totalitarianism could lead to nothing else but catastrophic end. The ruling elite and, under its influence, all the population was so passive that the consequences were not foreseen. The development under democratic conditions when the ruling circles have managed to work out the strategy and tactics of social and economic development has provided for the famous Japanese phenomenon.

After-Meiji modernization helped Japan at the time to catch up with the then developed Western countries. However, its military orientation and totalitarian regime gave a serious imprint on its political and social climate. In these respects Japan couldn't be even compared with the developed Western countries. On the whole(excluding the short period of the 20s) Japan was a modern society only in the form, its essence being with a great lot of the past survivals. Post-war modernization fundamentally changed both economic social and political situation in the country. Japan became a full member of the modernized societies.

The reasons for great success of Japan in development according to peaceful democratic model lie in the dynamism and effectiveness of the Japanese economy, in the high extent of its adjustment to the constantly changing environment. They are to a large extent the consequence of a flexible state regulation, the ability to reach a consensus, the provision of the social stability in society, the capability of the state to adjust to the international environment. The successful use of the human factor should be also added to the above. The human factor is the whole bunch of problems dealing with labor conditions, labor relations, family life of the employee. The role of exactly this factor in Japan's ad-

vanced achievements in the world should be in no way diminished. The human factor has been formed on the basis of interpersonal relations with inherent in them collectivism and mutual assistance, pursuit of knowledge, humane model of behavior, sense of responsibility, and that all successfully united with the ideology and moral standards of the West. The great achievements in economy have nowadays led to the fundamental changes in the life-style and life quality of the Japanese, though they are still not adequate to the economic potential. The decision of this problem is a vital task of modern Japan, one of the components of development strategy on its way into the 21 century.

The key notion of the Japanese modern society is stability. This society with its vertical structure, corporate spirit, orientation of all members at solidarity within certain group together with the wise policy of employers and the state has appeared to be ready not only to perception of ideas of social partnership but also to their successful implementation.

The first and the most important factor providing for stability is the recognition of democracy as a major value. The country's movement in this direction has created the conditions for the rapid economic development - the basis of stability. The foundation of the 21 century Japan was already laid in the period of "economic wonder". Its economy has always functioned in a more stable and dynamic way than in other advanced countries. A safe economy is the key for quite a few stability factors in a society and in the first place the high level of social partnership. Modern labor relations possess high capability to adjust, demonstrate flexibility, resiliency and co-ordination of actions.

The Japanese enterprise is a rather homogeneous community where class-consciousness has been never accentuated. The relations are built not on the contradiction of interests, but on their identity. These relations can be to an extent evaluated as one of the successful results of namely Japanese social and economic system functioning.

The Guarantor of the successful economic development happy social climate is political stability. Its ideological basis conservatism. The establishment of today uses legitimate way liquidation of accumulated negative phenomena and toge.

with this opens the doors for a young generation of politicians to join the ranks thus preventing anti elite coming to power. The present political "games" touch upon the upper echelon of power only and do not affect the dynamic development of economy and stability in the society. However, the time has obviously come when for the further development the society can no longer remain closed, the thing in itself, but it has to learn to communicate with other nations and think more about the future of Japan and the world's community as a whole.

In this respect the Japanese society attributes great attention to the woman as the stabilizing force in the family, production and politics. In addition to that such important component of life quality as personal consumption is reflected by the woman, and this also to a certain extent makes for stability.

Recent decades have seen the increased role of personal consumption in Japan as one of the important elements of economic mechanism. More often and apparent it comes to the society's rescue in the moments of economic disorder. Now at the end of the century Japan is overcoming the longest and deepest post-war recession, the leaders of the country apparently do not have any other alternative, but hopes for consumers' activity which is to improve the broken health of the national economy.

Actually holding strategic positions, personal consumption is an inseparable part of the system of the branched direct and inverse connections with all without exception components of social economical and political life. At present the internationalization process influences a lot the public consciousness and as a result the behavioral standards of the Japanese, consumers' standards being among them.

In the old days monolithic point of view of the Japanese on internationalization is no longer the same. Some Japanese give preference to national traditions, some - to international norms. In one looks backward all Japanese consumers have gone all the way from "the society of initial consumers' accumulation" (till the end of the 70s) to "the society of consumers' maturity" (80s), which faces nowadays certain difficulties. Their overcoming will probably give a start to the formation of "a society of new consumers' values". On this way selective demand gradually ousts the basic one.

The place of gregarious syndrome (that gave 90% of population the feeling of belonging to the middle class) is replaced by a strong desire to isolate oneself from equal ones, to develop an extremely individual consumption style. Isolation as a new trait of mentality and consumers' behavior, as the demonstration means of one's uniqueness and as self-expression has resulted in a big row of symptomatic changes in the essence of personal consumption. Since mid-seventies a slow but an inevitable decrease of expenditures on food, clothes and accessories, furniture and home appliances has taken shape, while expenditures on transport and communications, education, leisure and entertainment have grown.

The services' sphere provides for bigger opportunities for isolation than the valuables' sphere though it also has effective means to achieve isolation. One of them is a transition from a collective use of durability goods to individual use through acquisition by one of the families several copies. Informatization has also given big opportunities for isolation.

The next means of isolation achievement was invasion of de luxe goods or luxurious items to the market. This tendency meets the spirit of "the society of consumers' maturity". Internationalization has also played a distinctive role as industrial centers manufacturing de luxe items are situated in Western Europe. In 1989 17% of de luxe items were sold in Japan, the total volume of sales being 46 billion dollars. In many respects the internationalized public consciousness chooses status of the upper middle class in the developed western countries as standard with which own life is compared. Most likely at the end of 20 and beginning of 21 century all expectations in consuming of the Japanese will be within these limits.

In recent decades many figures of level and life quality have shown Japan's steady forward development. Compared with other developed countries Japan has the longest life expectancy, the lowest number of divorces and suicides, a low death-rate, including children's death-rate. Conditions for creative activity both on production and in leisure time are gradually being provided. It is noteworthy that a rather low crime rate definitely promotes a happy social climate.

While Japan enters the 21 century a new model of life quality is being formed, there is a transition in population's mentality in a broad sense of the word from the commodities acquisition' toward the services' receipt, from a uniform demand toward a differentiated, an individual and more flexible demand, from the life orientation at one kind of labor toward its variety, including various hobbies' spread.

Life standard and life quality seriously influence everybody's life cycle which consists of 3 stages: childhood and youth, young and mature years and old age. Each one has its own peculiarities. During the first stage one is brought up and educated and together with this forms as a personality. The second stage begins with a career start and ends with retirement. Then it is the turn of the third stage which lasts till one dies. During this life cycle one builds up a family, brings up children and finally dies passing all the accomplished on to the next generation.

Naturally, the life cycle of every individual is unique in its own way. However, depending on what social group one belongs to, in what environment one is brought up, one's life is determined from the very beginning. Besides the influence of circumstances and other people the life cycle is affected by general social and economic factors, medical and biological changes as well as conditions of global development.

Latest decades have seen the transition of Japan from 60-year to 80-year life cycle. This was caused, first and foremost, by the rapid extension of population's life expectancy (improvement of life standards and life quality, good ecological situation, perfection of medical services, social protection of the population). The transition to 80-year cycle has resulted in a whole row of changes. First, children remain childish longer and they have more time for active knowledge accumulation and abilities development. Second, knowledge received in school and even in the university is not enough for a long grown-up life, thus there is a problem of constant knowledge acquisition. Third, the system of life employment loses its old power as able-bodied period extends and many manage to change the work place several times during their life.

The life cycle of the modern Japanese has been seriously influenced by an established nucleus family, the fact of fewer chil-

dren in the family as well as by the new aspects of woman's role in the family, on production and in social life. The last stage of the life cycle is closely linked with one of the main problems of the present society - its aging. This process accelerated practically immediately after the war when by the early 50-s the baby boom had ended and life expectancy began to grow.

In the 70-s Japan entered the UN official list registering old societies, or societies where the population structure of people above 65 years old exceeded 7 %. By the early 90-s this share in Japan reached 12%. In 1990 about 15 million out of 123 million population was above 65 years old.

However, at present the level of population's aging in Japan is still lower than in other countries. According to the future forecasts the speed of aging will rapidly accelerate and by the year 2020 the share of older generations in the population's structure will amount to 23-25% making 33 million people. By that time Japan will become an absolute winner in the list of "old" societies. The main problems of a society which is getting older are employment and social security. Naturally, with the growth of older people amount starting approximately with the year 2000 the number of able-bodied population will absolutely reduce.

In the latest decades there has also been a decline of the labor force share in the structure of able-bodies population. There have been significant changes in the age structure of labor force, the number of older and middle-aged workers has definitely increased. The tendency of workers' aging will be the reason for serious changes in the correlation of supply and demand in labor market.

Placing in a job, employment and work conditions of older workers in Japan have always been acute matters. First of all the peculiarity of these matters, on the one hand, can be illustrated by the existing system of life-long employment with its inevitable consequence - compulsory staff dismissal due to the old age, and, on the other hand, that very age didn't coincide with the official age of state pension acquisition . Moreover, the state of social security system as a whole added the complexity to these matters.

As Japan's population is getting older the society is facing the problem of expenditures' growth aimed for the support of this growing part of population. Now 60% of all social security ex-

penses are being spent on the old people. The major part of them are pensions. The national income of the country is consistently spent on those ones who no longer participate in its creation. For example, in 1970 10 able-bodied persons worked for the benefit of one old person, in 1990 6 able-bodied ones did the same, and in the year of 2000 there will be just 4 able-bodied persons working for 1 old one. In the middle of XXI century only 2 young able-bodied persons will take care of 1 old one.

Proceeding from the above on the boundary of centuries the country is to carry out a large-scale reform of social security system the basis of which was laid in the 80s. The main concept of the reform will, first and foremost, touch upon the organizational structure of the pension system. Its earlier separated parts should be united and all the financial funds should be consolidated. Thus a united social security system will be created which will have common principles of insurance, allowances and services provision.

Bearing in mind that in many developed countries the state has taken care of all sections of the population, it is noteworthy that Japan has extremely succeeded in this respect. Here we have already formed, democratic, close to lawful, socially oriented state and close to civic society which is distinguished for people's well-being. One can easily say that at present nowhere in the world any state or any society has achieved such mature stage. Japanese state and society of today show an example to be followed by the world community, and for Japan itself they are just the starting platform on its way to the 21 century.

The political system in Japan ("the system of 1995") staying practically unchanged during almost 40 years has successfully provided for the above mentioned high development level. However it has appeared inadequate for the new social requirements and that is why it was significantly changed in 1993-1995. Reorganization of political parties and implementation of political reform reflected the actual situation in the country. Practically political reform was necessary after the deep crisis which followed the big scandal associated with "Rekuruto cosmos" company and defeat of Liberal-democratic party in the elections to Council Chamber in 1989.

In ideological sphere the main trend reveals itself in bringing together the strategic aims of main political forces. There are very little differences not only between the platforms of liberal democrats and neo-conservatives but even between the ones of liberal democratic party and social democratic party. This is the result of common people consciousness strengthening in the society. This involves extension in the party ideology of the social segment common for all major political forces of social democratic orientation. The former colourfulness of ideologies had objective grounds and was rather useful unless the present well-being has been achieved.

However, the fact that the ideology of LDP wasn't enough socially oriented and slogans of SDPJ were not practically supported impeded socium consolidation. A vivid example of serious concessions in ideology is the change of SDPJ position towards self-defence forces, safety agreement, "non-military neutrality". The trend of ideologies' rapprochement will continue and strengthen.

Reorganization of political system led to liquidation of the so-called "one and a half party" system of 1955. Special attention in this process should be paid to appearance of neo-conservative parties (founded on the basis of LDP), consolidation of these parties together with centrist parties and formation of New Progressive party, significant restructuring of parliamentary groups, LDP's course at fractions' liquidation. Inside the parties themselves certain compromises are being made. The time when LDP could either listen to or not listen to the opposition is over. This also relates to the faults of the political system before the reform.

Ideological closeness of the ruling coalition and opposition moves the fight almost completely into the field of practical policy. Coalition-forming is now typical of political relations building. There are possible changes in state institutions bringing together the state and society, in particular, the turn of Parliament to the masses.

Democracy is further deepening: the state control over the private sector of the economy is cut down, bigger rights are granted to the prefectures in their relations with the state and municipal districts of the lower level in their relations with the prefectures. The general democratization of life in the society and the new

achieved level of economic development in Japan, as well as entering the internationalization era, persistently require not cosmetic repairs but profound reform of the present system of local self-administration in Japan.

The beginning of the 90s saw a great deal of drafts of self-administration reform, elaborated by Japanese authoritative public organizations, experts and single politics as well as advisory councils of the government. The common idea of all the drafts is to recognize the necessity to limit the state functions and rights, grant significant part of them to self-administration bodies, to accelerate adoption of legal acts which are to open the way for the reform and specify its direction. Most popular are the offers about self-administration's financial independence strengthening by way of changing the correlation of state and local taxes towards increasing the local ones, about reduction of various regulations and lessening of state interference into local bodies' activity, and offers about abolition or at least limitation of the practice to transfer state affairs to local bodies for fulfillment, the decision of which still remains the state's priority.

Besides the transfer of a part of state present functions to local authorities, on the agenda there is also a question of extension of municipal districts' rights at the expense of prefectures. In the course of discussion how to find the ways to intensify the role of local population in "control from below" special attention is paid to ensuring the information availability and decision-making publicity by the bodies of local self-administration, starting with the stage of development plans elaboration for municipal districts and prefectures up to their further implementation. Briefly, decentralization is in question. The proper law was adopted in May, 1995. This law outlined the general direction of the reform and set up the term for its implementation.

All the above mentioned deals with actual relations within the institutions, between them, between the institutions and masses. The dominating trends are determined by the reform of 1993-1994 (its general provisions touched upon the changes of election system, state subsidies to the political parties, regulation of political funds.). The settlement of acute political problems in the middle of

90s is adequate to the state of society which has a principally new technological structure in both economic and social sphere.

By mid 80s Japan took the second place after the USA in gaining "scientific-technical power", and by the end of 80s basic technologies being the basis of reproduction process were united with information technologies. Scientific and technical progress constantly leads to introduction of new production technologies the unity of which forms the so-called multi-dimensional technological space. What does Japan possess in this sphere to take to the 21 century? The world experience evidently shows that informatization is a main direction of scientific and technical progress at present as it provides for the global overturn in the use of all practical technologies by the society, significantly accelerating their development and renewal. That is why informatization has been considered in Japan the major scientific, technical and production priority.

Radical changes in production apparatus (in the first turn in production) seriously contribute to the future transformation processes in economy and, certainly, to the essence of labor. Serious development of intellectual functions of planning devices and actual production manufacturing deserve special notice in future production apparatus. This will become one of the main directions of cybernitization in the society, the basis of which will be new generations of computers, wide spread of personal computers and public availability of communication devices of any type, including satellite communication.

Thus a new phase of technological development is formed, there is a transition from automatization and informatization stage to auto intellectualization or cybernetization. The technologies implemented on the basis of "life science" will play not the least important role in this process. Obviously, these technologies will bring along historical changes to civilization (escape from dangerous diseases, active longevity, capabilities development).

Modern Japanese possesses scientific and technical potential allowing it to pursue rather universal technological policy avoiding the principles of selective strategy. It is worth noting the tendency of Japan's permanent presence in elaboration of all significant objects of modern technological space and its leading role in tech-

nologies development which form key innovations. The data about the processes taking place in Japan in science-technics- economic spheres evidently witnesses that a principally new technological structure of reproduction process in Japanese society has been formed and technical fundamentals of the steady development and economic safety concept have been practically implemented.

Such a high scientific, technical and economic potential of Japan allows it to solve the problem of its turning into an international state. Not the least important factor in the above mentioned is Japan's participation to the Official Development Aid (ODA). It has been holding the first place among developed countries in this matter since 1989. In 1994 the amount of its aid exceeded 13, 3 billion US\$. The aid was granted to 150 countries, for 28 countries Japan was the main source of aid. Lately, ODA has been susceptible to significant changes: its volume has rapidly grown and it has acquired principally new shape. The geographical scale of this aid is constantly expanding as in addition to other countries it goes now to former Central Asian republics of the Soviet Union. Russia and countries of Eastern Europe are also becoming the objects of financial aid. Besides that, application spheres of Japanese ODA are extending. Besides main aid going to agricultural needs, medical services and insurance development, staff training, loans redeeming, technical co-operation; partially aid is used for environmental protection, solution of population growth problems, AIDS and drugs abuse problems. Moreover, now assistance is rendered in computerization field, in new materials creation, development of high technology industries, in management and control over production.

Bearing in mind the accumulated experience, Japan is now working on the drafts more thoroughly taking into account not only local conditions but also the consequences of objects' construction from the environmental protection angle and the way they influence the life of population, the state of flora and fauna.

Aiming at that the Japan International Co-operation Agency has founded the Committee for Environmental Protection at ODA granting. Official Development Aid consists of presents (free and technical aid) and yen direct credits. No doubt, Japanese Aid contributes a lot to development of the countries receiving the aid.

As the economic situation is getting better the forms of aid are changing. Free aid is giving place to compensatory aid.

The Japanese government is constantly controlling this problem giving it a serious consideration in its economic programs. The long-term plans for the 21 century propose to open a new era in the policy of aid granting. At this Japan is to keep leadership in this sphere, constantly extending aid's directions and bringing it to a principally new level (intellectual sphere is in question). Special attention is paid to aid as the means of global problems solution. At this the government envisages assistance rendering to Japanese non-governmental organizations involved in the same activity. No doubt, Japan's growing role in ODA is an extremely important instrument for its foreign policy objectives' achievement without military force use.

The foreign policy of Japan, its aims, tasks, as well as forms and methods of its pursuing have been radically changed by the end of the present century. After defeat in the war Japan lost its significance as an independent foreign political force. The military and political unit with the USA made it act within the sharply outlined frames of American policy. Though it was rather fruitful for the economy, it led to incapability of independent decision-making in foreign policy. Mainly Japanese behavior in the international arena was completely aimed at economic objectives achievement.

The end of the cold war and strong confrontation in the world between systems, changes in geopolitical forces disposition both on the global and regional level have created the conditions for Japan's reconsideration of its tactical and strategic aims and objectives in foreign policy. Having become great economic power, Japan is trying to raise its international prestige, not only the regional one, in other words to adjust its political role with economic might.

The priority in foreign policy still belongs to relations with the USA, though they are also liable to serious changes due to the change of situation in both these two countries and the world. Besides the USA, economic and political relations with China have always played an important role among other bilateral relations of Japan, and in Asia they definitely are of the utmost significance. At present China has turned into an equal partner of Japan in the in-

ternational arena and has become an extremely important element in formation of the Japanese foreign policy course.

Geopolitical changes in Asian Pacific Ocean region and as a result less acute necessity to direct oneself primarily toward the USA in Japan's foreign policy have increased the significance of political partnership of Japan and ASEAN. With the help of this partnership Japanese leaders hope not only to establish political leadership in Asia, but also to get the back- up of ASEAN members for important international problems solution.

The growing role of ASEAN in the 90s in the search of the basis for safety system formation in Asian Pacific Ocean region has allowed Japan to gradually turn from mainly economic co-operation with this organization to consideration of political issues. The phenomenal economic development of the countries in Eastern Europe, at the head of which has been Japan, requires elaboration of regional strategy. Moreover, not only Asia, first and foremost Eastern Asia, but all Asian and Pacific Ocean region, including the USA are meant.

The foreign policy of Japan in a global sense has to do with the activity within the G7 countries and the UN. As a member of the G7 for many years Japan has been participating not only in decision-making of global economic problems but also in discussions of acute issues of international politics. Obviously, Japan shouldn't loose the chance given to it after the end of cold war and enter the 21 century as a world power in a full sense of the word with global interests and the state bringing great contribution to the development of world civilization.

For many centuries a specific character of the Japanese society development has revealed itself in popular borrowing of other civilizations' achievements, adjustment of these achievements to local conditions , organic coexistence of cultures. As a result socio-psychological aims of today and public standards and spiritual values of the Japanese have formed. The Japanese live in harmony in two different cultures. Depending on the conditions the Japanese sees no difference whether to use sticks for eating or fork and knife, whether to put on geta or shoes, European clothes or kimono, work at the desk or write in calligraphy seating on tatami, listen to the symphonic orchestra or joruri singing in Bunraku

theater, to follow exquisite performance of Kabuki actors or watch western shows, play go or seat in front of playing machines. Already two or three generations of the Japanese perceive these two cultures as home cultures not opposing one to the other.

A modern Japanese demonstrates independent life behavior (respect to a personality) and his belonging to a certain social group; recognizes strict discipline and creative character of labor; realizes the importance of accumulation and establishment of aesthetic values; firmly sticks to democracy and pluralism principles, guaranteeing stability in the society although showing respect to the seniors in age and position.

On the boundary of the 21 century Japan (first it attracted the world attention with its military might, then economic miracle) is looking for determination of her identity and the whole nation is thinking about it's socio-psychological and cultural genetic type. National identity is in question. Sometimes it acquires the shade of the notion "image" - look, appearance. In general the essence of identity is the unity of basic traits differing one social object from another and creating such an ideological and aesthetic form and image in which it lives and develops in the outer environment and communicates with other. In brief, representatives of certain groups are individual and unique.

In a broad sense identity reveals itself in the world-outlook and system of values of the modern Japanese, in their attitude toward themselves and orientation in the outer world. It should be noted that the traditional characteristics of the outlook has appeared to be rather steady. However, the internationalization couldn't have failed to a certain extent influence culturally and psychologically self-appraisal of people. As before new generations introduce most serious changes into identity of the Japanese. In the 21 century and especially in the next century this factor will become even more significant.

As it is known many traditional characteristics of the Japanese identity originate from the specifics of agricultural organization. Despite the sharp increase of urbanization and reduction of rural population, due to the right policy of the state and society Japan has managed in many respects to preserve agricultural infrastructure as a traditional element of its identity. At this traditional and

cultural and ceremonial elements do not remain unchanged but adjust to the new realia, their essence being modernized together with the form. Rather often they become a part of social political establishment finding there their own niche.

An extremely flexible structure of social organization and mainly traditional attitude of the Japanese to religion and cultural elements similar to it as to elements of culture and national identity and not as to some strict philosophic institutions further make for the above mentioned. At present many nations realize the necessity to declare own ethnic uniqueness, that is why the problem of mutual perception becomes even more important. It is acquiring acute character as internationalization continues involving not only interstate but interpersonal relations intruding into everyday life of people.

The island situation of Japan has always allowed Japanese to think about Japan as the unique country in the world. They have never felt the pressure of neighboring countries on their borders. In case there was a fight for power it was waged on the territory of one country and within one and the same nation in contradistinction to constant re-drawing of the map of Europe. The closeness of the Japanese society is mainly based on the ethnic homogeneity of the nation and leads to a certain isolation from the outer world, to absolutization of their own country, to propaganda of its uniqueness and exceptional role.

Self-realisation and finding the own place in the world is a common need of ethnic groups, people, personalities, this is "cognition need" as Dostoevsky called it in "Karamazovs' Brothers". After almost a century L.N.Gumilev this need was expressed in the theory of "пассионарности". However, cognition is a very complex notion, and hardly any nation can be completely comprehended or defined.

This also concerns the relationship Japan-the West in the end of the 21 century. In the old days the attitude of foreigners to Japan was based in many respects on their ignorance of the country, moreover, lack of desire to learn anything. The disregard of the real state of affairs sometimes caused a shock. The country of fans (according to V. Brusov), Madam Butterfly (D.Puchhini), the chrysanthemum country (B.Kellerman) has suddenly achieved

fantastic military success though it was considered fragile as a fan. As a result a sword (R.Benedict) was added to the traditional chrysanthemum and the new image of Japan - the image of yellow danger - was formed. The same thing repeated after the second world war. Then only a decade later completely defeated Japan started its way upwards and became one of the strongest powers in the world. Always the Europeans were indignant at the Japanese, scolded them for their unpredictability, but undertook little efforts to form the right image of this country.

The evolution of nations' mutual perception reflects all the range of relationships between the countries. It is rather important how a nation is able to perceive the foreign experience and react to it. The above is the result of uniqueness of any ethnic group, non-identical intellectual sphere, variety of values, specifics of national consciousness. The peaceful development of Japan in the post-war period, preservation of its unique character along with deep europeization in general can serve as a good model for the developing countries which can forget about their fear to lose own identity in modernization and internationalization processes.

Japan has always presented itself to the world as "a wonderful country", before the war time this expression was added by another one "a strong country" This meant that with the help of military force it could subordinate the whole world. After the war the words "A wonderful country" were added by the epithets "rich, wise, peaceful". Now the economic might of Japan is the pride of the Japanese.

The present automatic stereotypes of the Japanese include: work, extreme diligence, abidance by law, belonging to the great economic might. Such image of the Japanese is supported and propagandized on the official level. Now it is the turn of the Japanese to think that Europe lacks dynamism as it sticks to traditionalism by which the slower development is meant. In general one fails not to recognize that the appraisals of the West by the Japanese, the culture of which has been always respected, have always been more unprejudiced and objective than the foreigners' appraisal of their country.

The epoch of internationalization brings along new opportunities for each nation to demonstrate its own national values both

economic and social and cultural and to enrich itself with the necessary international experience. On this way it is always possible to find the free niche for the relations with the World Community with consideration of mentality and desire of nations to appraise each other's spiritual values from the position of partnership.

СТАБИЛЬНОСТЬ - КЛЮЧЕВОЕ ПОНЯТИЕ СОВРЕМЕННОГО ЯПОНСКОГО ОБЩЕСТВА

В современном развитом демократическом обществе происходят глубокие перемены, связанные с функционированием общественных механизмов саморазвития и регулирования капитализма, с включением новых социально-экономических факторов в дальнейшее стимулирование производства (стремление к повышению качества товаров и услуг, признание приоритетов интересов общества над интересами производителей). Это ведет к эволюции всех сфер жизни общества, включая образование, культуру, досуг, что формирует новый образ жизни и в конечном результате смягчает диспропорции и противостояние в обществе.

Другими словами, создаются достаточно гармоничные производственные и социальные отношения. Чрезвычайно важно при этом установление многомерности целевых функций бизнеса, когда учитываются не только личные выгоды предпринимателя, краткосрочные интересы компании, но и интересы области, округа, государства, а подчас и всей планеты (в частности, проблема экологии). Именно в последние десятилетия бизнес все больше проявляет определенное самоограничение, ориентированность на поддержание стабильности и гуманное отношение к наемным работникам, ко всем гражданам. Можно сказать, что целевая установка современного предпринимательства - не сиюминутная прибыль любой ценой, а постоянная заинтересованность в сохранении и развитии стабильного динамичного рынка.

Подобная установка - результат долговременной эволюции рынка в условиях острой конкурентной борьбы, а также борьбы с трудящимися, их профсоюзами и партиями. Со своей стороны, наемные работники в развитых демократических странах видят в работодателе уже не столько эксплуататора, присваивающего львиную долю прибавочного продукта, как это было на начальных стадиях развития капитализма, сколько предпринимателя, рискующего своим капиталом, чтобы дать им заработать.

Одновременно происходят значительные сдвиги в общественном сознании, укрепление в политической жизни идей неоконсерватизма, то есть неоконсервативной модели общественного развития, сутью которой является система "социального рыночного хозяйства". Причиной появления этой модели послужила явная недостаточность прежних возможностей мировой экономической системы, что вело к структурному кризису. Неоконсерваторы сумели найти более результативные средства решения социальных проблем, активнее стимулировали индивидуальные достижения, не отрицая при этом "социальное выравнивание". Самое главное состоит в том, что они выступают против вмешательства государства в экономическую жизнь общества, но за самое активное такое вмешательство в политику, за приоритет общего над индивидуальным. В этих странах государственные органы взяли на себя обязанность не только поддерживать экономически господствующий класс, но и заботиться об основных потребностях общества.

Все это вместе взятое привело к тому, что в последние годы в большинстве ведущих стран произошли радикальные перемены в организации и функционировании общества в направлении социально-экономического компромисса, что в значительной степени обеспечивает их стабильное развитие. И это - несмотря на наличие безработных, большого числа маргиналов, разрыва в доходах крупных предпринимателей и основной массы наемных работников. Стратегия социального компромисса оказалась адекватной ситуации, сложившейся в этих странах. Особенно это характерно для Японии.

Взаимодействие вышеперечисленных механизмов и процессов обеспечивает постоянное поступательное развитие страны и возможность находить выход из, казалось бы, неизбежных тупиков. Этому способствует своеобразие самого японского общества, на формирование которого оказало влияние специфика островного положения страны, природные условия, история с ее эпохой полной изоляции от внешнего мира и последовавшим за ней периодом ускоренной модернизации, принесшей невиданные плоды, социопсихологические особенности японцев, сложившиеся в результате взаимодействия и взаимопроникновения

синтоизма, буддизма и конфуцианства, этническая однородность нации, а также уважение своей истории и традиций, глубоко укоренившееся понимание ответственности перед людьми.

Японское общество с его вертикальной структурой, проникнутое духом корпоративности, с ориентацией всех членов на солидарность внутри определенной группы при умелой политике предпринимателей и правительства оказалось подготовленным не только к восприятию идей социального партнерства, но и успешной их реализации. Важно, что в целом уровень сознательности населения помогает находить правильные ответы на возникающие вопросы. Лишь один пример. В Японии реакция трудящихся на ухудшение экономического положения в связи со структурной перестройкой во второй половине 70-х годов, особенно из-за внедрения микроэлектроники, была относительно спокойной, в то время как в Западной Европе аналогичная ситуация привела к нестабильной политической обстановке, накалу стачечной борьбы, вызвавших инфляцию, снижение темпов роста производительности труда.

Кроме того, более высокие, чем в других развитых странах, показатели экономического роста, активное проникновение японского капитала в экономику других стран, расширение экспорта, постоянное преимущество в освоении новых технологий, высокий образовательный уровень населения, хорошие показатели большинства параметров качества жизни привлекают внимание не только развивающихся, но и развитых стран как образец для подражания и богатый материал для размышления о собственных судьбах. Достаточно сказать, что многое из того, что предлагают неоконсерваторы в социальной сфере и трудовых отношениях, уже реально существует в Японии.

В исторической ретроспективе на характер японского общества всегда оказывала большое влияние высокая адаптивная способность населения, т.е. усвоение им различных элементов других цивилизаций, более того, превращение их в компонент своих национальных ценностей. При этом национальный элемент, будучи подчас намного слабее заимствованного, тем не менее оказывает серьезное влияние на процесс адаптации. Это было обусловлено тем, как справедливо замечает крупнейший отечест-

венный исследователь буддизма О.О.Розенберг, что "в национальном элементе скрывалось известное предрасположение, известное характерное мировоззрение, хотя и не заключенное в рамки системы"¹. Примечательно, что интегрируя культуру других стран в свои традиции, Япония тем самым часто сохраняла то, что оказывалось утерянным у них.

Образование единого культурного сплава связано с мировосприятием японцев, в основе которого, как и в других восточных обществах, лежит традиция. По определению израильского ученого Ш.Айзенштадта, традиция - это "резервуар самых главных черт социального и культурного быта общества или цивилизации"². Для Японии характерен эволюционный процесс трансформации самих традиций. Новые элементы обычно лишь добавлялись к старой структуре, никогда не разрушая ее, часто сосуществуя с ней, иногда сливаясь, создавая синтез, вызывая перестройку всей системы. Иногда этот процесс шел настолько бурно, что порождал обманчивое впечатление, будто японцы разрушают свои традиции.

Но это абсолютно не так, и поэтому нельзя не согласиться с мнением известного итальянского японоведа Фоско Мараини: "Двадцатый век в Японии часто рассматривается как прогресс, вызванный множеством чужестранных элементов, представляющих собой модернизацию, на фоне упрямого сопротивления сил традиции. В некоторых случаях это верно, но общая картина представляется совершенно иной"³.

Уникальное воздействие традиций, в широком смысле этого понятия, способствовало тому, что преобразования в японском обществе, даже достаточно серьезные, происходили без сильных социальных взрывов, путем реформ, без революций. Решение проблем (противоречий) путем компромисса - явление, характерное для Японии, где, как правило, выбирают золотую середину между разрушением и созиданием. Такой подход базируется на одном из основополагающих принципов японского мировосприятия "ва" (понятие гармонии). Как пишет отечественный японовец Т.Григорьева, "Гармония (ва) означает правильное отношение - поддерживать нечто в состоянии подвижного равновесия, уравновешивать одно другим, что позволяет целому не

распадаться... в истории - это способность уравнивать, снимать конфликты, примирять враждующие стороны внутри и вовне. [Не случайно японцы назвали свою страну Ямато (второе чтение иероглифа "гармония" - ва) в отличие от китайцев, которые называли свое государство Срединным... Япония, она изначально предпочитала путь движения, действия; идеалу покоя, "центра" предпочла идеал движения; Пути...]"⁴.

Японский этнограф и историк Янагида Кунио не раз высказывал мнение о важности преемственности в истории общества⁵. Если на Западе, как правило, новая ступень развития создается при отрицании предыдущей, то в Японии - путем преемственности, обновления традиций. Преемственность в развитии общества обеспечивала такой важный его компонент, как стабильность. И если ближайший сосед Японии Китай на протяжении своей многотысячелетней истории не раз демонстрировал динамичные структурные перемены, то Япония знала всего лишь два крупномасштабных перелома - реставрацию Мэйдзи и капитуляцию после Второй мировой войны. Реформы, осуществляемые в эти периоды, имели поистине революционный характер: в первом случае они открыли путь к капиталистическому развитию и ускоренной модернизации, во втором - послужили фундаментом японского чуда.

Спецификой кардинальных преобразований в японском обществе является отсутствие классических революций, сопровождавшихся ниспровержением политических режимов, изменением главных принципов и символов законодательной власти, сменой правящих классов, коренным изменением социально-экономических отношений. В частности, для реставрации Мэйдзи был свойствен компромисс между консервативными силами и сторонниками обновления. Первые проявили склонность к изменению положения в обществе, вторые - к сохранению и поддержке традиций.

Две коренные ломки, пережитые Японией на протяжении последних ста с небольшим лет, принесли радикальные перемены в экономику и политику, затронули устойчивые и скрытые факторы социальной жизни. В результате сложились сегодняшние со-

циально-психологические установки, общественные нормы и социокультурные ценности японцев.

Японское общество конца XX в. демонстрирует высокий уровень стабильности, который обеспечивается целым набором факторов. Первым и главным является то, что демократия признана основной ценностью. Хотя ее внешние атрибуты были привнесены в страну еще в мэйдзийский период, демократические принципы оставались в основном на бумаге. Но и в первое время после поражения во второй мировой войне японцам, воспитанным в условиях традиционных семейных и квазисемейных отношений, было достаточно сложно адаптироваться к ним. Лишь Конституция 1947 г. послужила юридической базой демократии. Это самый демократический основной закон в развитых странах с уникальной 9-й статьей, согласно которой "японский народ на вечные времена отказывается от войны, как суверенного права нации". Конституция провозгласила суверенную власть народа, право людей на жизнь, свободу мысли и совести, собраний, слова, печати, научной деятельности, равенства всех граждан, право трудящихся на создание организаций и коллективные действия.

Особенность японской конституции состоит и в признании императора "символом государства и единства народа", т.е. сохраняется преемственность государственности, подчеркивается неизбывность нации, продолжается традиция. Демократические принципы, гарантированные Основным Законом, раскрепощают человека, стимулируют инициативу, проявление способностей, предприимчивости, содействуют активизации экономической и общественной жизни.

Развитие страны по пути демократии обеспечило условия для бурного экономического развития - основы стабильности в обществе. 50 послевоенных лет экономика Японии функционирует более стабильно и динамично, чем в других демократических странах. Основными вехами на этом пути были: план удвоения национального дохода, который вывел страну на второе место в мире по уровню промышленного производства и привел к экономическому чуду, которое заложило фундамент здания Японии XXI века; решение экологической проблемы; структурная пере-

стройка в связи с нефтяным шоком, экономическим и структурными кризисами; оздоровление государственных финансов; быстрая адаптация экономики к возросшему курсу иены; выход страны на второе место в мире по общему объему ВВП и одно из первых - в расчете на душу населения.

На благополучной экономике завязаны многие факторы стабильности общества и в первую очередь высокий уровень социального партнерства. Это находит отражение в характере трудовых отношений, которые сформировались в условиях устойчивого экономического положения, что благоприятно влияет как на наемных работников, так и на предпринимателей. В определенном смысле эти отношения можно оценить как один из успешных результатов функционирования именно японской социально-экономической системы.

Специфика процесса демократизации в условиях американской оккупации привела к тому, что в формировании трудовых отношений, принятии трудового законодательства, в деятельности профсоюзов достаточно удачно соединились две, во многом противоположные модели: привнесенная американская и специфическая японская. Такое сочетание позволило создать систему отношений труда-капитала на основе консенсуса и компромисса, в которой достаточно прочными и устойчивыми были позиции наемных работников и их организаций.

Базисной триадой развития и регулирования трудовых отношений по-прежнему продолжают оставаться система пожизненного найма, принцип оплаты по старшинству и пофирменные профсоюзы. Безусловно, постоянно идет процесс трансформации и модернизации этих отношений в целом и их отдельных компонентов. Происходит логическое развитие и углубляется взаимозависимость всех составляющих. Достаточно наглядно, в частности, осуществляется интеграция профсоюзов в структуру предприятия. Это влечет за собой существенное изменение места этих организаций в системе трудовых отношений, а также самого их характера.

Базисная триада охватывает практически все категории работников крупных предприятий, что облегчает их идентификацию со своей компанией. Такая идентификация связана с соци-

опсихологическими особенностями японцев, их групповой психологией. Отсюда - основная черта японских трудовых отношений: ориентация на предприятие, на сотрудничество партнеров ради достижения главной цели - повышения производительности.

Японские предприниматели проводят свою политику в отношении лиц наемного труда с опорой на человеческий фактор. Главным в ней является гарантия найма, обучение персонала, "участие" трудящихся в управлении производством, что помогает укреплению "демократии собственника". Следует отметить, что распространение такого типа управления, стабильность трудовых отношений, низкий уровень конфликтов - результат изменения соотношения сил партнеров, в первую очередь профсоюзов и предпринимателей, которое менялось на протяжении послевоенных лет и шло не всегда гладко, о чем свидетельствовали всемирно известные "весенние наступления" японских трудящихся.

Это был результат сознательных усилий предпринимателей модифицировать старую систему, основанную на конфронтации, и создать новую, опирающуюся на доверие и партнерство в целях более успешного экономического развития. Руководство федерации экономических организаций Японии (Никкэйрэн) признает доминантой развития экономики своей страны стабильность и мирный характер трудовых отношений, ибо "без хороших человеческих отношений на предприятии, без устойчивых трудовых отношений абсолютно невозможно поступательное развитие экономики"⁶.

На японских предприятиях существует относительное равенство всех занятых. По мнению крупнейшего японского предпринимателя, главы всемирно известной корпорации "Сони" Морита Акио, такого равенства нет ни в одной другой стране. В частности, он отмечает одинаковое отношение руководства компании к синим и белым воротничкам, что помогает сплочению коллектива. В свою очередь профсоюзы также стараются отражать интересы всех групп наемных работников, даже не входящих в эти организации (например, временно или частично занятых). "Такая унификация работников была одним из важнейших направлений развития трудовых отношений в послевоенной Японии. И этот

процесс шел с огромной скоростью", - отмечал экономист Нагая Тацухито⁷. Нельзя не отметить, что разница между зарплатами менеджеров и наемных работников в Японии наименьшая среди развитых стран.

Трудовые отношения в стране обладают высокой адаптивной способностью, демонстрируя гибкость, эластичность, согласованность действий. Например, с середины 70-х годов в условиях определенного ухудшения экономической ситуации в стране и проведения в связи с этим политики экономии ресурсов и сдерживания роста заработной платы со стороны предпринимателей профсоюзы проявили определенное понимание. Они выдвинули теорию "приспосабливания к трудностям экономики" и согласились на добровольное ограничение своих требований в пределах, предлагаемых организациями предпринимателей. Руководители Никкэйрэн по достоинству оценили их действия: "Профсоюзные лидеры в нашей стране, кожей чувствуя благоприятна или нет обстановка на их предприятиях, могут найти взаимопонимание с предпринимателями. Это создает основу для осознания общности судеб, отношений доверия между трудом и капиталом"⁸.

Работники японского предприятия представляют собой довольно однородную общность, и здесь никогда не акцентируется классовое сознание. Трудящиеся всегда отдают предпочтение стабильной занятости своих предпринимателей. Последние, в свою очередь, рассматривают их не только как рабочую силу, но и как фактор производства. Таким образом отношения на предприятии строятся не на противостоянии, а на тождественности интересов. Это так называемый неопатернализм. Он предполагает не столько социальное партнерство, призванное смягчить противоречия труда и капитала, сколько социальную гармонию, опирающуюся на сближение и даже совмещение ролей партнеров. Подобные процессы идут и в развитых демократических странах Запада, но в Японии они достигли большей зрелости.

Именно предприятие является тем местом, где работники объединены общими целями и интересами и где они ощущают себя членами одной общности. Такое ощущение воспитано на конфуцианском догмате сыновней почтительности, которая

трансформировалась в лояльность. И именно она помогает сохранять сравнительно благоприятный социальный климат в компании.

Предприятие интегрирует не только самого работника, но и его семью. Делается это путем строительства жилых домов, организации отдыха в санаториях или в зонах отдыха, оборудованных для занятия спортом, создания дошкольных учреждений, организации путешествий и развлечений, предоставления кредитов под низкий процент, выплаты выходных пособий по достижении определенного возраста. Например, квартирная плата в домах, принадлежащих компании, значительно ниже рыночной. Семья в этой связи начинает больше ориентироваться на компанию, чем на родственников. Получается, что работник с семьей круглосуточно находится в поле зрения фирмы. Подобно старой семье "из", крупная корпорация читит предков, создает определенный кодекс поведения для последующих поколений. В последнее время рождается традиция "оставлять" работника в корпорации и после его смерти, устанавливая ему памятник как "человеку компании". Иначе говоря, предприятие стремится к тому, чтобы родилось ощущение "моя компания - мой дом".

Поэтому пока что с полным правом можно говорить о японском обществе как об обществе, где доминирует компания. Она фактически охватывает весь жизненный цикл работника от свадьбы до похорон через систему собственного социального обеспечения. Зависимость работника от предприятия в таких условиях настолько велика, что он не в состоянии подчас разорвать отношения с фирмой, хотя она уже стала путями в его личной судьбе. Но и фирме нередко бывает уже экономически невыгодно сохранять прежние отношения со своими работниками, особенно во время неблагоприятной конъюнктуры. Однако несмотря на то, что использование старых систем организации труда подчас нерационально, предприниматели идут на их сохранение ради поддержания социально-политической стабильности на микро- и макроуровне. Эти системы все-таки нужны предпринимателю и государству в целом. Они гарантируют мирное положение в промышленности и социальную стабильность. Все новое в трудовых отношениях вводится весьма осторожно и

аккуратно. В частности, постепенно в компаниях в число приоритетов наряду с производительностью входит признание индивидуальных интересов работников⁹.

Гарантом успешного экономического развития и благоприятного социального климата выступает политическая стабильность. Ее идеологической основой является консерватизм. Под ним в Японии понимается прежде всего сохранение высокой стабильности общества в условиях обеспечения динамизма его развития. Этому способствуют как объективные - подъем экономики, так и субъективные - сложившаяся политическая система - факторы. В последней удачно соединились пришедшие извне парламент, партии, принципы государственного устройства, с одной стороны, и с другой - традиционная политическая культура, которая основывается на национальных духовных ценностях, нормах поведения и вертикальной структуре общества. Главными являются корпоративизм, свойственные группе нормы отношений и поведения и связанные с ними эгалитаризм и гармония.

В политическом феномене Японии (однопартийное правление либерал-демократов в течение нескольких десятков лет) уже в 70-е годы прозвучали первые тревожные сигналы - наметилось ослабление позиций правящей партии. Примерно треть населения в то время жила на территории, управлявшейся представителями оппозиции. Однако ввиду отсутствия классических форм межпартийной борьбы и замены ее фракционной внутри Либерально-демократической партии, последняя сумела вернуть к 80-м годам свои позиции. Несмотря на ее однопартийное правление, общество в целом выглядит плюралистическим. Правда, в нем иногда раздражаются бури, вызываемые коррупцией в правящей элите, что подрывает доверие к ней населения. Результаты последних выборов в палату представителей парламента (1993 г.) показали недостаточную гибкость сегодняшней политики консерваторов. Но хотя к власти и пришло коалиционное правительство (первое за последние сорок лет), ключевые посты все же были сохранены за бывшими либерал-демократами. Другими словами, у власти осталась прежняя элита с консервативной идеологией, умело использующая ее для регулирования баланса сил. Как доказал итальянский социолог В.Парето¹⁰, именно

у политических элит, владеющих определенной идеологией, и находится реальная власть. Перегруппировка сил в политическом истеблишменте современной Японии свидетельствует о стремлении элиты использовать все легитимные пути для ликвидации накопившихся негативных явлений (дисфункциональный потенциал), открыть доступ в свои ряды для молодого поколения политиков и не допустить приход к власти, по определению Парето, контрэлиты.

Но эти политические игры затрагивают лишь самый верхний эшелон власти и не отражаются ни на динамичном развитии экономики, ни на стабильности в обществе. В целом в стране сохраняется политика консервативной ориентации, по сути неоконсервативной модели развития. Другими словами, как и прежде, в Японии происходит адаптация к изменившимся условиям. Так, очевидно, и должна действовать ответственная демократия.

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на то, что ученые, публицисты, обозреватели крупных газет начинают задумываться, не находится ли японская демократия в тупике. На это их наталкивают упомянутые политические баталии и усиливающийся абсентеизм населения: ведь на выборах в палату советников летом 1995 года пришло лишь 44,5% избирателей. Таким образом более половины японцев не пожелали выразить свое мнение о положении дел в стране. В таких условиях можно ли говорить о полноценном представительстве в парламенте и соответственно о полноценной демократии! По мнению обозревателя газеты "Нихон кэйдзай симбун" Итиока Ёитиро¹⁰, с самого начала японская демократия (которую он уподобил бекону из надежд и обещаний) действовала по большей части в интересах крупного капитала, а воля большинства в обществе ограничивалась определенными рамками, наличие которых объяснялось социопсихологическим типом поведения японцев, другими словами, группизмом и комформизмом. Люди не хотят потерять то, что имеют, поэтому они неохотно поддаются призывам политиков к переменам, несмотря на разочарование в деятельности того или иного правительства. Население все-таки не идет на деструктивные действия.

Безусловно, пришло время, когда для дальнейшего динамичного развития общество не может больше оставаться закрытым, вещью в себе, ограничиваться только своим мирком, своим языком, а должно научиться контактировать с другими народами и больше задумываться о будущем Японии и всего мирового сообщества. Уже упоминавшийся Итиока Ёитиро сравнил Японию с автомобилем, застрявшим в огромной пробке при отсутствии патрульной службы для регулирования движения. Он предлагает своей стране выбраться из этой пробки и найти нужное направление.

На этом направлении японское общество, в частности, придает большое значение женщине как стабилизирующей силе. В 90-е годы женщины составляют более половины населения; доля работающих - 50,3%, из них замужних - свыше 52%. Они заняты главным образом в третичных отраслях (почти 84%) и отдают предпочтение конторскому труду, работе в сфере услуг, овладевают такими, казалось бы чуждыми для женщины, тем более японской, профессиями, как полицейские, таможенники, строители. Отличительной чертой Японии в сравнении с развитыми странами является большой процент экономически активных женщин, работающих на семейных предприятиях и не получающих оплату за свой труд, а также занятых надомной работой.

Все большее число их работает по временному найму, где в 1993 г. они составляли около 70%. Предпочтение такой работе отдается из-за возможности свободно располагать временем и регулировать рабочий день в интересах семьи. Кроме того, оставляя постоянную работу на период рождения и воспитания детей, женщины возвращаются уже обычно на временную.

Примечательно, что они идут работать не только для того, чтобы пополнить семейный бюджет, но и ради удовлетворения личных потребностей в более дорогих вещах, развлечениях, хобби. В прошлом же работали только до замужества, либо в случае развода или смерти мужа. В последние годы немаловажной причиной трудовой активности женщин становятся психологические факторы, потребность и возможность раскрытия творческих способностей и самовыражения. Все большее число девочек после окончания средней школы поступает в колледж (в

1989 г. - 22,1% против 8% в 1960 г.) и университеты (соответственно 14,7 и 2,5%). В первом случае они по большей части получают навыки "домашней экономики" и специальность учителя. Во втором - выбирают гуманитарные специальности. В нарушение, казалось бы, незабываемой традиции, женщины активно вторгаются в сферу обучения, становясь преподавателями.

Правда, после окончания высших учебных заведений женщины далеко не всегда могут найти себе работу. В настоящее время в условиях неблагоприятной экономической конъюнктуры и сложности создания новых рабочих мест окончившим учебные заведения девушкам все сложнее устроиться. Например, по данным обследования министерства труда, в 1993 г. по сравнению с предыдущим годом на 40% уменьшилось число женщин, получивших работу, в то время как для мужчин эта цифра не достигла и 30%.

Во многом такая ситуация складывается из-за несовершенства законодательства. Закон 1986 г., провозгласив равенство полов в вопросах найма, не предусматривает каких-либо санкций при его нарушениях. Более того его положения часто имеют характер пожеланий. Например, нанимателям лишь рекомендуется "стремиться предоставить женщинам равные возможности с мужчинами" в той или иной сфере. Или оговорено, что компании не должны принимать только мужчин на определенные должности. В то же время не предусмотрено, что, скажем, в конторы следует нанимать только женщин, но вряд ли какому-нибудь руководителю придет в голову взять на такое место мужчину.

Прошло слишком мало времени, чтобы со стороны менеджмента изменилось отношение к женщинам на рабочем месте, чтобы они обрели подлинно равный с мужчиной статус. Они его не обретают даже будучи принятыми на работу. Несмотря на диплом их рассматривают лишь как вспомогательные кадры. По преимуществу женщин нанимают на должности клерков. Если же они попадают в разряд управляющих, то могут подняться лишь до определенного уровня, в основном в среднем и мелком бизнесе. Их по-прежнему стараются использовать на подхвате. Даже, если женщина выполняет одинаковую с мужчиной работу, у

нее непременно есть дополнительные обязанности - подавать чай, ксерокопировать, и никто не попросит об этом мужчин. Кроме того последние имеют больше привилегий и разного рода льгот. Менеджмент все еще отдает предпочтение им, а если и нанимает женщин, то делает это часто в рекламных целях, чтобы показать обществу свою прогрессивность.

Однако не всегда благоприятные условия для женщин в обществе, их сдержанность, привычка быть на втором месте, как бы выглядывая из-за плеча мужчины как "хозяина" (что было характерно на протяжении веков, ибо женщина принадлежала отцу, мужу, сыну), не мешают современной японке быть активным членом общества, участвуя в различных гражданских движениях, как по месту жительства, так и в общенациональном масштабе.

Женщины, особенно домохозяйки, - та часть электората, которая привлекает наибольшее внимание всех политических партий и независимых кандидатов. В силу особенностей структуры общества - существование в городе и деревне комьюнити и соседских общин - именно они являются связующим звеном между жителями и кандидатами в депутаты. Домохозяйки в повседневной жизни общаются с большим числом людей - лавочниками, ремесленниками, владельцами предприятий бытового обслуживания, учителями. От них кандидаты в депутаты получают информацию о положении дел в избирательном округе и именно через них ведут свою пропаганду среди избирателей. Женщины - активные добровольные сотрудники общества поддержки кандидатов в депутаты (одна из основных форм подготовки и проведения избирательных кампаний). Они ведут большую рутинную работу - составляют списки избирателей, рассылают приглашительные открытки на встречи с кандидатом, распространяют пропагандистскую литературу, обзванивают потенциальных избирателей с просьбой голосовать за своего кандидата. И именно на домохозяйек во время избирательных кампаний обрушивается буквально лавина звонков в дверь распространителей литературы и разного рода агитаторов. В результате женщины очень часто "навязывают" своим мужчинам выбор кандидата. Во многом

именно их усилиями и обеспечивается консервативная ориентация и политическая стабильность.

Однако роль женщины в избирательных кампаниях велика лишь при выполнении черновой работы. По сравнению с другими развитыми странами их очень мало в высших органах представительной власти. По доле женщин-депутатов парламента Япония стоит на 110 месте среди 131 стран (например, 2,3% против 38,1% в Швеции)¹². Сейчас в парламенте 52 женщины и только 14 в основной палате - представителей. Зато реванш здесь взяла бывший председатель Социал-демократической партии Японии Дои Такако, впервые в истории страны ставшая 68-м спикером нижней палаты.

Очень медленно, но все же растет число женщин, участвующих в процессе принятия политических решений. Лишь в 1991 г. впервые были избраны женщины на посты вице-губернаторов в Токио, префектурах Окинава и Исикава, а также на пост мэра в г. Асия. К 1995 г. добавилось еще 3 мэра-женщины (и это на 3237 городов, городков и деревень!). Периодически они занимают посты министров в правительстве, но министр по делам женщин - все-таки мужчина.

Более благоприятно выглядит положение японок на международной арене. Япония представлена четырьмя женщинами-послами, одна из которых возглавляла делегацию страны на конференции по разоружению в январе 1995 г. Пятеро занимают весьма высокие посты в Организации Объединенных Наций, одна из них - Огата Садако - впервые была назначена верховным комиссаром ООН по делам беженцев. Наиболее заметна роль женщины в органах местного самоуправления, где в 1993 г. они составляли 3,3% депутатского корпуса, больше всего их в мегаполисах - Токио, Осака, Киото.

Несмотря на благоприятные перемены в положении женщин, продолжает бытовать мнение, что они находятся полностью в подчиненном положении в семье и обществе в целом. Однако большинство их, согласно опросу общественного мнения, в целом удовлетворены своим положением и постоянно растет число довольных тем, что родились женщинами.

На них ложится основная тяжесть воспитания детей, и в нынешних условиях во многих случаях они не желают жертвовать ради работы семейными обязанностями. Это объясняется тем, что несмотря на все новации, семья остается одной из главных ценностей, которые легко не меняются. И сегодня она является тем компонентом общества, который предохраняет его от сплошной европеизации, поскольку именно семья - хранительница национального духа. А женщина в ней - хранительница традиций, которыми и живо обществе. Без преувеличения можно сказать, что и настоящее находится в их руках, поскольку они "отвечают" за половину экономики, контролируют до 80% потребительских расходов. Ведь именно жены ведут семейный бюджет и распоряжаются заработной платой мужей, которая переводится на их банковские счета¹³.

Учитывая все возрастающую роль женщины, правительство создало в июле 1994 г. специальный орган - Штаб содействия достижению равенства полов во главе с премьер-министром. В его составе - заинтересованные высшие должностные лица, задача - координировать политику правительства, министерств и ведомств, в той или иной мере занимающихся решением этой проблемы. Штаб разработал Новый национальный план действий, рассчитанный до 2000 г.¹⁴, состоящий из нескольких блоков проблем. Первый направлен, и это очень важно, на пропаганду необходимости достижения полного равенства между мужчинами и женщинами. Он предусматривает в первую очередь корректировку традиционных стереотипов в этой области, подключая к этому всю систему образования, подчеркивая значимость для общества проблемы материнства и детства. Второй блок представляет собой набор мероприятий, обеспечивающих усиление активности женщин в процессе политических решений на равных правах с мужчинами, одинаковые условия труда во всех областях народного хозяйства и совместное участие в семье и общественной жизни. Еще один блок касается вопросов предоставления свободы выбора для женщин. Это относится к сфере труда, расширения сети дошкольных учреждений и пр. В связи с проблемой старения населения особый блок посвящен заботе о женщинах пожилого возраста. Учитывая углубление процесса

интернационализации, еще один блок вопросов связан с выходом японок на международную арену.

Поскольку, как уже говорилось, женщины ответственны за значительную часть экономики, личное потребление - этот важнейший компонент качества жизни, от которого в целом зависит стабильность в обществе, во многом замыкается на них. Понятие качества жизни, введенное сравнительно недавно американским ученым Дж.Гэлбрайтом, подразумевает все блага, которые могут быть предоставлены потребителю в развитой индустриальной стране. Специалисты ООН по проблемам развития человечества разработали показатели качества жизни: ее продолжительность, занятость населения, покупательная способность, доступ к политической жизни, состояние здравоохранения и образования, экономическая и политическая стабильность, жилищные условия, возможность проведения досуга, весь спектр духовной жизни. Согласно данным ООН на 1993 г., Япония вышла на первое место по индексу качества жизни, который аккумулирует все вышеназванные показатели.

Разительные перемены качества жизни японцев зрительно запечатлел американский журналист У.Бенсон: "В 1968 г. двери переполненных электричек с шумом открывались и извергали массу одетых на один манер мужчин и женщин, стремящихся в свои офисы, в которых было холодно зимой и душно летом... В 1988 г. двери современных, оборудованных кондиционерами пригородных поездов открывались бесшумно, и из них выходила масса мужчин и женщин, одетых по международным стандартам... Они жили в домах, оснащенных самыми современными удобствами, о чем тридцать лет назад никто из них не смел и мечтать. В их офисах, расположенных в ультрасовременных зданиях, создан микроклимат, они весьма комфортабельны и удобны для работы, хотя еще тесны по европейским меркам"¹⁵. У.Бенсону вторит немецкий японовед Ю.Берндт "Когда я сравниваю многое из увиденного мною в 1958 г. с тем, что было гораздо позднее, то не нахожу ничего общего - будто попал в другую страну"¹⁶. А точнее всех высказался президент Исследовательского института по проблемам культуры при фирме Санрё (производство товаров широкого потребления): "Образ жизни

общества меняется так быстро, что невозможно предсказать будущее на основе данных прошлых лет"¹⁷.

Последние десятилетия по многим показателям уровня и качества жизни Япония неизменно шла по восходящей линии. Здесь наблюдается по сравнению с другими развитыми странами самая высокая продолжительность жизни, самое меньшее число разводов и самоубийств, низкая смертность, в том числе детская¹⁸. Согласно сравнительному статистическому анализу, проведенному Бюро экономического планирования в 1987 г. по 151 показателю уровня жизни в Японии, Англии, США и ФРГ, Япония была на втором месте по экологической ситуации и экономической стабильности. Однако она отставала по жилищным условиям, социальной активности (имеется в виду деятельность различных обществ потребителей, добровольческих отрядов, клубов), а также в отдельных сферах культурной деятельности, в частности, по числу библиотек и выпуску новых книг на душу населения¹⁹.

Постепенно создаются условия для творческой деятельности на производстве и в свободное от работы время. Формируется система переквалификации в связи с удлинением активного трудоспособного возраста (один из способов решения проблемы старения населения), облегчаются и улучшаются условия труда, расширяются возможности преодоления последствий автоматизации и чрезмерной урбанизации.

Новые условия воспроизводства трудовых ресурсов определяют духовные и нравственные сдвиги в жизни общества, ведут к перестройке общественного сознания. Общее повышение и выравнивание образовательного уровня сближает культурные интересы различных групп населения. Духовные ценности постепенно становятся доступными широким слоям народа. В результате японское общество приобретает более гуманное лицо.

Одним из важнейших элементов качества жизни является уровень личного потребления. В послевоенные годы отмечался устойчивый поступательный рост реальной заработной платы, семейных доходов, сбережений и личного потребления граждан. В конце 80-х годов по объему конечных потребительских расхо-

дов на душу населения Японии достаточно близко подошла к уровню США (92%). Значительно улучшилась и их структура. Достаточно сказать, что к концу 80-х годов коэффициент Энгеля (доля расходов на продовольствие и табак) упал более чем вдвое против 1960 г.²⁰. Постоянно росли, совершенствовались и создавались новые товары личного потребления.

Стабильности жизни во многом содействует улучшение жилищных условий, диверсификация и индивидуализация образа жизни. По мере роста благосостояния, требования к качеству жилья постоянно повышаются, расширяется спрос на предметы длительного пользования. Дома японцев буквально набиты разного рода бытовой техникой. В стране трудно найти семью, которая не имела бы холодильника, стиральной машины, пылесоса, цветного телевизора. Примечательно, что показатель владения этими предметами в городе и в сельской местности практически одинаков, а по автомашинам - в деревне он даже выше. В последние годы значительно возрос спрос на высококачественные товары и услуги. Японские потребители явно проявляют пристрастие к дорогим и даже роскошным вещам и первоклассному сервису²¹.

Не менее, а может быть, более важной является качество питания. Оно стало более разнообразным и сбалансированным. Традиционная японская диета в последние годы получает все большее распространение в разных странах, ибо она ассоциируется с понятием правильного питания. Действительно, соединение национальной пищи (рис, морепродукты, овощи, соя) с продуктами животного происхождения и фруктами создает хорошую основу для улучшения здоровья. В Японии, как уже упоминалось, самая высокая продолжительность жизни, а также сравнительно низкий уровень сердечно-сосудистых заболеваний, что является совокупным результатом взаимодействия многих параметров качества жизни. Наиболее важным в этой связи является состояние системы здравоохранения, затраты на которое постоянно возрастают.

Говоря о качестве жизни, нельзя не отметить достаточно низкий уровень преступности, что, несомненно, положительно влияет на создание благоприятного стабильного общественного кли-

мата. В начале 90-х годов число убийств в Японии на сто тысяч жителей было примерно в два раза меньше, чем в Англии, в четыре чем в Германии и Франции и в девять чем в США. Намного меньше здесь грабежей и воровства. Незначительное число краж личного имущества, за исключением денег, драгоценностей и ценных бумаг, объясняется тем, что в стране их просто невозможно сбыть. Ведь на специально оборудованных свалках можно найти большое количество годных к употреблению, но старых марок различной бытовой техники. Уровень раскрываемости преступлений для убийств составляет 97%, грабежей - 76%, изнасилований - 84%, воровства - 37%²². Основными факторами, которые сдерживают рост преступности в обществе, в первую очередь, являются социально-психологические характеристики японцев, организация жизни в семье и локальных обществах (и в частности, восприятие участкового полицейского как члена комьюнити), высокий уровень образованности, наличие обществ по профилактике преступлений, в которых активно участвуют жители. Не приходится уже говорить о хорошо отлаженной правоохранительной системе и высокой технической оснащенности сотрудников полиции.

Современная Япония совершила гигантский скачок в уровне жизни. Однако этот показатель по некоторым параметрам не соответствует экономическим возможностям страны. Японцы больше работают, меньше и хуже отдыхают, живут в менее комфортабельных условиях, недостаточно социально защищены, чем в ряде стран Запада. Это побуждает правительство ставить вопрос о повышении качества жизни, как стратегическую задачу. В частности, в 1992 г. оно предложило разработать пятилетнюю программу, в соответствии с которой Япония должна стать "сверхдержавой качества жизни". Эта проблема отражена также в главном лозунге профсоюзов и всех политических партий - "От равной со странами Западной Европы и США заработной платы к равному уровню качества жизни".

На пути Японии в XXI в. складывается в принципе новая модель качества жизни, происходит переориентация населения от приобретения материальных благ к получению услуг в самом широком смысле этого слова; от единообразного спроса - к

дифференцированному, индивидуализированному и более подвижному; от пожизненной ориентации на один вид труда - к его разнообразию, в том числе распространению различных хобби. У послевоенных японцев по мере улучшения качества жизни отчетливо просматривается изменение приоритетов. Образно говоря, за это время трижды сменился набор "трех с". Вначале это были кухонная электропечь (cooker), центральное отопление (central heating) и дешевые загородные домики (cottage). Затем последовали машины (car), цветной телевизор (colour television), кондиционер (conditioner) и, наконец, культура (culture), коммуникативность (community) и творчество (creativity). Другими словами, совершается переход от ориентации лишь на материальные блага к приоритетности духовных сторон жизни, созданию "культурно-интенсивного" общества, в котором люди могли бы свободно применять свой опыт на индивидуальном и общественном уровне.

Показателем комфортности существования в обществе служит удовлетворенность населения своей жизнью, что отражают многочисленные опросы общественного мнения, проводимые как государственными, так и независимыми общественными организациями. Суммируя их результаты последних лет, в частности проведенных канцелярией премьер-министра, можно сказать, что около 70% населения самым главным завоеванием своего общества считают "существование в условиях мира". Около 30%, и здесь большую долю составляют мужчины, - социальную стабильность, 12% - создание комфортабельных условий существования. Одновременно люди отмечают и ряд отрицательных, на их взгляд, моментов. Около 60% видят их в том, что многие стремятся выделиться из общей массы, а примерно половина отмечает безответственность людей; чуть более 20% - отсутствие чувства солидарности и столько же - нехватку свободного времени и денег, т.е. все негативное связано прежде всего с духовной сферой жизни общества, а не материальной. В понятии "государственно-общественные и личные интересы" более 50% отдадут предпочтение первым и только менее 30% - вторым²³.

Таким образом, в Японии по-прежнему среди приоритетов населения остаются государство и общество, но как всегда, здесь традиции соединяются с инновациями. И это придает полнокровность жизни общества. Как уже говорилось, сейчас в стране человек интегрирован полностью в компанию в ущерб семейным и коммунальным связям. Однако по мере роста индивидуализма, творческого характера труда и значимости духовной сферы отношения "человек - компания" претерпевают изменения и выйдут на новый многоплановый уровень. Человек опять поворачивается лицом к семье и своему локальному обществу. В нем он будет общаться на основе индивидуальных интересов, реализуя себя в культурной, образовательно-воспитательной сфере, через хобби, участие в разного рода организациях волонтеров, что особенно важно в условиях старения населения. В последнее время действиям волонтеров придается весьма большое значение и они рассматриваются как своего рода арена для создания новых форм социальных взаимоотношений. В волонтерской деятельности человек раскрывается и становится более понятным для других. Правительство не обходит вниманием это движение и стремится подключить его к реализации своей социальной политики.

Вовлечение Японии в процесс интернационализации, в решение глобальных проблем, в частности, экологических или старения, естественно, заставляет людей расширять сферу своих личных интересов и ориентироваться на общество в целом. И в этом процессе локальные общества станут важной ареной для развития интернациональных связей и поддержания стабильности.

Это направление отражено в правительственной концепции создания новой социально-экономической системы. В ней выделены три основных момента: активность и ответственность индивидуумов и корпораций на основе принципов рыночной экономики; создание условий для реализации всех возможностей, потребностей и желаний каждого члена общества; активное участие в международном сообществе. Эта концепция будет реализовываться в обществе XXI века, основными параметрами которого предположительно будут следующие. 1) "Старое" общество

с небольшим числом детей. Отсюда - нехватка молодой рабочей силы и соответственно повышение значимости и усиление активности женщин и лиц пожилого возраста в жизни общества и создание условий для реализации их потенциала. 2) Глобализация общества, что предусматривает включение людей, товаров, денег, информации в международную систему. Имеется в виду создание системы мировой экономики и необходимость вклада каждого государства в мировом сообщество. 3) Развитое информационное и телекоммуникационное общество. Предполагается включение национальной информационной сети в мировую, что непосредственно скажется на жизни каждого человека, предприятия, корпорации, правительственных учреждений, т.е. общества в целом²⁴.

На этой базе и будет создаваться уже упоминавшееся "культурно-интенсивное общество", в котором большое значение по-прежнему будут иметь духовные ценности - неизменный фактор стабильности. Оставляя в стороне набор духовных ценностей, стоит лишь сказать, что современный японец демонстрирует самостоятельное жизненное поведение и принадлежность к социальной группе, признает железную логику дисциплины и творческий характер труда; отдает должное важности накопления и утверждению эстетических ценностей; твердо придерживается принципов демократии и плюрализма, гарантирующих стабильность в обществе, но не забывает оказывать уважение старшим по возрасту и положению.

В основе самосознания современных японцев лежат грандиозные экономические успехи, которые порождают гордость за свою страну (иногда, правда, это ведет к самоуспокоению и потере чувства самокритики). Если посмотреть на анатомию гордости японцев, то согласно общественному мнению, 50% отдадут приоритет "высокому уровню порядка" в стране, более трети - "красоте японской природы", "истории и традициям" и таланту народа, около 30% - "высокому уровню образования", "японской культуре и художественным достижениям", "свободному и мирному обществу".

Успешное развитие Японии по мирной демократической модели при динамизме и эффективности экономики являются в

значительной степени следствием гибкого государственного регулирования, умения добиваться консенсусов, обеспечения социальной стабильности общества, способности государства приспосабливаться к международному окружению. Особо надо подчеркнуть успешное использование человеческого фактора.

Выходом на передовые рубежи в мире Япония в немалой степени обязана использованию именно этого фактора, который сложился на основе межличностных отношений с их коллективизмом и взаимопомощью, стремлением к знаниям, гуманной моделью поведения, чувством долга, что успешно соединилось с идеологией и нормами нравственности Запада.

-
- ¹ О.О.Розенберг. Труды по буддизму. М., 1991, с. 55.
 - ² Общественные науки за рубежом, сер. 9, 1989, № 3, с. 47.
 - ³ Фоско Мараини. Япония. Образы и традиции. М., 1980, с. 158.
 - ⁴ Человек и мир в японской культуре. М., 1985, с. 142.
 - ⁵ Цит. по С.Цуцуми. Пути перемен. М., 1982, с. 65.
 - ⁶ Нихон родо кёкай дзасси. 1989, № 1, с. 36.
 - ⁷ Nagaya Tatsuhito. Labour - management Relations. Tokyo, 1986, с. 3.
 - ⁸ Сякайсюги, 1986, № 12, с. 38.
 - ⁹ См. White Paper on the life of the Nation. Tokyo, 1994.
 - ¹⁰ Подробнее см. В.Газенко. Концепция власти в итальянской политологии рубежа XIX-XX вв. М., 1988 (депонент).
 - ¹¹ The Nikkei Weekly, 21.08.1995, с. 5.
 - ¹² Асахи симбун, 16.01.1992.
 - ¹³ Journal of Japanese Trade and Industry, 1991, N 26, с. 29.
 - ¹⁴ Women in Japan Today, January, 1993, с. 2.
 - ¹⁵ The Japan Economic Journal, 02.04.1988, с. 18.
 - ¹⁶ Юрген Берндт. Лики Японии. М., 1988, с. 9.
 - ¹⁷ The Japan Economic Journal, 23.09.1989, с. 3.

-
- ¹⁸ Сравнительные статистические данные см. Japan International Comparison. Токуо, 1994, с. 9; Нихон кокусэй дзуэ (Япония в диаграммах и цифрах). Токио, 1993, с. 531.
- ¹⁹ Japan Economic Journal, 11.04.1987, с. 24.
- ²⁰ Нихон кэйдзай кэнкю, 1990, № 20, с. 46-49.
- ²¹ Подробнее см. статью В.Рамзеса в данном сборнике.
- ²² Nippon. A.Charted Survey of Japan, 1993/1994. Токуо, 1994, с. 329.
- ²³ См. Public Opinion Survey on Society and State. Токуо, 1993-1995.
- ²⁴ Interm Report of the New Economic Plan. Токуо, 1995.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЯПОНИИ НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ

В последнем десятилетии XX века политическая система Японии претерпевает важные изменения, которые в самом общем виде можно охарактеризовать как отказ от "системы 1955 года" и начало формирования новой. Рассматривая период 1993-1995 годов как стартовый этап этого процесса, в японском обществе пытаются найти хотя бы ориентировочные, предположительные институты новой системы. Под таким углом зрения анализируются актуальные политические проблемы, учитываются опыт и уроки прошлого.

Основное содержание этого стартового этапа состоит в том, что прекратилось длительное единовластие Либерально-демократической партии (ЛДП) и столь же продолжительное выполнение Социалистической партией Японии, ныне Социал-демократической партии Японии (СДПЯ)¹ роли главной оппозиционной силы. Власть приобрела коалиционный характер: сначала она принадлежала некоторое время коалиции "без ЛДП", а затем перешла к коалиции "с ЛДП", включающей также СДПЯ и Новую партию Сакигакэ (Сакигакэ - инициатива)². Причем СДПЯ участвовала в обеих коалициях. Большинство противостоящих правящей коалиции партий объединились в Новую прогрессивную партию (НПП). В результате главным оппонентом ЛДП, занимающей ведущее положение в этой коалиции, является гораздо более мощная политическая сила, чем в прошлом соцпартия. Переход к новой системе обеспечивается принятием законов, которые изменяют процедуру выборов в палату представителей парламента, гарантируя более адекватное выражение воли электората, и корректируют порядок финансирования политической деятельности, сокращая влияние "денежных мешков".

Причины изменений политической системы не сводятся только к коррумпированности верхней прослойки политической элиты, "голой" борьбе за власть, демагогии перед электоратом и т.п. Они - отражение перемен в обществе. Как пишет журнал

“Экономист”, “политический переворот в Японии является просто одним из аспектов более крупной революции, происходящей в образе мышления и сфере труда в стране”³.

Япония достигла той высокой степени общественно-политической зрелости, когда в ней сформировались демократическое, близкое к правовому, социально ориентированное государство и близкое к гражданскому - общество. Оно отличается благосостоянием широких масс (которые обеспечивают выдающиеся успехи рыночной экономики на основе достижений НТП), сравнительно небольшим разрывом в доходах богатых и бедных, распространенным сознанием приоритетности общественных интересов, социальным консенсусом, свободой личной инициативы, устойчивым вниманием к интересам различных групп населения, защищенностью основных прав человека, доступностью культурных ценностей.

Политическая “система 1955 года”, оставшаяся в основном неизменной на протяжении почти сорока лет, успешно обеспечивала продвижение к такому высокому уровню развития. Однако в ее функционировании имели место издержки, с которыми можно было мириться ради достижения нынешнего благосостояния в условиях холодной войны, но которые стали тормозом общественного прогресса в изменившейся обстановке.

ЛДП вела страну к вышеуказанным результатам, руководствуясь во внутренней политике необходимостью форсировать экономическое и социальное развитие, а во внешней - императивами холодной войны. Идея форсированного развития допускала и стимулирование высоких темпов экономического роста, и печально известный феномен “мыльного пузыря” в экономике, и консервацию системы пожизненного найма с оплатой труда в зависимости от продолжительности работы в фирме, и сохранение специфически японского группизма в его законстеновшем виде, и другие издержки. Условия холодной войны побуждали предельно ориентироваться на военный союз с США. Не трудно увидеть, как они влияли на внутреннюю политику: само форсирование развития не в последнюю очередь было вызвано заботой о выживании в случае “горячей” войны; закрепление некоторых традиционных стереотипов отношений осуществлялось не

без цели поддержать национальный дух с учетом возможного обострения конфронтации; на системе "власть-оппозиция" сказывалось предубеждение против социалистического идеала.

Вышеизложенные обстоятельства привели к тому, что в стране возникли такие негативные явления, как застой в экономике, снижение производительности труда, существенные недостатки в развитии науки и техники, дефицит мобильности в сфере найма, рост безработицы, нерешенность проблем, связанных со старением населения, отсутствие эффективной молодежной политики, дисбаланс в разделении предметов ведения между центром и периферией.

ЛДП должна была предложить новые варианты политического руководства социально-экономическими и иными общественными процессами; общий вектор изменений должен был быть направлен в сторону приращения демократии. ЛДП ощущала эту обязанность и прилагала определенные усилия в этом направлении. Однако партия и ее кабинеты министров оказались недостаточно компетентными, дальновидными и активными для решения такой задачи из-за инерции прошлого, опасений деструктивных последствий крупных перемен, нередкого отсутствия надежных планов реформ. Ко всему этому добавлялись и элементы субъективной политической неупорядоченности отдельных лиц.

В результате в 1993 г. по итогам выборов в палату представителей ЛДП лишилась власти; неудачу потерпела и СДПЯ. В 1995 г. волеизъявление избирателей на единых местных выборах и на выборах в палату советников парламента оказалось "сносным" для ЛДП, неблагоприятным для СДПЯ и положительным для НПП. Среди действий правящей коалиции, направленных на завоевание широкого доверия народа, немаловажное место занимают организационные меры. Так, в августе 1995 г. кабинет, возглавляемый Мураяма Томиити (СДПЯ), был реорганизован с целью повышения его работоспособности. Однако уже в январе 1996 г. премьер-министром стал Хасимото Рютаро, избранный в сентябре 1995 г. председателем ЛДП.

В настоящее время сложные и многоплановые изменения испытывает идеологическая подсистема политической системы. Ее

генеральная тенденция состоит в сближении идейных установок основных политических сил. Различия стали относительно не большими не только между ЛДП и неоконсерваторами, но и даже между ЛДП и СДПЯ. В этом отражается факт доминирования в обществе сознания средних слоев, что влечет за собой расширение в партийной идеологии всех основных политических сил по существу идей социал-демократии. Можно отметить две главные черты господствующей в обществе идеологии: практически всеобщее стремление к более полной реализации демократических идеалов и намерение следовать за лозунгами и лидерами только после получения доказательств их правоты, только на основании рациональной убежденности, а не по признаку корпоративности, личных обязательств и т.п. Вторая черта усиливается, преодолевая наследие традиций.

Прежнее многоцветие идеологий имело объективные основания (различие во взглядах на пути к достижению благосостояния, и в понимании демократии, влияние холодной войны) и приносило пользу, вытекавшую из конструктивного диалога ЛДП с оппозицией. В то же время противостояние в идеологической сфере (ориентированная на слишком узкий спектр социальных запросов, главным образом материальных, идеология ЛДП и практически не подкрепленные лозунги СДПЯ в защиту народа), мешавшее консолидации социума, ныне практически сходит на нет. "Благодаря окончанию холодной войны мир стал очевидцем кончины идеологического противостояния. Сейчас и в нашей стране оно теряет реальный смысл", - говорилось в обращении ЛДП к членам партии (29.06.1994), друзьям партии и тем, кто ее поддерживает.

Идеологическая основа политического альянса СДПЯ с ЛДП не всегда ясна. Политический обозреватель Ямамото прав в своем предположении, что странность блока ЛДП-СДПЯ является доказательством того, что японцы еще не освободились от сознания, присущего "системе 1955 года"⁴. Политическое сотрудничество опирается здесь на упомянутое выше сближение идеологий, отражающее мировой процесс сближения между консерватизмом и социал-демократией, а также на сходство социальных баз обеих партий. Трансформация внутривнутриполитической

идеологии СДПЯ лежит в одном русле с изменениями ее внешнеполитической идеологии. Это началось не сегодня, не под влиянием сиюминутных тактических предпочтений. Общеизвестно, что позиция СДПЯ относительно договора безопасности и сил самообороны начала изменяться в середине 1980-х гг. Тогда партия выступала против них только в принципе, признавая реальности в более или менее прагматической манере.

Тенденция идеологического сближения будет продолжаться и нарастать, что затруднит политическую жизнь любителей маскироваться фразой и жонглировать лозунгами. Возрастет и усилится идейная устремленность к новой, качественно иной, значительно большей демократичности отношений во всех звеньях политической системы. Общество глубже ощутит и осознает связь между демократией и социально-экономическим развитием.

Для массового политического сознания в Японии не стали, как полагают некоторые, характерными равнодушие к политике, утрата надежд на эффективность проведения ее через партии, предпочтение в качестве носителей власти людей, далеких от политики, и т.п. Отрицательные чувства испытываются к конкретной политике, конкретным партиям и политикам за их вполне определенные недостатки. Уже видны признаки успокоения политического сознания, отхода широких масс от увлечений и разочарований последних лет, восстановления прежних рационалистических подходов в политическом мышлении. Одним из показателей "хозяйского" подхода граждан к политическим и правовым ценностям может служить высокий процент лиц, согласных с идеей пересмотра Конституции.

На перемены в идеологической подсистеме оказывают определенное влияние состояние политического сознания общества и соотношение его с религиозным. Известны факты истории Японии, когда национальные идеи мобилизовывали народ на социально полезную активность. Сегодня такой идеи нет, потребность же в ней велика.

Религиозная идеология порой выплескивается в сферу политики в общественно опасных формах (АУМ синрикё). В то же время она может, как это видно из деятельности Комэйто в про-

шлом и выходцев из этой партии в рядах НПП сейчас, образовывать органический сплав с неэкстремистской политической идеологией. Религиозная идеология в японском обществе с его специфическим отношением к религии естественно проникает (возможно, утрачивая при этом значительную долю собственного характера) в самые различные ниши общественного бытия и становится составным элементом социального фундамента политики⁵.

Крупные перемены, зачастую с совершенно новыми явлениями, переживает также организационно-институциональная подсистема. Лейтмотив изменений - приближение государственных и муниципальных органов к обществу и его нуждам.

Принятие парламентом новой процедуры формирования нижней палаты⁶ должно способствовать более полному и точному выражению воли народа. Вероятно, в недалеком будущем будет реализовано высказываемое в обществе пожелание, чтобы был введен институт отзыва депутата избирателями. Выборы половины состава палаты советников в июле 1995 г. оживили давно ведущиеся в обществе разговоры на тему "нужна ли верхняя палата". Возможно, новый интерес к этому вопросу был обусловлен напряженным ожиданием избирателей выборов в палату представителей, когда они акцентировали внимание на приоритете нижней палаты перед верхней. В то же время нивелирование изначально предполагавшихся ролевых функций палат - объективная реальность. Об этом свидетельствуют уже обнаруженные предложения председателя палаты представителей Дои Такако по приближению парламента к обществу; начато издание "Белой книги о парламенте". Изменения набора политических партий повлекли за собой обновление парламентских групп, играющих важную роль. Правящая коалиция, в особенности ЛДП, призывает к формированию нового стиля парламентской деятельности, который включал бы недопущение любых обструкционистских приемов.

Звучащие порой в Японии утверждения, будто общество разочаровывается в парламентской демократии, носит скорее конъюнктурный или дилетантский характер. Напротив, можно с уверенностью ожидать, что население страны с пониманием от-

несется к предупреждениям политиков и ученых об опасности отказа от парламентской демократии.

Кабинет министров как институт сохраняет стабильность. Конечно, содержательно он меняется в зависимости от того, кем он формируется. Что касается перспектив центральной исполнительной власти именно в институциональном аспекте, то прежде всего следует иметь в виду крепнущую в японском обществе убежденность в необходимости правительства, меньшего по размерам, но более эффективно работающего.

Дальнейшее развитие получают муниципальные институты. На этом уровне и дальше произойдет расширение компетенции местных органов власти и управления за счет передачи им части предмета ведения центральных. Видимо, будет реализована идея индивидуализации подхода к нуждам и обязанностям каждой муниципии со стороны центра. Стоит задача реформирования порядка выборов муниципальных собраний, устаревшие правила которых заметно отстают от обновленной системы избрания парламента. Однако можно предположить, что центр будет настаивать на таких мерах, как слияние некоторых муниципальных низшего звена или создание каких-то органов, представляющих интересы нескольких таких муниципий. Реакция последних вряд ли будет положительной: они могут заподозрить завуалированное новое ограничение их прав.

Изменения партийной подсистемы, по мнению компетентных специалистов, могут вызвать ряд деструктивных моментов: отказ от института политических партий, выдвижение лозунгов форсированного развития прямой демократии (вплоть до прямых всеобщих выборов премьер-министра) и т.п. Подобная ложная демократичность маскирует реальную угрозу подлинной демократии. Из различных кругов японского общества звучат не только предупреждения об опасности отказа от института политических партий, но и заявления о том, что альтернативы этому институту нет. Констатируется также, что избиратели не отвергают принцип осуществления политики через партии, более того, критикуют партии, не лишают их доверия. Так, на выборах в палату советников парламента в июле 1995 г. от избирательного округа Токио баллотировались 8 наиболее перспективных кандидатов, и из

четыре из избранных все были партийными кандидатами; из потерпевших поражение трое - независимыми.

Сохранение какого-либо института не означает его незыблемости. "Система 1955 года" - это и политическая система в целом, и система политических партий. Видимо, возможны два варианта ее замены: переход к коалиционному правлению, что уже состоялось, или сохранение доминанты одной партии при условии очищения от подмеченных обществом дефектов, что еще может состояться в случае возвращения ЛДП к единоличной власти. Выход ряда деятелей из ЛДП и образование ими новых оппозиционных партий следует считать скорее не "озарением" политического сознания, а тактическим выбором момента.

Основные перемены партийной системы можно суммировать следующим образом:

- Появление и исчезновение новых партий, ликвидация ранее существовавших. Выходцами из ЛДП был образован ряд неоконсервативных партий, позже вместе со "старыми", создавшими НПП. В августе 1995 г. группа профсоюзов заявила о намерении содействовать созданию новой либеральной партии, которая стала бы третьей силой по отношению к ЛДП и НПП. В СДПЯ проведена крупная реформа;

- Возникновение партийных коалиций "без ЛДП" и "с ЛДП"; появление коалиционных, надпартийных органов по координации деятельности партий - участниц политического союза.

Весь этот процесс и является в определенной степени отражением общественной неудовлетворенности прежней деятельностью ЛДП. Но в этом проявляется также стремление некоторых политиков использовать ситуацию в своекорыстных интересах. Как писал один из читателей в газете либерал-демократов, "люди, которые в прошлом осуществляли в этой партии политику "для народа", вышли "ради народа" из нее и, создав новые маленькие, стали министрами "для народа"⁷.

Кстати, процесс возникновения и исчезновения партий, резко отличаясь от стабильности при "системе 1955 года", оставил в обществе, наряду с другими ощущениями, и чувство раздражения, которое было расценено некоторыми специалистами как признак антипатии к этому институту вообще. Идеологическое

сближение позиций породило проблему собственного лица каждой партии, которое хотел бы отчетливо видеть электорат. В ЛДП и СДПЯ проводятся реформы, нацеленные на демократизацию их деятельности и сплочение рядов. В последней этот процесс дошел до стадии полного обновления. Среди главных направлений реформы ЛДП - прекращение деятельности фракций, избавление от коррупции, участие в решении принципиальных вопросов местных отделений и ее членов. Состоявшиеся в сентябре 1995 г. выборы председателя ЛДП вызвали одобрительное отношение в обществе тем, что они проводились на альтернативной основе, кандидаты излагали свои программы перед широкой аудиторией, в голосовании участвовали рядовые члены партии (по почте, 10000 голосов приравнивались к одному голосу парламентария от нее).

Если монолитность либерал-демократов в какой-то степени ослабляется остатками фракционной деятельности, а у социалистов заметно сохраняется обособление правого и левого крыльев, то их оппонент - Новая прогрессивная партия - представляет собой подлинный конгломерат. Среди депутатов от нее в нынешнем составе палаты представителей парламента более половины принадлежали до ее образования к партиям, вышедшим из ЛДП, примерно треть - к Комэйто, менее одной десятой - к Партии демократического социализма (ПДС). Это в немалой степени препятствует индивидуализации образа партии в глазах общества, вплоть до упреков ее в том, что она - всего лишь "замаскированная Комэйто". Однако порой такой состав приносит политические дивиденды: можно полагать, что на выборах в палату советников в июле 1995 г. существенный вклад в успех НПП внесли спаянные прежней партийной дисциплиной выходцы из Комэйто и ПДС.

Что касается предпосылок коалиции "с ЛДП", об идеологической обоснованности которой мы говорили выше, то в прошлом ЛДП и СДПЯ сотрудничали (если понимать этот термин в широком смысле) как правящая партия и ведущая сила конструктивной оппозиции. Политическая практика либерал-демократов позволяла некоторым политологам считать, что она стала "партией среднего пути" и по реформистскому содержанию своих предло-

жений обогнала так называемые прогрессивные партии. Обе партии обогатились печальным опытом последних лет (ЛДП - отстранения от власти, СДПЯ - нечестного поведения партнеров по коалиции "без ЛДП").

Нынешняя правящая коалиция основана на взаимном соглашении, на демократических процедурах принятия решений. Работает ряд органов по согласованию деятельности трех партий, важнейшее место среди которых занимает Совет по координации политики правящих партий. Определенная трудность бывает из-за расхождения во взглядах по ряду вопросов (инвестиционная политика, налог на землю, концепция потребительского налога, расходы на оборону). Как в ЛДП, так и в СДПЯ звучат опасения уступок партнеру в угоду коалиционности и в ущерб собственному курсу. После поражений СДПЯ в 1993 г. на выборах в палату представителей и в 1995 г. на местных и выборах в палату советников часть активистов ЛДП стала выражать сомнение в целесообразности продолжения сотрудничества с этой партией. Объективно обе партии имеют возможность индивидуального вклада в коалиционную "копилку": первая - как держатель богатого опыта руководства страной и ядро коалиции, вторая - как стимулятор усиления социальной ориентированности государственной политики.

В сравнении с партией парламентского большинства, каковой была в прошлом ЛДП, данная коалиция и любая другая подобная, относительно слаба, поскольку опирается не на непосредственно врученные электоратом полномочия, а на межпартийную политическую комбинацию. Перспективы этой коалиции во многом зависят от того, сумеет ли она и дальше не догматизировать идеологические различия и ставить во главу угла реальные интересы народа, а также упрочить коалиционный стиль и завоевать доверие народа к нему. Кстати, одна из причин слабого участия электората в выборах в палату советников в июле 1995 г. состояла в том, что граждане не смогли хорошо разобраться в причинах создания коалиции и в ее характере. ЛДП укрепляет коалицию, но и не скрывает, что стремится восстановить за собой парламентское большинство и сформировать однопартий-

ное правительство как более эффективный инструмент вывода страны из нынешних трудностей.

Одна из коренных проблем преобразования политической системы - характер конструкции "власть - оппозиция". Многовариантность решения связана с тем, что в отличие от долговременного двухпартийного противостояния вечно правящей ЛДП и вечно оппозиционной СДПЯ все заметные партии (кроме коммунистической) побывали у власти, в коалициях "без ЛДП" и "с ЛДП".

Существуют несколько гипотетических вариантов формирования власти: единоличное правление ЛДП после вынужденной победы на парламентских выборах; нынешняя правящая коалиция (возможно, без Сакигакэ; вместо СДПЯ будет выступать ее преемница); коалиция ЛДП и НПП (или ее неоконсервативной части); одна НПП. Первые два варианта представляются вполне возможными и приемлемыми для общества. Третий - можно отнести к области политических фантазий, хотя в ряде случаев отмечалось сходство позиций ЛДП и НПП по вопросам, по которым у первой имелись разногласия с СДПЯ. Четвертый вариант нежелателен с точки зрения общественных интересов, но исключать его нельзя, ибо массовое сознание еще не устоялось.

Какие же силы могли бы взять на себя миссию конструктивной оппозиции? В первом варианте с этой задачей успешно справилась бы СДПЯ, в четвертом - и ЛДП, и СДПЯ. Думается, что колоссальная сложность возникает во втором варианте (она уже существует сейчас), поскольку НПП далека от степени зрелости, необходимой для такой роли. Макото Иокибэ, профессор-политолог, который хотел бы для Японии систему двух сменяющих друг друга партий, полагает, что лишь у НПП имеется гипотетический шанс когда-то стать достойной места в такой системе с ЛДП. Он пишет: "В этом смысле для поворота в исторической оценке японской демократии чрезвычайно важно, сможет ли НПП, сделавшая рывок вперед на недавних выборах в верхнюю палату парламента, достичь политической дееспособности и внутрипартийной демократии настолько, чтобы соответствовать статусу одной из двух крупных партий"⁸.

Поле активных трансформаций представляет собой и функциональная подсистема. Общий для политической системы процесс демократизации выражается здесь прежде всего в сокращении функции управления сверху вниз со все большей заменой ее функцией самоуправления прямо на месте. Государство все меньше оказывает управленческое воздействие на общество, гражданина, частное предпринимательство; центр - на муниципии; партийное руководство - на партийные массы и т.п. В сохраняющейся части этой функции увеличивается удельный вес методов убеждения и воспитания. Некоторые традиционные методы приобретают новые качества или, по крайней мере, должны их приобрести. Так, особенно в предпринимательских кругах, раздаются настойчивые требования внести "прозрачность" в "административное руководство" бизнесом со стороны государственных органов. Среди функций субъектов политической системы есть и такие, которые получают большее развитие, например, функция защиты государством прав и свобод граждан. Появление ряда новых функций связано с возникновением новых институтов, в частности, координирующих органов нынешней правящей коалиции.

Есть уверенность в том, что правящая коалиция серьезно берется за проведение административной реформы, которая по своему значению приближается к политической. Можно ожидать, что одним из направлений трансформации функциональной подсистемы станет индивидуализация отношений с данной муниципией, данным предприятием и т.п., к чему настойчиво призывают в обществе.

Крупные функциональные подвижки, как уже говорилось, произойдут в области отношений между центральными и местными властями. Как отмечает британский японовед Артур Стокви, "в случае Японии самой важной задачей на средний срок может оказаться задача децентрализации ... Политическая и административная система в Японии чрезвычайно централизована, так что все дороги ведут в Токио. Вызванные этим издержки и искривления велики, и более рассредоточенное распределение политической и экономической власти в направлении регионов принесет большую выгоду"⁹. Насколько можно видеть, ЛДП на-

мерена всерьез поправить положение в этой области. Так, по крайней мере, настроен ее председатель, новый премьер-министр Хасимото Рютаро. Выступая 12 сентября 1995 г. в качестве кандидата на пост главы партии, он, в частности, сказал: "Что касается пересмотра ролей власти и гражданского общества, то я хотел бы подумать над тем, чтобы властные функции по возможности передать на места"¹⁰. Обращает на себя внимание, что Хасимото ставит вопрос не просто о перераспределении функций между центром и местами, а шире: о переделе функций между государством и обществом.

Аналогичная картина наблюдается в политических партиях, где смягчается руководящее воздействие сверху. Именно гипертрофированные "отеческие" функции глав фракций ЛДП стимулировали отказ от фракционного построения. Поддержка молодыми парламентариями ЛДП Коно Ёхэй в качестве нового председателя партии в 1993 г. была формой протеста против присвоения функции руководства геронтократической элитой. Функция имеет свою объективность и самостоятельность и ею нельзя произвольно оперировать. Так Мураяма Томиити, став в качестве премьер-министра верховным руководителем сил самообороны, отказался от партийной позиции по этому вопросу в противовес другому лидеру СДПЯ, позволившему себе придерживаться одновременно двух несовпадающих политических позиций - как члена правительства и как лидера партии.

Хотя регулятивная (нормативная) подсистема по природе своей наименее динамична, в ней также происходят заметные изменения, свидетельствующие о важном значении ее для дальнейшей демократизации общественных отношений, обеспечения прав и свобод граждан. Движение данной подсистемы в общем русле построения новой политической системы облегчается тем, что в юридической сфере в Японии накоплен немалый демократический потенциал, "нежесткость" методов социального регулирования стала закономерностью. Право не столько закрепляло относительное ограничение демократии на предыдущих этапах послевоенной истории страны, сколько, напротив, скорее компенсировало политический дискомфорт. В Японии администрация господствует через "несиловые административные дейст-

вия" такие, как административное руководство и административные планы. Японская версия "господства права" следует по пути, который она избрала сто лет назад и ей приходится заниматься двумя проблемами одновременно. Одна из них - достижение цели построения современной правовой системы. Другая - сокращение разрыва между законом или административным приказом и народом в условиях системы концентрации власти¹¹.

Позитивной трансформации этой подсистемы способствует свободное соревнование юридических концепций, в том числе таких, принятие или непринятие которых может непосредственно влиять на политический процесс. Речь идет, например, о "новой социологии права" и "постмодернистской теории права"¹².

Вполне вероятны изменения Конституции, потребность в которых естественна уже потому, что основной закон страны прожил почти полувековую жизнь. При проведении в 1995 г. газетой "Санкэй симбун" опроса общественного мнения 72% респондентов заявили, что они не возражают против пересмотра Конституции в духе времени. В японском обществе в качестве оснований для изменения основного закона называют необходимость оформления "новых прав человека" и результатов реорганизации политической системы, потребность в конституционных нормах по контролю за кризисными ситуациями (имеют в виду прежде всего стихийные бедствия типа землетрясения в районе Хансин-Авадзи, но упоминают и внутренние волнения, революционные выступления и т.п.), а также по недопущению деятельности, подобной той, которую вела АУМ синрикё.

Из новаций текущего законодательства следует прежде всего отметить принятие в 1993 г. пакета законов о политической реформе (Закон о частичном изменении Закона о выборах на публичные должности; Закон об учреждении Комиссии для рассмотрения вопросов об определении границ округов по выборам депутатов палаты представителей; Закон о частичном изменении Закона о регулировании денежных средств, предназначенных на политические цели; Закон о помощи политическим партиям) и в 1994 г. Закона об избирательных округах по выборам в палату представителей.

Продолжается процесс принятия законодательства по защите прав граждан в их взаимоотношениях с властями, начинающийся с принятия в 1988 г. Закона об охране личной информации, находящейся в органах управления и подлежащей обработке на ЭВМ. В октябре 1994 г. вступил в силу долгожданный Закон об административной процедуре, устанавливающий процессуальные правила для рассмотрения исков граждан к властям. В правительственном комитете по административной реформе рассматривается вопрос о подготовке Закона о раскрытии информации. Имеется в виду выполнение органами исполнительной власти запросов заинтересованных лиц о предоставлении им сведений о деятельности этих органов, то есть реализация "права знать" - одного из "новых прав человека".

Под непосредственным воздействием событий вокруг АУМ синрикё правительство внесло в парламент законопроект об изменении Закона 1951 года о юридических лицах, занятых религиозной деятельностью (в Японии их около 184 тысяч), который практически не изменялся. Поправки должны внести ясность как в компетенцию властей, так и в деятельность данного вида юридических лиц, что будет способствовать их демократизации и восстановлению доверия к ним, то есть не только не ущемит свободы религии, но и предоставит лучшие возможности.

В ходе работы над изменением закона остро встали вопросы соотношения между религией и политикой, реализации конституционного принципа отделения религии от государства, обеспечения свободы отправления религиозных культов и т.п. По опросам общественного мнения, от 60 до 80% респондентов согласны с тем, что закон следует изменить. Партии правящей коалиции выступили за его пересмотр. НПП постоянно тормозила этот процесс, причиной чего является, вероятно, большое значение бывшей Комэйто, ее идеологического и организационного влияния в деятельности этой партии. Так, 18 октября 1995 г. Итикава Юити (заместитель генсека НПП, ранее генсек Комэйто), утверждал в прессе, что ст. 20-я Конституции запрещает государству вмешиваться в религию, но оставляет за ней свободу действий. В противном случае это означало бы подавление этой свободы¹³. Пересмотренный закон был принят парламентом 8 декабря

1995 г. Впервые после принятия в начале 1950-х годов Закона о предотвращении подрывной деятельности он будет применен в отношении общественно опасной организации, а именно - АУМ синрикё.

В то же время собственно религиозные нормы могут рассматриваться как дополнительный эффективный регулятор жизни японского общества, в том числе политической деятельности. Это выглядит особенно естественно здесь, где традиция взаимодействует с нормами социального регулирования. Сохраняются традиционные неписанные правила, играющие роль в реализации политического процесса. Например, журнал "Экономист" следующим образом комментировал стиль Одзава Итиро, закусочного дирижера коалиции "без ЛДП" и ее двух кабинетов. "Прямой подход господина Одзава настолько противоречит пропитанной традициями японской политике, что может быть непродуктивным". Создание блока "Кайсин", предпринятое Одзава и фактически предательское по отношению к СДПЯ, выступавшей тогда против ЛДП, "выглядит умышленно провокационным". Эта акция "возвращает к заговору седьмого века, когда регент-антиреформатор был зарублен насмерть нетерпеливыми модернизаторами", "Господин Одзава посягнул на идеал верности, то есть традиционную японскую ценность"¹⁴.

Динамику идей, институтов, функций и норм аккумулирует и превращает в органическое целое коммуникативная подсистема, живой политический процесс, совокупность практических отношений между субъектами политики. В настоящее время в политическом поле Японии это ЛДП, СДПЯ и НПП.

ЛДП, оказавшись в оппозиции, не только критиковала новую власть, но вносила конструктивные предложения по важным для страны вопросам, активно участвовала в принятии законов о политической реформе, демонстрировала спокойный стиль дискуссии и готовность к компромиссам, сохраняла контакт с послами Японии за рубежом и иностранными - в Японии. Ныне в широких массах японского общества сохраняется критический настрой в отношении ЛДП как ответственной за просчеты "системы 1955 года", но партия уже сумела добиться перелома в общественном мнении, где нарастает понимание, что она - единственная ре-

альная сила, способная повести страну к выходу из нынешних трудностей. (Профсоюзы, один за другим пересматривают курс на отказ от поддержки ЛДП и многие предпринимательские объединения обсуждают экономические проблемы с ее представителями). Такое понимание - результат как практической работы ЛДП в правящей коалиции, так и внутренней реформы.

Либерал-демократы анализируют и учитывают ошибки прошлого, предлагают (прежде всего через правящую коалицию и правительство) обнадеживающую программу преодоления страной нынешних трудностей, восстанавливают доверие широких кругов общества, стремятся одолеть в политическом соперничестве своего главного оппонента НПП, укрепляют правящую коалицию и вносят большой вклад в ее деятельность, однако прилагают усилия к восстановлению своей единоличной власти.

Необычно сложно положение СДПЯ. Идеологическое и политическое сближение с ЛДП поняли и приняли далеко не все не только за ее пределами, но и внутри нее. Руководство партии не смогло достаточно ясно объяснить этот процесс. Часто социал-демократов обвиняют в отступничестве, в превращении в подголоска, в тень ЛДП, задают вопрос о том, в чем же состоит собственное лицо партии. За ней тянется шлейф поражений на парламентских и местных выборах, которые она потерпела три раза подряд. Так и не находят общего языка правые и левые социалисты. Поэтому решение о ее реформе может рассматриваться как разумный (или даже неизбежный) шаг для сохранения партии в обновленном виде, без утраты, насколько это возможно, ее самобытности и всего накопленного положительного опыта, включая работу в коалиции "с ЛДП". Отношения этой партии с массами и другими политическими силами зависят прежде всего от ее собственного характера и облика (есть сомнения в том, что произойдет подлинное обновление).

Внимательного изучения заслуживает феномен Новой Прогрессивной партии, являющую собой поистине конгломерат, что затрудняет выработку позиции по принципиальным вопросам. Нередко выходцы из Комэйто противостоят выходцам из Партии обновления и ПДС; появление ряда интересных идей сводится на нет из-за противодействия бывших деятелей Комэйто. Высту-

пая против ЛДП в парламенте, она часто не может противопоставить содержательные альтернативные предложения и уводит обсуждение в дебри формальностей или прибегает к бойкоту. Общество постепенно выходит из под воздействия "чар" этой партии, хотя, конечно, нельзя считать, что "она уже разрушена"¹⁵. Кстати, Хосокава Морихиро, будучи сейчас одним из ее руководителей, осенью 1995 г. опубликовал довольно эффективную, но малосодержательную статью с прожектами некоей широкой коалиции реформаторских сил, резкого сокращения мер регулирования экономики и т.п.¹⁶. Эти идеи вызвали разнообразные скептические и критические замечания внутри и вне НПП.

По состоянию на 4 марта 1995 г., правящая коалиция имела в палате представителей 291 место (207 ЛДП, 64 СДПЯ, 20 Сакигакаэ) из 511, в палате советников - 153 (112 ЛДП, 38 СДПЯ, 3 Сакигакаэ) из 252. НПП - 169 мест в палате представителей, а в палате советников парламентская группа "Хэйсэйкай", куда входят депутаты от партии НПП и других, занимала 69 мест. Таким образом, правящая коалиция располагает большинством в каждой из палат.

Дальнейший ход политического процесса будет зависеть во многом от поведения отдельных влиятельных групп (бизнес, средства массовой информации) и общества в целом. В недавнем прошлом, когда принимались законы о политической реформе на фоне обострившихся обвинений ЛДП в коррупции, капитаны бизнеса были готовы отказаться от практики денежных пожертвований на политические цели. Ныне Федерация экономических организаций Японии (Кэйданрэн) формирует курс, согласно которому основной поток таких пожертвований должен идти не от компаний, банков и т.п., а от отдельных лиц. Бизнес не собирается изолироваться не только от политики как таковой, но и конкретно от ЛДП. Так, 2 октября 1995 г. состоялась встреча руководящих работников ЛДП, министра строительства Мори (до того генсек ЛДП) и представителей строительного бизнеса страны, где обсуждались основополагающие вопросы развития строительства, инвестиций в общественные работы, стимулирования внутреннего спроса.

Японские средства массовой информации стали уделять политической проблематике гораздо больше печатной площади или эфирного времени, использовать для ее освещения более основательные формы (аналитические обзоры, обоснованные прогнозы, богатые статистические материалы и т.п.), прямо влиять на формирование политических взглядов, а следовательно - на политическое поведение. Лейтмотив общественного мнения - требование к прессе проявлять больше ответственности, не гнаться ради коммерческого успеха за сенсационными выводами, которые могут повести граждан по ложному пути, не превращаться в средства распространения необъективной заказной информации. Указывается, в частности, на то, как легко и быстро раздувала пресса миф о том, будто определяющей тенденцией в обществе является формирование устойчивого широкого слоя лиц, индифферентных к самому институту партий.

Практически все общество осознает безальтернативность эволюционного пути к новой политической системе; заметно тяготение его части к сильному лидеру. Вероятно, в этом сказались неуверенность ряда граждан в возможности выйти из сегодняшних трудностей без более твердой руки. По мнению некоторых представителей прессы, такими качествами обладает новый председатель ЛДП и премьер-министр Хасимото Рютаро. Так, журналистка Оякэ Эйко писала: "Поскольку речь идет о Хасимото, я спокойна за то, что он не станет хрупким лидером, делающим для всех доброе лицо; сейчас самая большая проблема для Японии состоит, вероятно, в необходимости крупного поворота в существовавшей до сих пор системе японского типа, построенной на "консультациях", полных "нежности". Не может быть реформ, не сопровождаемых болью"¹⁷. Нельзя не видеть многозначительности идеи отказа от "нежности" и признания необходимости выстроить очередь тех, на кого должны лечь издержки реформирования; нельзя не заметить и увязывания более жесткого стиля руководства с отходом от японской традиции в этой области. Опасения, естественные на этом фоне, усиливаются по прочтении следующего: "Хасимото слывет упрямым и неуступчивым. Как говорят, имеются признаки, что ему не хватает человеческих качеств. Для природы лидера это не обязательно

недостаток. Политические лидеры, оставившие свое имя в истории, вовсе не были личностями, пользовавшимися всеобщей любовью"¹⁸. Надо полагать, за этими высказываниями, возможно, не всегда удачными по форме, скрывается желание видеть в руководстве политикой больше четкости, последовательности, организованности, требовательности и т.п. Если же кому-то хочется ввести в политический процесс элементы диктаторства, то, несомненно, и сам руководитель не пойдет по этому пути, и общество этого не допустит.

Стоит отметить, что мало-помалу развеивается миф об обвальном расширении в обществе слоя не поддерживающего никаких партий и отрицающего сам институт их. Попытки возложить бремя руководства социально-экономическим развитием на непрофессионалов в области политики или на скороспелых неоконсерваторов начинают вызывать у граждан сожаление; то, что некоторые японские обозреватели окрестили "бумом Мадонны и Новой партии Японии" оказалось непродолжительным. Имя популярной на Западе эстрадной звезды и неоконсервативной партии соединены вместе как символ интереса к новым явлениям в культуре и политике, оказавшимся вдруг в эпицентре внимания.

В японском обществе существует мнение, что именно в столь сложное для Японии время руководить страной или играть в руководстве ею ведущую роль должна ЛДП, что в случае, если избиратели откажут ей в доверии, ситуация в стране может осложниться еще более. На приближающихся выборах в палату представителей волеизъявление электората будет заключено в рамки еще не опробованной системы, предусмотренной новыми законами; сама неосвоенность механизма может создать трудности и для партий, и для электората.

* * *

Можно предположить, что на обозримом отрезке политической истории Японии ее государству и обществу предстоит пройти три ступени: совершенствование политической системы переходного типа; придание ей характера, адекватного требова-

ниям постиндустриального общества; достижение ею зрелости. Движение в этом магистральном направлении сопряжено с тремя основными трудностями:

- первопроходческий характер социально-политических преобразований в Японии; сегодня, когда общество с нетерпением ждет принципиальных решений, ЛДП, правящая коалиция, правительство нередко просто не могут успеть за этими императивами; причем нельзя обратиться и к зарубежному опыту, поскольку японская демократия имеет свою специфику;

- сложность переходного момента, когда изменения захватили все области общественного бытия - политику, экономику, социальную сферу, национальную психологию, в том числе отношение к традициям, группизму, трудовой самоотдаче, религии и др.;

- резкое отличие нынешней переходной политической системы от привычной и понятной предшественницы - "системы 1955 года", что вынуждает граждан вырабатывать и реализовывать свою волю в условиях, когда их сознание еще недостаточно адаптировалось к новой ситуации.

Нет сомнения, государство и общество Японии смогут преодолеть эти препятствия, в результате чего будет выстроена и приобретет зрелость новая политическая система. Ее главными отличительными чертами будут высокая степень демократичности в смысле максимального отражения воли народа, решительное расширение участия в решении общих дел низовых ячеек государственных и общественных структур, превращение политической системы в инструмент социального прогресса, практически свободный от наносных явлений, мешающих эффективному выполнению этой функции.

Естественно, что основным средством выражения воли народа в государственных структурах и в общественных объединениях останутся на общенациональном уровне институты косвенной, представительной демократии. Однако интерпретация этого волеизъявления станет более точной: кроме положительного эффекта новой системы выборов в палату представителей, может появиться институт отзыва депутатов парламента; в политических партиях произойдет (трудно сказать, в какой мере) вырав-

нивание веса парламентариев и рядовых членов партии при выборах партийного руководства.

Центральные органы государства и общественных объединений станут компактнее, что уменьшит объем народных, партийных и других расходов на их содержание, а также сократит возможность превращения их в самодовлеющие, оторванные от масс образования. Эффективность их деятельности повысится, в том числе благодаря более тщательному отбору кадров и более строгому контролю снизу. Значительно улучшится взаимодействие ветвей власти.

Все звенья аппарата государства и общественных объединений станут более доступными для граждан, сделают свое функционирование более "прозрачным"; в этом направлении будет развиваться законодательство. Далек продвинется процесс выравнивания статусов государства или партийного руководства, с одной стороны, и гражданина или члена партии, с другой; закон и суд еще энергичнее станут бороться с коррупцией и злоупотреблениями служебным положением и защищать права человека.

¹ Во внешних связях она стала так называться с 1991 г., внутри страны - с 1995 г.

² Далее - Сакигакэ.

³ The Economist, 1994, April 30, с. 65.

⁴ Дзию симпо, 5-12.07.1994.

⁵ См.: IAS news, 1994, N 3, с. 58.

⁶ Подробнее см. Сенаторов А.И. Первые уроки коалиционного правления. Япония 1994/1995. Ежегодник, М., 1995, с. 7-35.

⁷ Дзию симпо, 24.05.1994.

⁸ Ёмиури, 17.08.1995.

⁹ Social Science Japan, 1994, November, с. 19.

¹⁰ Дзию симпо, 26.09.1995.

¹¹ Подробнее см.: IAS news, 1994, N 3.

¹² См.: Social Science Japan, 1995, April, с. 12-13.

¹³ См.: Асахи симбун, 18.10.1995.

¹⁴ The Economist, 1994, April 30, с. 65.

¹⁵ Сюкан Асахи, 1995, 24 марта.

¹⁶ См.: Бунгэй сүндзю, 1995, август.

¹⁷ Дзю симпо, 3.10.1995.

¹⁸ Никкэй симбун, 23.09.1995.

НА СТЫКЕ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Дихотомия “государство - общество” - модный предмет нынешних исследований в самых разных странах: и в тех, которые относят к развитой демократии, и тех, которые лишь идут в этом направлении, освобождаясь от оков тоталитаризма. При разных исходных точках в обоих случаях дискуссии идут об активизации гражданских начал в жизни общества и государства как средства разрешения многочисленных проблем, возникающих и при демократическом строе и на пути к нему. Различие же состоит в том, что в первом случае к концепции гражданского общества обращаются с целью найти способы недопущения возврата к авторитарным, и того хуже, диктаторским, методам управления, выявить новые потенциальные ресурсы реальной демократии, а во втором - с целью избавиться от последствий тоталитаризма или авторитарности, на обеспечение которых ранее был нацелен, или еще полностью или частично остается таковым государственный механизм.

Вполне естественно, что ни одна из концепций гражданского общества не может обойти стороной местное самоуправление, то есть автономное, самостоятельное управление на определенной территории местными делами по волеизъявлению населения и с его участием. Речь идет не только о теоретических дискуссиях. Во многих странах сейчас на практике стоит вопрос о решительном повороте к децентрализации, о передаче части нынешних полномочий государства на места, о способах активизации местных обществ, повышения их роли в экономическом развитии, в решении социальных проблем, в создании благоприятных материальных и духовных условий жизни человека, в достижении его гармонии с природой.

Вместе с тем имеется в виду не безоглядная децентрализация. Очевидно, что крайний локализм, особенно, когда он дополняется недальновидным национализмом, несет с собой труднопредсказуемые негативные последствия, не имеющие ничего общего с первоначально декларируемой целью демократизации.

Иначе говоря, безответственный подход к децентрализации может привести к тому же авторитаризму, только на местном уровне.

Предмет настоящей статьи - основные черты японского местного самоуправления, каким оно сформировалось в процессе послевоенного перехода от тоталитарного императорского правления к демократическому политическому строю, и проблемы его реформирования, адаптации к современным условиям.

До послевоенных демократических преобразований японского общества вся структура местной власти, работавшая под жестким руководством и контролем центральных государственных органов и их представителей на местах, была приспособлена к решению задач мобилизации трудовых и материальных ресурсов страны на военные нужды, воспитания патриотизма, преданности и беспрекословного подчинения императору. Существовавшие в Японии повсеместно неформальные соседские общества также использовались главным образом в интересах поддержки тоталитарного господства, в качестве средства поддержания коллективной ответственности своих членов перед государством, всевидящего надзора, не допускающего ослушания спускающимся сверху приказам. Естественно, что без коренной реформы системы власти на местах нельзя было надеяться и на общую демократизацию общества.

Направление такой перестройки было указано осенью 1946 г. с принятием новой конституции, провозгласившей принцип местного самоуправления, определившей демократический порядок формирования и общие контуры полномочий его органов. В апреле следующего, 1947 г., за полмесяца до введения конституции в действие, был опубликован закон о местном самоуправлении, уже детально конкретизировавший применение конституционных положений. Таким образом, в кратчайший срок были заложены правовые основы реорганизации местной власти на демократических началах, что безусловно, не могло не способствовать общему успешному ходу демократизации всех сторон жизни общества.

Характерная черта перестройки власти на местах - учет опыта местного самоуправления демократических стран, чему спо-

собствовало непосредственное участие в разработке проекта закона квалифицированных специалистов из администрации оккупационных войск. Но это не сопровождалось отказом от национальной специфики в структуре местных органов и в определенной степени даже в методах их взаимоотношения с государством. Основным содержанием перестройки стали демократизация порядка формирования и деятельности местных представительных и исполнительных органов в рамках практически прежней структуры, расширение их прав, освобождение из почти полной зависимости от центрального правительства.

Несмотря на большой объем закона о местном самоуправлении, в нем нельзя было охватить все стороны организации власти на местах. В 1947-1950 гг. была разработана и принята серия законов, касающихся финансового обеспечения ее деятельности: о финансах, о лицензировании займов, о передаваемом налоге, о местных налогах. После того, как несколько позже, в 1950-1956 гг., появились некоторые другие законы, уточнявшие или корректировавшие отдельные стороны механизма местного самоуправления (статус служащих, порядок работы коммунальных предприятий, организация полицейской службы, роль местных органов в области образования и т.д.), формирование новой, демократической системы было в основном завершено. В последующем, до начала 90-х годов поправки к ранее принятым законам и разработка новых имели целью исправление и уточнение отдельных положений, не выдержавших испытание практикой, а также внесение дополнений, отражавших разнообразные перемены в стране, например, стремительную урбанизацию, возрастание роли экологического фактора.

Главными субъектами системы местного самоуправления являются префектуры, города, поселки и деревни, причем последние три - первичные, базовые единицы (муниципии). Каких-либо промежуточных звеньев между ними и префектурами нет. Каждая муниципия, в рамках которой осуществляется большинство функций самоуправления, напрямую входит в одну из префектур (в стране их 47). К функциям последних относятся местные дела, выходящие за пределы первичных единиц, требующие их

объединенных, совместных усилий, а также координации их деятельности.

Помимо местных общественных органов префектур, городов, поселков, деревень, называемых законом "обычными", установлена категория органов "особых", также наделенных определенными правами для самостоятельной работы. К ним относятся столичные районы, имеющие статус, близкий к тому, который имеют города, кооперативы, создаваемые обычными органами самоуправления для решения специфических задач в интересах местных жителей, корпорации регионального развития, финансово-промышленные округа.

За пределами официальной структуры местного самоуправления широко распространены неформальные гражданские объединения - соседские общества, добровольно создаваемые жителями одного квартала или небольшого населенного пункта для совместного решения некоторых интересующих местных жителей дел. Число таких организаций по стране приближается к 300 тысячам.

В соответствии с принципом разделения властей на представительную и исполнительную в качестве обычного органа местного самоуправления действуют префектурные, городские, поселковые и деревенские собрания и местные администрации. Губернаторы префектур, мэры городов, старосты поселков и деревень, стоящие во главе администраций, имеют статус главы данного органа местного самоуправления.

Демократия местного самоуправления обеспечивается широким набором ее средств: выборностью не только членов местных собраний, но и глав всех местных администраций, путем прямых выборов проживающими на соответствующей территории гражданами; наделением представительных органов - местных собраний - весьма широкими правами; рассредоточением исполнительной власти в ряде важных сфер ее деятельности; механизмом противовесов в отношениях между представительной и исполнительной ветвями власти; наконец, применением элементов непосредственной (прямой) демократии.

Нынешний порядок выборов местных собраний и глав органов самоуправления открыл возможность формирования таких

собраний в многопартийном составе и гарантии сменяемости исполнительной власти путем прямого волеизъявления жителей на основе оценки эффективности ее работы.

Главная функция местного собрания состоит в принятии постановлений - законодательных актов местного значения, по вопросам не относящимся к ведению государства. Обязательного решения местного собрания требуют дела, касающиеся определения и исполнения бюджета, налогообложения, размеров тарифов на услуги коммунальных предприятий и других денежных сборов, заключения многих важных, определенных законом контрактов, пользования общественными сооружениями и распоряжения имуществом органа местного самоуправления. Большими возможностями располагают собрания и для контроля за деятельностью исполнительной власти.

Разумеется, такой порядок болезненно воспринимается многими главами местной администрации. Но практика свидетельствует, что справедливые решения и инициативы исполнительной власти местные собрания чаще всего поддерживают. Их активная работа способствует лучшему учету нужд населения, повышает ответственность должностных лиц исполнительной власти, является важным средством борьбы с произволом, злоупотреблениями и коррупцией.

Главы местной администрации, неся персональную ответственность за осуществление дел, отнесенных к функциям соответствующих органов местного самоуправления, имеют достаточно полномочий для общего руководства и управления на своей территории. Вместе с тем в структуре исполнительной власти учреждается ряд коллегиальных органов, хотя и подведомственных главе администрации, но наделенных правом на самостоятельные решения в порученных им сферах деятельности.

В каждом органе местного самоуправления учреждаются комиссии по образованию, контролю за выборами, по делам кадров (или комиссии справедливости). В префектурах создаются комиссии общественной безопасности, по трудовым отношениям и некоторые другие, например, по вопросам отчуждения, по регулированию морских рыболовных зон, а в первичных органах самоуправления - комиссии по оценке недвижимости и сельско-

хозяйственные. Формируются они демократическим путем: члены назначаются главой администрации с согласия собрания, либо избираются им. Работа этих коллегиальных органов способствует лучшему учету мнения местного населения, предупреждает принятие авторитарных решений главами администрации по кадровым вопросам, по использованию префектуральной полиции, препятствует нарушениям в период выборов, помогает справедливому решению вопросов, касающихся собственности граждан и их налогообложения.

Принцип противовесов в отношениях между представительной и исполнительной властями находит выражение в предоставлении главе администрации права не согласиться с постановлением или иным решением собрания и возратить его в течение 10 дней на пересмотр, указав причины своего несогласия. При вторичном рассмотрении в случае его поддержки 2/3 голосов присутствующих депутатов постановление входит в силу. В свою очередь, собрание обладает правом выразить главе администрации недоверие, для чего требуется присутствие не менее 2/3 всех депутатов членов собрания и 3/4 голосов присутствующих. В ответ на это глава администрации может распустить собрание, если он надеется, что вновь избранное будет к нему более благосклонным.

Довольно прочно в практику местного самоуправления вошли элементы непосредственной демократии. Жители префектур и муниципий имеют право напрямую требовать принятия или отмены постановления местного собрания (за исключением касающихся налогов и других денежных сборов), проверки деятельности органа самоуправления, роспуска собрания, отстранения от должности его члена, главы администрации и других официальных лиц.

Демократический порядок формирования представительных и исполнительных органов, их работы и взаимодействия друг с другом, обязанность считаться с непосредственными требованиями жителей - все это обеспечивает обратную связь между населением и властями, самоуправление с участием граждан и одновременно укрепляет авторитет и самостоятельность его органов перед государственными властными структурами.

Поощряется деятельность неформальных соседских организаций. В 1991 г. в закон о местном самоуправлении внесены поправки, облегчившие их оформление в качестве юридических лиц. Соседские общества занимаются мелкими, но важными для жителей микрорайонов делами, вносят заметный вклад в предотвращение нарушений общественного порядка, в решение многих бытовых проблем, в оздоровление духовного климата, являются одним из факторов сохранения у японцев чувства локтя, взаимопомощи, коллективизма. Их руководители и активисты работают, не жалея своего времени и сил, бескорыстно, а проводимые ими мероприятия, например праздники и многое-многое другое, не затрагивают бюджетов муниципий.

Отношения органов местного самоуправления с государством строятся на основе четкого разграничения законом их функций и полномочий. К ведению органов местного самоуправления относятся дела, которые условно можно свести в следующие группы:

- создание и обслуживание инфраструктуры для повседневной жизни населения и функционирования экономики, забота об окружающей среде;

- образование (обязательное) и культура;

- здравоохранение и социальное обеспечение;

- содействие развитию торговли, промышленности и сельского хозяйства;

- трудовые отношения;

- обеспечение безопасности жизни и имущества населения;

- регистрация населения;

- управление собственными предприятиями.

Законы содержат конкретный перечень этих дел для первичных единиц местного самоуправления и префектур, делая излишними дополнительные согласования между каждым из них и правительством.

Отголоском прежних, существовавших в довоенной Японии форм организации государственного управления, остается узаконенная практика, согласно которой местные органы исполнительной власти выполняют по поручению министерств и ведомств немалое число дел, относящихся к функции государства, и несут перед ними за это ответственность. Вместе с тем все

служащие местного самоуправления, включая глав администраций, отделены от государственного аппарата, чем исключается их непосредственное подчинение должностным лицам центра. Их статус определен специальным законом, установлена процедура разрешения конфликтов между министрами и губернаторами, включающая возможность судебного разбирательства. Губернаторы и мэры имеют право отменять или приостанавливать действие государственного органа, учрежденного на территории префектуры или города, если оно идет вразрез с законом.

Законодательное регулирование местного самоуправления не ставит перед собой задачу полной унификации его органов. Вместе с тем закон дает конкретные рекомендации по структуре администрации префектур в зависимости от численности их населения, устанавливает допустимое число членов местных собраний. Проблемы структуры администрации и распределения обязанностей в первичных органах передаются на их собственное рассмотрение с оформлением решения местным собранием. Закон требует не забывать о следующем: стремиться к повышению благосостояния жителей, к максимальной эффективности работы местной администрации при минимальных затратах; постоянно заботиться о рациональной организации управления; не создавать помех сотрудничеству с другими органами самоуправления, заботиться об оптимальном соотношении с их организацией и управлением.

Подробно регламентирован порядок изменения состава и границ территорий, находящихся в ведении органов местного самоуправления, предусматривающий учет мнения заинтересованных сторон, оформленного постановлениями местных собраний. Парламенту отказано в праве на принятие специальных законов, применяемых только в отношении одного органа местного самоуправления без получения согласия на то большинства его населения.

Многообразная деятельность населения невозможна при отсутствии у муниципий и префектур достаточных источников ее финансирования. Японские органы местного самоуправления, как и в других странах, располагают возможностью получать доходы от местных налогов, различных сборов в виде платы за

пользование коммунальными услугами и имуществом, комиссионных, прибегать в случае необходимости к местным займам (последнее делается с разрешения правительственных органов и должно отвечать целому ряду условий). Доля местных налогов совокупных органов местного самоуправления постепенно возрастает и со второй половины 1980-х гг. превысила 40% общей суммы налогообложения. Доходы от прочих источников приближаются к 25%. Остальное восполняется из государственной казны.

Помимо того, что центр компенсирует префектурам и муниципиям затраты по исполнению дел, относящихся к его собственным функциям, он по определенным законами и правительственными указами нормам предоставляет им различные дотации и может с общенациональных позиций оказывать финансовую поддержку тем местным начинаниям, которые распространившись по стране принесут полезные результаты. При государственном дотировании, особенно строительных работ, в которых его доля особенно высока, правительственные учреждения оставляют за собой право на контроль за целевым использованием предоставленных средств, устанавливают нормы и условия, требуют проведения консультаций с ними и предоставления отчетов.

Принципиальное значение для функционирования местного самоуправления в целом имеет местный передаваемый налог. Его смысл состоит в том, что аккумулируя определенную часть средств от некоторых государственных налогов, правительство ежегодно передает их тем органам местного самоуправления, у которых собственные финансовые возможности недостаточны для покрытия нормативных расходов. Основанием распределения средств от данного налога служат расчеты, производимые в центре, исходя из единых норм и изучения отчетных документов префектур и муниципий за предыдущий год. Логика применения такого способа финансирования чрезвычайно проста: люди, где бы они ни проживали - граждане одной страны; следовательно, должны иметь определенный уровень равноценного административного обслуживания. В 1991 г. на местный передаваемый налог приходилось 17,4% совокупных доходов местного само-

управления. Состоятельных, то есть не получающих средств от этого налога, префектур никогда не было больше четырех, а число муниципий не достигает и двух сотен (из трех с лишним тысяч). Средства передаваемого налога местные власти используют по своему усмотрению.

Послевоенные реформы, предоставив органам местного самоуправления значительные возможности для их успешной работы в интересах и с участием проживающего на их территориях населения, в то же время оставили за государством права, достаточные для того, чтобы отстаивание местных интересов не мешало решению общенациональных задач, не подрывало устои государственности.

Государство сохраняет мощные средства воздействия как на общий характер деятельности местной власти, так и нередко на конкретные ее решения - через парламент (законодательство), правительство, судебные органы. Не имея права непосредственно вмешиваться в дела местного значения, министерства и другие центральные ведомства широко применяют так называемое административное руководство. Оно имеет две формы: властную (финансовые ревизии, административные инспекции, лицензирование) и более мягкую (требования в центр разнообразных докладов, уведомления, информационные материалы, обследования, технические советы и предупреждения, внесение разного рода поправок к принимаемым решениям местных органов). Государство выступает распорядителем значительной части финансовых средств, необходимых для нормального функционирования органов местного самоуправления. Их действия, входящие в противоречие с законами и основывающимися на них правительственными указами, признаются недействительными. В случаях, когда между ними и правительственными учреждениями возникают споры, последнее слово принадлежит судебной власти.

Безусловно, все это в совокупности означает несомненную зависимость префектур и муниципий от центра. С другой стороны, без многих предусмотренных законами его действий по общему руководству органами местного самоуправления и контролю за их деятельностью трудно представить нормальное

функционирование государства как целостного организма. Множество местных проблем разрозненными усилиями не разрешить. Государство приходит на помощь, разрабатывая программы регионального развития и привлекая централизованные средства на их осуществление. Немалое число муниципий справляется со своими обязанностями лишь благодаря государственной финансовой поддержке.

Нынешнее местное самоуправление - результат стремительных послевоенных демократических реформ, протекавших в своеобразных условиях военного поражения и громадного влияния оккупационных властей на перестройку государственного строя и общества, но одновременно на фоне глубоко проникшего в сознание основной массы населения представления о всемогуществе сильной центральной власти, преклонения перед ней. В развитых странах практика местного самоуправления, исходя из внутренних потребностей общества, накапливалась практически веками, развивалась главным образом снизу и закреплялась первоначально в форме традиций. Японское местное самоуправление, возникшее на базе довоенной структуры местной власти, но перестроенное коренным образом в соответствии с принципами новой конституции, формировалось сверху, государственными властными органами, фактически по единому рецепту. Альтернативного выбора по существу просто не было.

Вот почему во многом восприняв англо-саксонские представления о местном самоуправлении, как признают японские политологи, отечественная модель отнюдь не является копией западных образцов. При сравнении нынешнего местного самоуправления в Японии с теми, что существуют сейчас в США, ФРГ, Великобритании и других странах, японцы отмечают прежде всего присущую ему детализированную регламентацию работы, сохранение за государством возможности не только контролировать, но и прямо вмешиваться в решение дел местного значения.

Такой характер устройства местного самоуправления длительное время в Японии никем серьезно под сомнение не ставился, хотя споры по этому вопросу между консервативными и прогрессивными политическими кругами возникали. Первые ра-

товали за укрепление централизованных начал, а вторые за дальнейшую демократизацию и расширение самостоятельности, особенно финансовой. Впрочем послевоенное законодательство преимущественно устраивало и тех, и других. Действительно, достаточных аргументов в пользу его существенного пересмотра долгое время не существовало. Законы учили тому, как демократизировать жизнь общества в каждом уголке страны, поставить местную власть на службу населению и в то же время совместными усилиями решать общие, национальные задачи. Результативность демократической перестройки местной власти на началах самоуправления подтверждалась общими успехами послевоенной Японии, в первую очередь, ее бурным экономическим развитием. Благодаря активной деятельности органов местного самоуправления создавался фундамент для включения провинции в экономический бум. Усиление гражданских начал местного самоуправления сделало его органы важным средством преодоления негативных для жизни человека последствий бурных темпов роста производства - разрушения окружающей среды, транспортных, жилищных проблем, урбанизации, прочих перекосов и деформаций.

По мере расширения гражданского участия в местном самоуправлении возрастала его экономическая, политическая и социальная роль. Со второй половины 60-х годов заложенная послевоенным законодательством потенциальная возможность сменяемости местной власти по волеизъявлению избирателей стала часто реализовываться на практике, что обострило соперничество местных политических и общественных сил в борьбе за власть и побудило исполнительные и представительные органы работать более ответственно и инициативно. Одновременно и гражданские движения, которые явились одним из факторов свежего ветра в провинциальной жизни, ощутив результативность своей деятельности, получили новый стимул для дальнейшей активизации.

С конца 70-х годов критика ряда важных сторон системы местного самоуправления резко усиливается. Практические работники местной власти выражают недовольство чрезмерным вмешательством государственных органов в их дела, сдерживаю-

щим проявление инициативы, и бюрократическим порядком бесконечных согласований, мешающим принятию оперативных решений. Правительственное обследование, проведенное в конце 1993 г., показало, что на основе законов, правительственных указов и министерских приказов государственные учреждения продолжают вмешиваться в работу местного самоуправления в форме утверждений, разрешений и т.д. (имеется более десятка таких форм) по 3293 различным случаям¹. Слова бывшего премьер-министра М.Хосокавы о том, что без разрешения токийских чиновников нельзя даже перенести автобусную остановку², образно характеризуют степень административной зависимости органов местного самоуправления от центра.

В наименьшей мере на местах обеспокоены финансовой зависимостью, тесно переплетающейся с административной, поскольку именно недостаток собственных источников финансирования чаще всего и определяет необходимость множества различных согласований с правительственными учреждениями.

Все громче звучит голос общественности, требующей поворота национальной политики от акцента на развитие производства к первостепенному вниманию к условиям жизни человека, что невысказано сделать без усиления роли и расширения полномочий местного самоуправления, где как раз и решаются в первую очередь задачи улучшения качества жизни. Различные общественные силы на местах добиваются создания структуры, обеспечивающей полноценное гражданское участие в управлении делами муниципий и префектур.

В деловых кругах, в правительственном аппарате задумываются над тем, как в новых условиях интернационализации экономики, обостряющейся международной конкуренции и истощения прежних японских преимуществ в ней ввести в действие еще сохраняющиеся резервные силы. Чтобы адаптировать страну к крупным переменам на международной арене, рассматриваются способы обеспечения более активной жизнедеятельности провинций, использования потенциала гражданского общества.

Речь идет о снятии различных препон поискам префектур и муниципий собственных нераскрытых возможностей экономического развития, освобождении их от чрезмерной опеки со сторо-

ны государства, передачи на места больших прав в поощрении местного бизнеса, а также в сфере международных экономических и культурных связей. Считается, что раскрепощение местной инициативы способствовало бы также исправлению нынешнего громадного перекаса в размещении производительных сил, выражающегося в их сосредоточении на небольших территориях, особенно в токийском мегаполисе.

Таким образом, общая демократизация жизни общества и выход Японии на новый уровень экономического развития, вступление в эпоху усиливающейся взаимозависимости национальных экономик, настоятельно диктуют не косметический ремонт, а основательную реформу нынешней системы местного самоуправления. Одновременно зримые достижения многих префектур и муниципий в осуществлении национальных и собственных программ повышения благосостояния населения, его культурного обслуживания, решения экологических проблем, а также планов регионального экономического развития в соответствии с требованиями научно-технического прогресса (программа "Технополис")³ наглядно подтверждали компетенцию местных властей, их способность эффективно работать без навязчивого контроля и вмешательства со стороны центра и несомненное превосходство в точном определении местных приоритетов. Это означает потенциальную готовность страны к переводу местного самоуправления на новый, более высокий уровень.

Начало 90-х годов ознаменовалось появлением множества проектов реформы местного самоуправления, разработанных авторитетными общественными организациями, экспертами и отдельными политиками, а также консультативными советами при правительстве. Общий тон всех проектов - признание необходимости ограничения функций и полномочий государства, передачи существенной части их на места, призыв к быстрейшему принятию законодательных актов, которые должны открыть путь и определить направление реформы. Конкретные же предложения далеко не однозначны. Одни из них, например концепция "федеративной системы", предполагающая создание более крупных, чем нынешние префектуры, единиц верхнего звена местного самоуправления - провинций с передачей им даже части

законодательных и судебных прав от государства, носит явно радикальный характер и больших симпатий общественности не вызывают. Другие, а их большинство, конструктивны, заинтересованно дискуссируются.

Общественной поддержкой пользуются предложения об укреплении финансовой самостоятельности местного самоуправления путем изменения соотношения между государственными и местными налогами в сторону увеличения доли последних. В частности, изучается возможность передачи на места права на взимания большей, чем раньше части налогов на потребление, неизбежность увеличения которых в условиях стареющего общества практически предрешена. Не подлежит сомнению необходимость сократить различные регламентации и ослабить государственное вмешательство в деятельность местных органов, отменить или, по меньшей мере, ограничить практику поручения им исполнения государственных дел при сохранении полномочий по ним за правительством. Дискуссируются лишь масштабы, конкретные сферы желательных шагов в этих направлениях.

Рассматривается возможность оставить за правительством более ограниченные функции при одновременном сокращении его аппарата (концепция "малого правительства"). В конкретной форме ставится вопрос не только о передаче части нынешних функций государства на места, но и о расширении полномочий муниципий за счет префектур. В ходе обсуждения путей увеличения гражданского участия и роли местных жителей в контроле снизу особое внимание обращается на обеспечение открытости информации и публичности процесса принятия решений в органах местного самоуправления.

Одна из сложнейших спорных проблем - определение оптимального размера первичных органов самоуправления. Чтобы лучше знать и оперативно откликаться на нужды населения, обеспечивать реальное его участие в управлении требуется максимальное приближение этих органов к жителям. Вместе с тем самостоятельное решение местных проблем возможно лишь при наличии достаточных финансовых, кадровых и прочих возможностей. Первые легче реализовать в границах небольших населенных

пунктов. Вторых больше у крупных муниципий. Послевоенная тенденция к укрупнению муниципий, включая слияние ряда городов, способствовала экономическому подъему регионов, но одновременно поощряла процесс урбанизации со всеми его негативными последствиями. И сейчас провинциальные деловые круги заинтересованы не только в расширении границ муниципий, но и призывают, как это делают, например, предпринимательские организации района Кансай, к созданию более крупных, чем префектуры, региональных самоуправляющихся единиц. Напротив, простые жители, местная администрация склонны скорее к сохранению территорий своих малых городов, поселков и деревень.

Развернувшаяся дискуссия о децентрализации, в которой приняли участие все заинтересованные стороны, а также произошедшие в ее ходе большие подвижки в позициях политиков - консерваторов в пользу признания неотложности задачи повышения статуса органов местного самоуправления создавали благоприятную атмосферу для перехода от слов к делу.

В июне 1993 г. парламент принимает резолюцию о децентрализации, в которой указывается на необходимость "исправления методов администрирования из центра", укрепления самостоятельности органов местного самоуправления путем передачи им части нынешних функций государства и соответствующих полномочий. Парламент потребовал от кабинета министров принятия решительных мер, начиная с разработки проектов необходимых законов⁴.

При третьем коалиционном правительстве во главе с Т. Мураямой в декабре 1994 г. были утверждены "основные направления реформы местного самоуправления", а затем на рассмотрение парламента передан проект закона о децентрализации, в котором за основу были приняты большинство рекомендаций правительственных консультативных советов и в определенной степени учтены коллективные предложения влиятельных организаций депутатов местных собраний и глав администраций. Закон принят парламентом в мае 1995 г.

Итак, необходимость децентрализации, реформы местного самоуправления в сторону усиления его роли в жизни страны

выражена в форме государственного закона. Вместе с тем рамки полномочий центра и органов местного самоуправления закон определяет пока лишь в общих словах. В компетенции первого включены дела, "относящиеся к существованию государства" и "подлежащие решению в национальном масштабе и с национальной точки зрения". Вторым отводится "широкая роль самостоятельного и комплексного осуществления местной политики". С "позиций упрочения местной автономии" закон требует провести "упорядочение и рационализацию" в таких вопросах, как государственное вмешательство в местные дела, передача дел, относящихся к государственным функциям, на исполнение местной власти по поручению правительственных ведомств, зависимость местных бюджетов от государственных дотаций.

Наметив общее направление реформы, закон установил сроки ее проведения - в течение пяти лет путем внесения изменений в Закон о местном самоуправлении и другие законы, а также в подзаконные правительственные акты. Для контроля за ее исполнением в надлежащие сроки и с достаточной полнотой учрежден Комитет продвижения децентрализации, наделенный правом наблюдать за работой правительственных учреждений и давать свои рекомендации. Значение комитета подчеркивается тем, что его члены назначаются премьер-министром с согласия обеих палат парламента из авторитетных и знающих проблему лиц.

Создается впечатление, что в отличие от послевоенных реформ, когда главные преобразования в системе местной власти были осуществлены в кратчайшие сроки, нынешнюю не столь уж и коренную реформу намерены провести весьма осмотрительно, без спешки. И это понятно. В первом случае дело касалось принципиального, безотлагательного решения, касающегося судьбы страны. Сейчас японцы решают также важную для перспектив развития задачу, надеясь, что децентрализация поможет сохранить их лидирующее положение в мире. Но допустимая глубина реформы и ее возможные результаты не столь очевидны, потенциал существующей системы местного самоуправления еще до конца не исчерпан, заметного кризиса в ее работе не наблюдается.

Реформа местного самоуправления, как ожидается, будет тормозиться сопротивлением части государственной бюрократии. Ее несогласие с глубокой децентрализацией нельзя объяснить только боязнью понижения собственного статуса, лишения выгод, проистекающих из ее нынешних прав в отношении органов местного самоуправления. Некоторые просто искренне не верят в реальную способность эффективного решения на местах многих дел без государственного контроля и вмешательства. Сохранению негативного или пассивного отношения к децентрализации способствуют промахи и изъяны в работе органов местного самоуправления и, особенно, факты коррупции, к которой нередко оказываются причастными главы администраций вплоть до губернаторов.

Естественно также, что принятие конкретных решений для продвижения реформы как в правительстве, так и в парламенте осложняется острой политической борьбой. Признание необходимости децентрализации всеми партиями еще не означает согласия в вопросах о пределах передачи государственных полномочий на места, приоритетов и способов решения поставленных задач. Разные подходы по этим вопросам наблюдаются как внутри правящей коалиции, так и в рядах оппозиции. Притом это различие определяется не только сложностью нахождения оптимальных решений, но также и политическими соображениями в борьбе за власть, ориентацией партий на определенные корпоративные интересы. Оппозиция, как обычно, склонна в своем положении отстаивать более радикальные предложения. Это видно, например, при сравнении взглядов Р.Хасимото, лидера Либерально-демократической партии, ставшего в январе 1995 г. премьер-министром, и И.Одзавы, председателя оппозиционной Партии новых рубежей.

Р.Хасимото при его избрании председателем ЛДП от конкретных обещаний по поводу децентрализации воздерживался, хотя и подчеркивал намерение добиваться "решительной реформы с целью поворота бюрократии в сторону народа", а также указывал на необходимость в случае перемещения столицы "упорядочить" центральные министерства и управления, в том числе путем слияния некоторых из них. В аналогичной ситуации

добиваясь избрания председателем своей партии, И.Одзава, напротив, говорил сугубо конкретно, излагая эффективный план укрупнения нынешних более трех тысяч муниципий всего в три сотни городов, а в дальнейшем отмены префектур, передачи городам всех полномочий по управлению, затрагивающему местных жителей. Кроме того, он нарисовал схему перестройки правительства, при которой число министерств и управлений, возглавляемых государственными министрами, должно быть уменьшено с 20 до 15⁵.

Независимо от развития событий в борьбе за политическую власть можно предположить, что реформа местного самоуправления, ставшая объективной необходимостью, будет постепенной и не слишком глубокой. Японцы проявят в ее ходе присущую им осмотрительность и расчетливость, будут добиваться максимальной результативности намечаемых перемен.

¹ Асахи симбун, 06.03.1995.

² Япония о себе и мире. 1994, № 1, с. 37.

³ Впечатляющие примеры таких достижений можно встретить во многих работах российских исследователей. См., в частности: Тимонина И.Л. "Технополис" - программа регионального и научно-технического развития Японии. - Япония 1988. Ежегодник. М., 1989, с. 109-123.

⁴ Асахи симбун, 04.06..1993.

⁵ Асахи симбун, 29.12.1955; 11.01.1996.

ЯПОНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В наши дни к разработке новой модели мирового развития, соответствующей реалиям постконфронтационной эпохи проявляется большой интерес. Основная задача состоит в том, чтобы с учетом общественного опыта последнего времени (1980-90-х годов) сконструировать модель значительно более устойчивого и безопасного развития, сделать его механизм максимально надежным и в значительной степени саморегулируемым. В первую очередь это способствовало бы успеху в решении таких весьма актуальных проблем, как

- бескризисное экономическое развитие;
- бесконфликтность социальных процессов;
- гармоничные взаимоотношения стран с различным уровнем развития;
- формирование более благоприятной демографической ситуации;
- создание эффективного механизма смягчения сырьевых и экологических проблем.

В разработку новых схем и концепций, подготавливающих создание новой модели развития мира в следующем столетии, свой вклад вносят многие правительственные и общественные организации, научные институты и университеты, руководители государств, ученые, деятели культуры. Для Японии такая работа особенно актуальна и в известной степени близка к концепции традиционных для нее разработок по проблеме экономической безопасности. В частности, в рамках этой концепции здесь решается множество практических вопросов сбалансированного участия страны, практически лишенной сырьевых ресурсов, в мировом хозяйственном процессе, который, следует заметить, становится все более напряженным, ввиду близкого исчерпания отдельных видов сырья, особенно нефти и газа. Все это заставляет японских аналитиков весьма тщательно и детально исследовать мировую ситуацию и прогнозы в области экономики и научно-технического прогресса, вооружающего общество новыми

технологиями, и, следовательно, более эффективными методами и средствами, используемыми в качестве рабочего инструмента в экономической и социальной сфере.

В данной статье рассматривается общая схема современно-го технологического пространства, описываются реализованные в Японии ключевые технологические направления и на основе последних прогнозов дается характеристика дальнейшего технологического развития. В этом плане большой интерес представляет исследование Управления экономического планирования (УЭП), посвященное важнейшим инновациям конца XX - начала XXI вв. Практически по всем из них создан солидный научно-технический задел, причем по большинству инноваций Япония или опережает другие страны или делит с ними первое место. Весьма интересны такие прогнозы Управления по науке и технике (УНТ). В них эксперты оценивают важнейшие научные темы, с которыми связаны новые технологии, их актуальность для страны, уровень национальных достижений на соответствующих научно-технических направлениях.

В результате может быть сделан вывод, что 1980-90-е годы - это период серьезной переориентации общества на новые технологии, формирования основ технологической системы следующего поколения. Среди ее главных особенностей - широкое использование принципиально новых "рабочих агентов" технологического процесса (физических, химических, биологических и др.), информатизация практически всех видов технологий, приоритет магистральных "саморазвивающихся" технологических направлений (мехатроника, гибкая автоматизация, биотехнология, искусственный интеллект и др.).

В Японии придается весьма большое значение тому, чтобы достижения науки и техники гармонично вписывались в жизнь как общества, так и отдельного индивида. В частности, УЭП тщательно оценивает, насколько будущие инновации способны содействовать решению таких задач, как гармоничное взаимодействие с окружающей средой, смягчение экологических, энергетических и демографических проблем, развитие международного сотрудничества, обеспечение безопасности, поддержка общественного и личного стремления к повышению благосостояния, решение проблемы старения населения.

Направить с самого начала развитие инноваций, новых технологий в русло решения перечисленных задач в значительной степени означает внесение вклада в развитие модели более полноценного и устойчивого развития. Многие свидетельствуют, что Япония настроена на активное развитие этой модели и, по-видимому, одной из первых испытает на себе ее выгоды и достоинства.

Прогресс науки и техники непрерывно вводит в практический оборот новые производственные технологии в области материального производства и услуг, общая совокупность которых формирует некое множество, которое может быть также представлено, как многомерное технологическое пространство. Проблема состоит в том, чтобы отыскать наиболее ёмкие характеристики технологий для использования в качестве его координат. Однако эта проблема не разработана еще настолько, чтобы ввести в научный и практический обиход экономистов строгие математические представления о свойствах технологического пространства. Слишком много параметров может быть привлечено в качестве характеристик технологий. Конечно, на каком-то этапе можно было бы практически обсудить все подходы и условиться о стандартных координатах такого пространства. Это дало бы в распоряжение исследователей и практиков добротный инструмент для технико-экономических исследований и оценок.

Представляется, что к группированию технологий по их главным признакам можно подойти, по крайней мере, с двух позиций. Во-первых, они могут подразделяться на типовые группы в зависимости от природы преобразуемого объекта, характера используемых процессов, производимого эффекта, степени точности, потребления материальных ресурсов и т.д., а также масштабов использования живого труда.

Другой вариант классификации мог бы исходить из объективного существования многообразных технологий: механических, электромеханических (мехатроника), микроэлектронных, ядерных и элементарных частиц, биотехнологических, программных, информационных.

Вместе с тем, рационален и принципиально иной подход, ориентированный на определение того абсолютного минимума позиций, в которых были бы выражены не столько те или иные

характеристики технологий, сколько принципиальные, координирующие направления их воздействия на практическую деятельность и главным образом на производство. Подобный подход позволяет выделить всего три их класса:

- производящие, т.е. конкретные принципы и методы воздействия на то, что производится;

- размножающие, т.е. такие технические приемы, которые обеспечивают надлежащие масштабы производства;

- контролирующие, т.е. методы передачи, ввода-вывода и обработки всей информации, необходимой как для реализации двух вышеназванных классов технологий, так и для оценки достигнутых при этом результатов.

Эти три класса (слоя), как представляется, можно рассматривать в качестве основных показателей, позволяющих судить, с одной стороны, о совершенстве технологической системы, а с другой - о происходящих в ней принципиальных сдвигах.

Необходимо обеспечение достаточно высокого уровня всех составляющих этой триады, их сбалансированности на высоком техническом и приемлемом экономическом уровне. Недостаточное развитие хотя бы одной из трех составляющих не только не компенсируется развитием двух других, но и обесценивает всю их совокупность. Именно последовательность в реализации этого технико-экономического принципа, его приоритетность оказываются важнейшим обстоятельством, обусловившим эффективность НТП в Японии.

Закономерно возникает вопрос: нет ли какого-то одного показателя, который был бы пригоден, пусть в первом приближении, для оценки технологической системы на общенациональном или отраслевом уровне. Думается, что такой показатель может быть найден. Вспомним, что еще не так давно технологический уровень производства достаточно убедительно оценивали по его электровооруженности. Сегодня же его правомерно оценивать по уровню информатизации - компьютеровооруженности, программовооруженности, связевооруженности¹.

Мировой опыт наглядно свидетельствует, что информатизация представляет собой главное направление научно-технического прогресса. Она обеспечивает коренной переворот в использовании обществом всех практических технологий, зна-

чительно ускоряя их развитие и обновление. Отставание в этой области неизбежно вело бы к резкому снижению научно-технического потенциала и к нарастающему отставанию от мирового уровня при производстве продукции и услуг. Поэтому информатизация была возведена в Японии в ранг высшего научно-технического и производственного приоритета.

Показатель компьютеровооруженности для ее экономики в целом в 1995 г. оценивается в 1,6 млн. иен/чел. В обрабатывающей промышленности - он равен 0,8, а в сфере услуг - в 2,5 млн. иен/чел. За десять лет, начиная с 1985 г., компьютеровооруженность в экономике в целом возросла в 2,5 раза, в обрабатывающих отраслях - вдвое, в сфере услуг - в 2,7 раза. Аналогичные данные можно привести и для показателя программовооруженности. В 1995 г. для экономики в целом он прогнозировался на уровне 3,1 млн. иен/чел., в обрабатывающей промышленности - в 1,3, а в сфере услуг - в 5,3 млн. иен/чел. За период 1985-95 гг. программовооруженность японской экономики возросла в 3,2 раза. Видно, что программовооруженность увеличивается даже более высокими темпами, чем компьютеровооруженность².

Компьютеровооруженность, определяя уровень компьютеризации по распространению универсальных ЭВМ, характеризует ее отнюдь не полностью, не учитывая такой крупномасштабный процесс, как повсеместное и повседневное применение персональных компьютеров. Широкое развертывание их производства и массовое распространение у пользователя произошло в Японии в 1980-е годы. Уже в 1985 году объем выпуска персональных компьютеров достиг 2 млн. шт. Поступление их на внутренний рынок характеризуют следующие данные (с учетом прогноза на 1995-97 гг.)³:

Фин. год	Количество, тыс. шт.
1981	230
1985	1190
1990	2070
1991	1900
1992	1770
1993	2380

1993	2380
1994	2600
1995	2950
1996	3350
1997	3800

Было разработано свыше 100 различных моделей персональных компьютеров. Объем их внутреннего рынка только на период 1991-95 годов оценивался в 10 млн. штук (при экспорте около 2,5 млн. шт.).

Высок и показатель связевооруженности. В 1995 г. он прогнозировался на уровне 190 бит/сек/чел. (в 3,25 раза выше, чем в 1985 г.). В обрабатывающей промышленности и сфере услуг его значения на 1995 г., соответственно, 80 и 330 бит/сек/чел (в 3,5 и в 3 раза выше, чем в 1985 г.)⁴.

Конечный эффект, который произведет информатизация, универсален: это подъем на более высокий уровень вооруженности всех сфер практической деятельности. В системе технологий информатизация в первую очередь играет роль рычага, приводящего в действие наукоемкие технологии, сложность и точность которых может быть обеспечена лишь при сравнении с компьютерами и системами связи.

О том, как в 1980-90-е гг. изменялась наукоемкость в отраслях японской экономики свидетельствуют следующие цифры⁵:

Отрасль	1980/ 81 фин. г.	1990/ 91 фин. г.	1991/ 92 фин. г.	1992/ 93 фин. г.	1993 /94 фин. г.
Обрабатывающая промышленность	1,73	3,36	3,47	3,52	3,47
Общее машиностроение	1,90	2,99	3,14	3,1	3,34
Точное машиностроение	3,02	5,94	4,85	5,79	5,66
Транспортное машиностроение	2,34	3,65	3,32	3,45	3,15
В том числе автомобильное строение	2,38	3,73	3,33	3,54	3,19
Химическая					

В том числе фармацевтика	5,45	6,9	8,66	8,7	8,23
Электротехническая промышленность	3,71	5,86	6,31	6,17	6,04
В том числе радиоэлектроника	3,94	6,12	6,63	6,42	6,16
В целом по экономике	1,48	2,78	2,81	2,83	2,76

Приведенные показатели представляют собой отношение объема исследований и разработок за определенный финансовый год к чистой сумме продаж в этом же году. Хорошо видно, что наукоемкость всех производств на начало 90-х годов была существенно выше, чем десятилетием ранее. Правда, в 90-е годы тенденция ее непрерывного роста для большинства отраслей нарушилась, что особенно проявилось в 1993/94 фин.г. К этому, в частности, привело снижение затрат на исследования и разработки в промышленности в 1992/93 и 1993/94 фин.г., соответственно, до 9,56 и 9,05 трлн. иен, тогда как в 1991/92 фин.г. их объем составлял 9,74 трлн. иен⁶. Как отмечает японская печать, подобное произошло впервые за весь послевоенный период. И, видимо, связано с ухудшением экономической конъюнктуры.

Однако, если попытаться отыскать глубинные причины этого явления, то речь, скорее, должна идти о коррекции научно-исследовательской тематики промышленных фирм. Можно предположить, что приоритеты, связанные с информатизацией экономики и общества, в ближайшее время претерпят определенные изменения. В плане подготовки (пока организационной) к новой, более продвинутой тематике, естественно, часть работ свертывается. О какой же новой тематике может идти речь? Каким видится будущее научно-технического развития страны и ее новые технологические ориентиры?

Для ответа на этот вопрос обратимся к прогнозу УЭП, подготовленному группой специалистов из ведущих промышленных корпораций, университетов и исследовательских центров. В процессе работы над прогнозом анализировался и обобщался довольно большой материал:

- доклад МВТП "Направления и задачи развития промышленных технологий" (1988 г.);
- доклад Министерства торговли США "Перспективы развития новейших технологий" (1990 г.);
- доклад Министерства обороны США "Основные направления развития" и "Критические технологии" (1990 и 1991 гг.);
- прогноз японского УНТ на период до 2015 г. (1988 г.).

В результате был подготовлен относительно компактный перечень инновационных объектов, однако, весьма весомых, поскольку их значимость была сверена и оценена по достаточно авторитетным аналитическим материалам. В целом была выделена 101 инновация. (В некоторых изданиях одни инновации заменяются другими, в пределах 2-3, так что число 101 - это не строгий математический результат, а скорее цифра, специально выбранная для того, чтобы привлечь внимание читателя).

Предварим более подробное рассмотрение некоторыми примерами, чтобы сразу же составить представление о характере отбираемых экспертами инноваций. Это микроэлектронные компоненты, компьютеры, системы связи, базы данных, производственное оборудование, уникальные материалы и вещества, установки для охраны окружающей среды, энергетическая и транспортная техника, строительные сооружения, лекарственные препараты и др. Все отобранные экспертами инновации могут быть подразделены на четыре характерные группы, каждая из которых имеет свою целевую направленность и обеспечивает решение определенной группы практических задач⁷.

Более трети прогнозируемых инноваций по своей целевой направленности ориентировано на формирование принципиально новой элементной и системной базы для всего комплекса задействованных в обществе технологий. Конкретные области применения этих инноваций - информатика и электроника, новые материалы и вещества, биология и медицина. Если ограничить рассмотрение инноваций теми, которые, согласно прогнозу, будут коммерциализированы до 2010 г. при объеме рынка в Японии свыше 100 млрд. иен/год (в ценах 1991 г.), то таковыми являются: суперпараллельные ЭВМ, терабайтные оптические запоминающие устройства, терабитные оптические устройства связи, магнитные материалы, оптические интегральные схемы,

полупроводники со сверхрешеткой, нелинейные оптические стекла.

Также более трети прогнозируемых инноваций предполагает развитие инфраструктуры на существенно обновленных технических принципах. Имеется в виду значительное форсирование техники связи, транспорта, строительства, освоения космоса и Мирового океана. Если и в этой группе обратиться к инновациям с объемом рынка более 100 млрд. иен/год и со сроком реализации до 2010 года, то среди них окажутся: спутниковая система управления движением поездов, суда, управляемые искусственным интеллектом, многоместные пассажирские самолеты (на 1000 и более мест), транспортные сети грузопотоков под землей, катапульты с линейным двигателем для запуска спутников. До 2010 же года и с указанными выше объемами рынка должна быть реализована группа инноваций для радикального решения экологических проблем, защиты и восстановления окружающей среды. Это системы связывания углекислого газа с помощью катализаторов и различные системы его переработки.

Еще одна специфическая группа перспективных инноваций ориентирована на повышение функционального уровня производственных систем, в основном в части автоматизации конструирования и производства:

Изделия	Объем годовых продаж, млрд. иен/год
Станки с интеллектуальными системами ЧПУ	60
Роботы с искусственным интеллектом	50
Система параллелизации инженерных работ	30
Микророботы и микромашины	30
Автономные системы с распределенным управлением	10
Системы образного моделирования	10
Системы автоматизированного проектирования с искусственным	30

интеллектом

Универсальные обрабатывающие центры (механообработка, сварка, сборка) 30

Станки для сверхвысокоточной обработки 15

В этом перечне для полноты картины приведены и те компоненты производственного аппарата будущего, которые появятся позже 2010 г. Так, коммерциализация трех последних инноваций ожидается в 2020 г.

Таким образом, производственный аппарат претерпевает самые серьезные качественные изменения, не вполне отражаемые в ценовых параметрах (рынок инноваций менее 100 млрд. иен/год). Главное направление - интеграция всех работ (конструирования, изготовления продукции, управления ресурсами, взаимодействия с партнерами) в высокоавтоматизированную гибкую производственную систему. Так, будут созданы системы параллелизации инженерных работ, основанные на специальных базах данных, позволяющие согласованно выполнять их по самому широкому фронту, что резко сократит время, необходимое для создания новых изделий. Большую помощь окажут проектировщикам такие новинки в области обслуживания инженерного творчества, как системы образного моделирования. Они будут не только автоматически создавать наглядный образ проектируемого изделия, но также моделировать порядок изготовления и сборки его деталей, производить важнейшие стоимостные оценки.

Расширение области машинного проектирования происходит постепенно, за человеком остается все же наиболее существенная часть работ. Однако она будет непрерывно уменьшаться, хотя и не до нуля. ЭВМ станет интеллектуальным ассистентом проектировщика, что резко увеличит скорость и точность конструкторских работ. Сроки разработок новых товаров сократятся во много раз, а автоматизированное производство, которое дополнительно многократно ускорит изготовление изделия, обеспечит объединение в единый автоматизированный комплекс проектирование и изготовление таких изделий, для которых в ка-

честве исходных данных имеются лишь общая идея и некоторые частные параметры. Таковы, в конечном счете, возможности искусственного интеллекта, работающего в ансамбле с весьма небольшой группой работников.

Думается, что подобного рода перемены в производственном аппарате (в первую очередь в промышленности) - серьезнейший вклад в предстоящие трансформационные процессы в экономике и, что очевидно, в содержании труда. Поэтому, говоря о производственном аппарате будущего, следует особо отметить значительное развитие интеллектуальных функций средств проектирования и практического изготовления продукции. Важнейшую роль приобретет выпуск продукции по индивидуальным заказам и уникальных технических объектов, причем без удорожания производства или удлинения его сроков. Это станет одним из главных направлений кибернетизации общества, основу которого составят новые поколения ЭВМ, широкая распространенность малых компьютеров и всеобщая доступность средств связи любого класса, включая космическую. Таким образом, можно с достаточным основанием говорить о переходе японского общества от информационного к кибернетическому.

Не менее радикальными будут сдвиги в таких отраслях инфраструктуры, как связь и транспорт. Причем, как уже отмечалось, в области связи все предвидимые сегодня радикальные инновации должны быть коммерциализированы еще до 2000 года. Можно, таким образом, говорить о крупном прорыве в этой области в связи с прогрессом микроэлектроники, интеграцией систем связи с компьютерами и активным применением спутниковой техники передачи информации. Возможно, новые идеи в области связи возникнут как только начнут широко распространяться системы автоматического перевода - устного и письменного (к 2020 г. ожидается появление таких систем для широкого пользователя).

Сейчас, наверное, это еще трудно оценить, но исчезновение на планете языкового барьера станет крупнейшим событием общецивилизационных масштабов. Говоря и излагая свои мысли письменно на своих языках, все люди, тем не менее, будут понимать друг друга, причем в реальном времени. Сама возможность мгновенного перевода будет достигнута благодаря про-

грессу в компьютерной технике, но открывшиеся тем самым возможности глобального общения во всех сферах жизнедеятельности, несомненно, дадут своеобразный импульс и дальнейшему прогрессу связи.

В сфере транспорта особо масштабные сдвиги связаны с дальнейшим использованием связи через космос, выходу на новые технические рубежи (в том числе и в плане экономичности) больших транспортных самолетов, судов нового типа и др.

Особого внимания заслуживает открывающаяся в уже недалекой перспективе энергичная борьба с углекислым газом - связывание его катализаторами (с получением в итоге метана, этилового спирта и др.) или другие виды переработки (абсорбции, сжижения, сжатия до 300 атм), обеспечивающие его захоронение в недрах Земли или на больших морских глубинах.

Особого рода информацию о будущем науки и техники содержат прогнозы УНТ. В них эксперты анализируют и оценивают темы фундаментальных и прикладных исследований, а также сугубо практические разработки. Каждый объект экспертизы характеризуется по множеству параметров, главные среди них - актуальность, способы практического осуществления, сроки реализации. С 1971 г. вышло пять подобных прогнозов, в последнем (1992 г.) впервые сформирован раздел, представляющий тематику исследований и разработок (ИР), реализация которых обеспечила бы существенное повышение уровня интеллектуализации практической деятельности во всех ее сферах.

Перечень тем ИР, предлагаемый экспертам для анализа, естественно, отражает в первую очередь объективные потребности японского общества, стоящие перед ним проблемы. Так, особое внимание уделяется экологической тематике ИР, вопросам ресурсосбережения, альтернативным источникам энергии, морскому промыслу, исследованиям Мирового океана, сейсмологии и другим направлениям, актуальным для Японии, как островной страны, расположенной в зоне повышенной сейсмической активности и лишенной традиционных энергоносителей и практически всех сырьевых ресурсов. Конечно, свою роль в выборе тематики ИР для экспертного анализа играет и вся предыстория научного, технического, промышленного, да и в целом экономического развития, в первую очередь, его селективный

характер, ориентация на определенные приоритеты. Поэтому некоторым направлениям, например, в области космических технологий, придается меньшее значение, чем, например, информатике.

Вместе с тем, обращает на себя внимание тематика ИР, связанная с науками о жизни. Например, материалы четвертого прогноза УНТ (до 2015 г.) отчетливо показывают, что, по мнению экспертов, она является самой актуальной сферой исследований. Действительно, из 33 тем, которые более 80% экспертов охарактеризовали как наиболее важные, 16 относятся к сфере живой материи⁸. Такой же вывод напрашивается и из следующего, пятого прогноза УНТ. Так, из 1149 тем в группе из 12 самых актуальных, 8 относятся к медико-биологической и экологической проблематике⁹. Таким образом, технологии, связанные с живой материей, уже к 2020 г. должны занять важную нишу в сфере жизнедеятельности и заметно повлиять на общий строй технологий.

В пятом прогнозе УНТ были отдельно сформулированы темы, работы над которыми обеспечивают производству качественно новый, существенно более высокий уровень интеллектуализации. Приведем наиболее важную часть этой тематики, исходя из того, что к разряду особо актуальной каждая из тем была отнесена более чем половиной обсуждавших ее экспертов. Вначале в качестве подзаголовка дается наименование тематического раздела, после чего идет перечисление тем, что дает наглядное представление о том, над чем работают японские ученые и с чем страна пойдет в XXI век¹⁰

Информация и электроника:

- создание высокоразвитых средств системотехники и разработка систем автоматизированного проектирования интегральных схем;
- введение в организм человека приборов для диагностики и лечения заболеваний, а также контроля за состоянием здоровья;
- быстрая и безошибочная разработка больших массивов программного обеспечения;
- создание автономных микроустройств для перемещения по кровеносным сосудам;

- выяснение механизмов запоминания, понимания и обучения и их использование при создании новых компьютеров;

- создание роботов, обеспечивающих уход за больными.

Город и строительство:

- обеспечение прогресса в области рационализации и безопасности сложных видов строительных объектов (туннелей, гидросооружений и др.) путем применения роботов и специальных строительных машин;

- создание датчиков, регистрирующих ранние признаки предстоящих стихийных бедствий, и использование их в системах оповещения и спасения;

- создание интеллектуальных роботов для быстрого и безопасного выполнения строительных работ;

- развитие техники составления местных метеорологических прогнозов, использующих спутниковые и наземные средства, и обеспечение на этой основе эффективной работы систем контроля, прогнозирования, предупреждения и эвакуации;

- разработка специальных систем передачи прогнозов и информации для населения больших городов с учетом законов социальной психологии и особенностей поведения в экстремальных условиях, помогающих избежать паники при землетрясениях, пожарах и т.д.;

- широкое распространение жилых домов, оборудованных роботами и другой автоматической техникой для обслуживания проживающих;

- реализация в общенациональных масштабах локальных информационных сетей, дающих возможность предупреждать о предстоящих землетрясениях.

Транспорт:

- распространение систем управления дорожным движением, позволяющих оптимизировать транспортные потоки с учетом характера транспортных средств, а также скорости и плотности их движения;

- распространение в глобальных масштабах систем, обеспечивающих метеорологические прогнозы на 10 дней вперед;

- реализация спутниковых систем контроля воздушного движения в глобальных масштабах;

- распространение систем управления движением на регулярных маршрутах (включая взлет и посадку) с использованием средств искусственного интеллекта, что значительно повысит безопасность полетов;

- разработка системы управления воздушным движением, основанной на четырехмерном контроле (три координаты самолета и время) и позволяющей значительно увеличить плотность движения с одновременным повышением его безопасности.

Сельское, лесное и рыбное хозяйство:

- разработка методов моделирования процесса воспроизводства морских организмов в прибрежной зоне и открытом море и оценка на их основе возможных масштабов рыбного промысла в различных морских зонах;

- разработка методов предотвращения ущерба от заморозков, основанных на высокоточных средне- и долгосрочных прогнозах погоды.

Земля и Мировой океан:

- создание методов среднесрочного метеорологического прогнозирования (на 7-10 дней вперед) для небольших участков земной поверхности (порядка 100 кв. км);

- разработка методов общего метеопрогнозирования на срок от 1 до 6 месяцев;

- создание более эффективных приборов и систем для зондирования поверхности Земли со спутников, существенное повышение точности прогнозирования ливней и ураганов (за счет усовершенствования аналитических методов и радиолокационной техники), высокоточное прогнозирование оползней от проливных дождей;

- более точные методы прогнозирования процессов в земной коре и Мировом океане: а) морских течений вокруг Японских островов, б) изменений параметров мирового океана, в) извержений вулканов и последствий вулканической деятельности, г) изменений температуры воды (для повышения эффективности морского промысла), д) сильных землетрясений.

Науки о жизни:

- выяснение механизма самоорганизации в нервной системе; проецирование результатов этих ИР в техносфере: разработка нейрокомпьютера, в рабочем процессе которого реализуются

высшие функции головного мозга; углубление анализа белковых структур - определение их параметров при получении белков из аминокислот и функциональных характеристик белков по параметрам их структуры.

Минеральные и водные ресурсы:

- создание комплексной системы, обеспечивающей прогнозирование ливневых дождей и управление дамбами для исключения опасных затоплений;
- разработка безлюдных методов разработки полезных ископаемых с помощью роботов;
- разработка высокоточных методов оценки влияния на окружающую среду микродоз различных химических веществ;
- значительное снижение числа человеческих жертв благодаря усовершенствованию методов прогнозирования горных обвалов, оползней и др.

Социальные условия:

- создание систем безопасности для спасения находящихся в высотных зданиях при землетрясениях, пожарах и др.;
- создание многоцелевых роботов для ухода за лежачими больными и немощными (гигиеническая уборка, купание и др.) под контролем оператора;
- широкое применение методов и техники прогнозирования стихийных бедствий.

Космос:

- создание роботов, обладающих высоким уровнем искусственного интеллекта и снабженных рукой с большим числом степеней свободы, для выполнения сложных работ в космосе;
- разработка космического робота, способного производить самодиагностику и собственный ремонт.

Производство:

- разработка систем автоматизации производства (офисов и заводов) на базе компьютеров, в значительной степени обладающих функциями мозга живых организмов;
- создание карманного аппарата для автоматического звукового перевода, позволяющего вести разговор с иностранным собеседником.

Окружающая среда:

- возможность точного прогнозирования подъема вод Мирового океана вследствие потепления климата Земли.

Связь:

- разработка устройства для автоматического, в режиме реального времени, перевода телефонного разговора между говорящими на английском и японском языках.

Почти все эти проблемы, по оценкам экспертов, должны быть решены в период 2000-2010 гг. Если попытаться представить себе реальные изменения в жизни японского общества, которые в результате произойдут сразу во многих сферах, то станет ясно, что речь, по существу, идет о переходе страны на новый цивилизационный уровень. Причем одновременно формируются и качественно новая среда жизнедеятельности, и человек с новыми психологическими и мировоззренческими установками. Подчеркнем, что речь идет не о рядовых социальных последствиях НТП, а о крупномасштабном явлении глобального значения - кибернетизации и интеллектуализации общества, которое и сегодня относится к числу наиболее развитых. Созданный в конце нынешнего столетия высокий потенциал научного, технического и производственного развития общества закономерно обеспечивает ему и высокие стандарты жизни на старте ХХ1 столетия.

Позиции Японии в мировом технологическом пространстве изменяются чрезвычайно быстро. К середине 80-х годов она вышла на второе после США место по показателю научно-технической мощи. К концу 80-х годов базовые технологии, лежащие в основе процесса воспроизводства общества, были соединены с информационными; сформировалась качественно новая технологическая структура как в экономической, так и в социальной сфере.

Главные цели, на которые ориентированы японские ИР среднесрочной перспективы (к 2010-2020 гг.) - это технические средства искусственного интеллекта. Таким образом, формируется новая фаза технологического развития: переход от этапа автоматизации и информатизации к этапу автоинтеллектуализации, или кибернетизации.

В 80-е годы в Японии значительно актуализировались технологии, реализуемые на основе наук о жизни. По-видимому, с ними будут связаны исторические сдвиги общецивилизационного

плана (избавление от опасных болезней, активное долголетие, форсирование способностей и др.).

Как представляется, современная Япония располагает научно-техническим потенциалом, позволяющим ей проводить достаточно универсальную технологическую политику, заметно отойти от принципов селективной стратегии. Можно отметить тенденции к ее неперемемному присутствию в разработке всех значительных объектов современного мирового технологического пространства с выходом на передовые рубежи в области технологий, на основе которых формируются ключевые инновации.

Обращает на себя внимание и быстрота, с которой в стране практически во всех сферах деятельности осваиваются новые научные принципы и технологии, особенно в промышленности. Изделия с маркой "Сделано в Японии" сформировали, без преувеличения, новую экономическую эпоху, они оказали серьезное влияние на образ жизни сотен миллионов людей во всем мире: транзисторная, а затем микрорелектронная продукция (радио, аудио-, видеотехника, средства связи), калькуляторы и персональные компьютеры, изделия с солнечными источниками питания, новинки электротехнической и химической продукции и т.д. И хотя базовые технические концепции разрабатывались в большинстве случаев за рубежом, японские специалисты намного раньше зарубежных находили способы их приемлемой экономической реализации в товарной продукции, пригодной для бытового и профессионального применения.

Общесцивилизационный характер этих результатов проявляется не только в повсеместном географическом распространении японской высокотехнологичной продукции, но и в ее огромном влиянии на мировую материальную культуру, на быт людей, на содержание и методы их профессиональной деятельности. Особенно большое значение имеет влияние, которое было оказано на развивающиеся страны. Благодаря дешевой, надежной и простой в пользовании японской радиорелектронной продукции, они смогли включиться в глобальный процесс информатизации, а их многочисленное население быстро приобщается к современному образу жизни.

Данные о процессах, происходящих в Японии в системе наука-техника-экономика, являются убедительным свидетельством

формирования качественно новой технологической структуры процесса воспроизводства общества, практической реализации технических основ концепции устойчивого развития и экономической безопасности. Всестороннее изучение этого феномена, безусловно, должно стать предметом особого внимания исследователей Японии, чтобы прояснить связи и взаимообусловленность между всеми факторами в социальной и экономической сферах, способствующими эффективному и последовательному движению страны по пути современной цивилизации.

¹Компьютеровооруженность - стоимость используемых универсальных ЭВМ в расчете на одного занятого (в экономике в целом, в стране, в компании и т.д.). Программовооруженность подсчитывается аналогично, но по стоимости программ, используемых в последние 5 лет. Связевооруженность - количество информации, передаваемой в секунду, в расчете на одного занятого. Эти параметры введены в практический оборот Японским центром обработки и передачи информации (JIPDEC).

²Дзёхока хакусё 1994 (Белая книга по информатизации за 1994 г.). Токио, 1994, с. 345.

³Informatization White Paper 1995. Токио, 1995, с. 41.

⁴Дзёхока хакусё 1994. Токио, 1994, с. 346.

⁵Гакудзюцу гэппо, 1994, № 3, с. 58; Кагаку гидзюцу ёран (Ежегодник по науке и технике). Токио, 1995, с. 64.

⁶Кагаку гидзюцу ёран. Токио, 1995, с. 54-55.

⁷2010-нэн гидзюцу ёсоку (Прогноз техники и технологии 2010 года). Токио, 1993, с. 63-64.

⁸Future Technology in Japan. The Fourth Technology Forecast Survey of STA. Токио, 1988, с. 249-250.

⁹2020 нэн-но кагаку гидзюцу (Наука и техника 2020 г.). Токио, с. 31-32.

¹⁰Там же, с. 48-7.

Ю.М.Червко

ЯПОНСКАЯ ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ РАЗВИТИЮ: УРОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Вот уже более 40 лет Япония предоставляет экономическую помощь развивающимся странам. Ее осуществление ведет отсчет (выплаты репараций и безвозмездной помощи государствам Азии которая длилась до 1977 года. После присоединения Японии к "плану Коломбо" (1954 г.) началось предоставление правительственной помощи. До середины 60-х годов она оказывалась главным образом странам Южной Азии, а затем АСЕАН, Южной Корее и другим. Постепенно масштабы помощи возрастали и в ее орбиту были включены Ближний Восток и Африка. Совершенно очевидно, что стимулы оказания помощи менялись. Так, в 60-е годы главным был форсирование экспорта и зарубежных инвестиций, в 70-е - после нефтяного кризиса - обеспечение сырьевых ресурсов. С начала 80-х годов помощь предоставляется не только ради экономической выгоды, но и обеспечения безопасности.

Экономическая помощь Японии складывается из трех компонентов: официальной (правительственной) помощи развитию (ОПР) других правительственных и частных средств. В данной работе рассматривается лишь первый компонент.

В течение длительного времени в стране не было ясного определения "помощи". Многие японские ученые выступали за принятие "закона о помощи" с четкими дефинициями этого понятия. Лишь в 1978 г. впервые было зафиксировано, "что экономическое сотрудничество ... является не только международным долгом, но и имеет особое значение в сфере международных связей. Только в условиях мира и глобальной стабилизации Япония сможет обеспечить свое существование и процветание. ... Взаимозависимость нашей страны (развивающимися странами очень сильна. Поддержание дружественных отношений с ними чрезвычайно важно для нашего экономического развития"¹.

В 1980 г. научно-исследовательский комитет по экономическому сотрудничеству выделил в понятии "правительственная помощь" гуманитарные и моральные аспекты и взаимозависимости

стран. Затем МИД Японии в докладе "Философия экономического сотрудничества" подтвердил значимость этих аспектов². На основе вышеприведенного определения были поставлены конкретные цели помощи - повысить жизненный уровень стран-партнеров, форсировать их экономическое и социальное развитие, а также расширять отношения с ними, содействуя развитию мировой экономики и достижению стабильности в мировом сообществе.

Официальная помощь развитию предоставляется по просьбе правительств развивающихся стран в соответствии с их нуждами. Правительство Японии оказывает ее на более льготных условиях, чем при предоставлении двух других видов помощи. ОПР оказывается на двусторонней и многосторонней основе. Первая состоит из даров (безвозмездная и техническая помощь) и прямых кредитов.

Постепенно формы безвозмездной помощи становятся все более многообразными, и в настоящее время существуют следующие: 1) помощь общего типа; 2) связанная с морским промыслом; 3) в области культуры; 4) неотложная в связи со стихийными бедствиями; 5) продовольственная и 6) содействие увеличению производства продовольствия³.

Безвозмездная помощь общего типа предоставляется на развитие сельского хозяйства, медицинское обслуживание, страхование, подготовку кадров, а также на погашение займов. Помощь на увеличение производства продовольствия осуществляется в виде предоставления финансовых средств на закупку удобрений, ядохимикатов, пестицидов и сельскохозяйственных машин. Техническое сотрудничество включает прием стажеров, направление технических специалистов и экспертов, отрядов молодежи по линии Японского молодежного корпуса зарубежного сотрудничества, посылку различных материалов. Оказание безвозмездной помощи и технического сотрудничества - компетенция японского МИДа, в котором есть департамент по экономическому сотрудничеству с соответствующими подотделами. Практически ее реализует Агентство международного сотрудничества Японии (АМСЯ).

Прямые правительственные кредиты включают средства для подготовки проектов и на закупку товаров, а также неотложную помощь для погашения займов. Они предоставляются через Фонд экономического сотрудничества с зарубежными странами (ФЭСЗС) и

Экспортно-импортный банк (ЭИБ) Японии непосредственно правительствам или правительственным органам заинтересованных стран. Это в основном иеновые кредиты (компенсационная помощь). Вопросы об их предоставлении решаются при участии МИДа, министерств финансов, внешней торговли и промышленности, Управления экономического планирования и ряда других организаций. После согласования министерствами условий предоставления помощи их утверждает совет министров. Конкретные материалы для принятия решений по оказанию помощи готовят посольства и консульства Японии за рубежом, а также группы экспертов и представители АМСЯ на местах. Большую роль в этом играют консультационные и торговые компании. Они вступают в контакты с местными деловыми кругами, представляя интересы японского правительства.

С 1977 г. ОПР осуществлялась в соответствии с правительственными планами. Размеры ее постоянно возрастали.

Таблица 1.

Японская официальная помощь развитию

Годы	Млн. долл.	Доля ОПР в ВНП (%)
1965	243	0,27
1970	458	0,23
1975	1148	0,24
1980	3353	0,32
1987	7342	0,31
1988	9134	0,32
1989	8965	0,31
1990	9222	0,31
1991	11034	0,32
1992	11332	0,31
1993	11474	0,27

Источник: Кэйдзай кёрёку-но гэндзё то мондайтэн (Современное состояние и проблемы международного сотрудничества), 1994, часть общая, с. 21.

Согласно пятому плану (на 1993-1997 гг.) предполагается довести эту помощь до 70-75 млрд. долл. Одновременно предусмат-

ривается увеличение доли ОПР в ВНП, а в рубрике даров - рост удельного веса безвозмездной помощи.

Увеличение японской ОПР происходило в значительной степени под давлением США. Они постоянно требовали расширения ее вклада в помощь, предоставляемую развитыми странами. С июля 1989 г. Япония заняла первое место в мире по размерам ОПР, обойдя США. Она прочно удерживает это место вплоть до настоящего времени. В 1993 г. японская официальная помощь развитию составила 11 млрд. 474 млрд. долл. Она выросла более, чем в 47 раз по сравнению с 1965 г.⁴. В 1993 г. она предоставлялась 150 странам, в том числе в 28 из них Япония являлась основным донором⁵.

Приоритетными в оказании официальной помощи являются страны Азии. Это объясняется тем, что исторически, географически, политически и экономически этот регион тесно связан с Японией. В экономическом плане он - главное место приложения капитала и основной торговый партнер. Страны Восточной Азии, особенно входящие в АСЕАН, представляют собой один из наиболее динамично развивающихся районов мира, и для мировой экономики в целом очень важно содействовать его экономическому развитию и оказывать помощь населению. В настоящее время на Азию приходится около 2/3 ОПР, при этом основная доля направляется в Китай, Индонезию, Филиппины и Таиланд⁶.

После окончания холодной войны географические рамки японской ОПР существенно расширились за счет включения в нее пяти центральноазиатских бывших республик Советского Союза. Они внесены Комитетом содействия развитию (КСР) в список новых развивающихся стран. Объектами помощи становятся также Россия и страны Восточной Европы.

Кроме того расширяются и сферы приложения японской ОПР. Теперь она включает окружающую среду, народонаселение, проблемы СПИДа и наркомании. (В 1994 г. в Иокогаме состоялось десятое международное совещание по СПИДу, а в Египте в Каире - совещание по вопросу народонаселения, в которых участвовала Япония). В результате ОПР растет, возрастает качественный уровень предоставляемой помощи. Она оказывается также в области компьютеризации и создания новых материалов, развития высоко-

технологичных отраслей, управления и контроля за качеством продукции. Таким образом не только возрастают масштабы предоставляемой помощи, но она приобретает новые и более сложные формы. Тем не менее правительственная политика в области оказания ОПР не раз подвергалась резкой критике внутри страны и за рубежом. Объектами ее были: величина вкладов в мировое сообщество, низкий удельный вес ОПР в ВВП, низкая доля даров, степень развязанности кредитов.

У Японии центральное место в помощи странам Азии занимают, как уже говорилось, иеновые кредиты, предназначенные для крупномасштабных проектов, но даются они под высокий процент и до 80-х годов половина из них была связанными. Лишь затем их доля снизилась до 30%⁷. Кроме того, иногда помощь использовалась не по назначению. Так, на Филиппинах (при президенте Маркосе) правящие круги присваивали значительные суммы из иеновых кредитов⁸. Критике подвергалась и организация помощи из-за отсутствия единого координирующего органа, как в других развитых странах.

В Японии не только простые граждане, но и средства массовой информации имели весьма слабое представление о правительственной политике оказания помощи, что, естественно, вызывало многочисленные нарекания. Более того, ученые и специалисты затуманивали эту проблему, используя малопонятную терминологию. Критиковали ОПР и за ее крен в экономику, а не в сторону социальной защищенности населения. В этом же русле шла и критика за рубежом. Многие считают, что роль ОПР сводится лишь к созданию политических и экономических условий для проникновения японского частного капитала, что помощь оказывается в коммерческих целях ради интересов части политических деятелей и предпринимателей и мало что дает странам, ее получающим⁹.

Касаясь помощи, направленной на увеличение производства продовольствия в развивающихся странах, автор книги "Реальное состояние ОПР" Кадзуо Суми, например, отмечал, что "Фактически эта помощь играет роль проталкивания экспорта для компаний, производящих удобрения, ядохимикаты и сельскохозяйственную технику. При этом не указывается, какие ядохимикаты и пестициды экспортируются, и не сообщается ни о каких обследованиях по

поводу их влияния на окружающую среду стран, принимающих помощь¹⁰.

Больше всего нареканий вызывает разрушение окружающей среды. Наиболее остро эта проблема стоит в Индии, Бразилии, на Филиппинах и в Таиланде. Например, если осуществится проект строительства в Бразилии 136 плотин для гидроэлектростанций к 2010 г., под водой окажется 25994 кв. км тропических лесов и 50 тыс. человек будут принудительно переселены, что скажется на жизни индейцев в этом районе.

Другим примером разрушения среды является освоение района Караджас также в Бразилии. Широкомасштабный план развития под названием "Программа Большого Караджаса" предусматривает разработку железной руды и неметаллического сырья, строительство дорог и портов, лесоразработку, развитие сельского хозяйства и животноводства, строительство ГЭС. На выполнение этого плана ЭИБ Японии и Банк Токио решили предоставить 500 млн. долларов. Однако, поскольку отсутствует глубокая проработка этого проекта, то помощь зачастую приводит к негативным результатам. В данном конкретном случае земли из-под сведенных тропических лесов оказались малопригодными для сельского хозяйства и переселенцы через 2-3 года оставляют их. Таким образом, получается, что тропические леса на огромных площадях пропадают напрасно. Полное осуществление плана Караджаса приведет к разрушению 40 индейских поселений, где проживает 13 тысяч человек, и к обострению противоречий между переселенцами и индейцами¹¹.

Японские официальные лица заявляют, что защита окружающей среды - проблема стран, принимающих помощь. Однако есть много примеров, когда ущерб наносился из-за недостаточной проработки проектов именно японской стороной. Так, при строительстве плотины Суринакарин на реке Квай в Таиланде местная электротехническая компания EGAT поручила японскому НИИ оценить влияние этого строительства на окружающую среду. Однако не были учтены его последствия для Саракупура - заповедника дикорастущих растений.

Другим примером игнорирования влияния на окружающую среду явилось планируемое строительство электростанций в верхнем течении реки Квай. В этом случае в заповеднике Яй Наресуан,

являющемся одним из немногих мест в Таиланде, где сохранилось много диких животных и богатейшая коллекция дикорастущих растений, а также стоянки древнего человека, часть его территории оказалась бы под водой. Но в докладе, составленном АМСЯ ни слова не было сказано о влиянии строительства плотины на этот заповедник¹². Однако в результате протестов со стороны местного населения и международных организаций по охране среды из Европы и Америки, строительство этой плотины, финансируемое Японией и Всемирным банком, было приостановлено.

Очень много споров вокруг японской ОПР вызвал вопрос о строительстве на Филиппинах второй очереди тепловой электростанции Карака, работающей на угле. Дело в том, что первая очередь привела к загрязнению атмосферы серой. Однако филиппинская электротехническая компания NPC отказалась строить очистительные сооружения для удаления серы, ибо это удорожало проект на 30%¹³.

МИД Японии не раз заявлял, что принцип японской ОПР заключается в удовлетворении запросов, а забота об окружающей среде в конечном счете является долгом страны, принимающей помощь. Однако определенные выводы были сделаны: впредь при строительстве в Азии тепловых электростанций, работающих на угле (на средства ОПР и ЭИБ Японии), необходимо учитывать проблему сохранения окружающей среды, для чего важно использование более совершенной технологии. В связи с этим в последнее десятилетие при оказании ОПР и наметилась новая тенденция - забота об окружающей среде. С конца 80-х годов Япония в публичных заявлениях стала подчеркивать важность этой проблемы и свое желание поддерживать усилия развивающихся стран в этом направлении. Так, в выступлении на совместном совещании глав государств в 1989 г. тогдашний премьер-министр Японии Кайфу Тосики заявил, что его правительство в 1989-1991 гг. увеличит ОПР, предназначенную для защиты среды, до 300 млн. долл.¹⁴. И действительно, в течение этого периода на защиту окружающей среды (тропических лесов, на приостановку загрязнения атмосферы) было предоставлено 400 млрд. иен; в 1990 фин.г. - 12,4%, а в 1991 фин.г. - 7,2% всей ОПР¹⁵.

В отличие от США и Канады в Японии долгое время не было специальной службы, занимающейся проблемами среды при оказа-

нии ОПР. Однако по рекомендации Организации экономического сотрудничества и развития в июне 1988 г. АМСЯ создало соответствующий комитет. Японский Фонд экономического сотрудничества с зарубежными странами в октябре 1989 г. высказал свою точку зрения по поводу защиты окружающей среды при предоставлении иенных займов на реализацию проектов¹⁶. Однако конкретные мероприятия в этой области возлагались на принимающую сторону. В японских органах, занимающихся ОПР, было увеличено число специалистов по этой проблеме, однако оно очень уступало количеству таких специалистов в других странах. В июне 1992 г. правительство поддержало точку зрения АМСЯ¹⁷.

На совещании ООН по вопросам окружающей среды (июль 1992 г., Рио-де-Жанейро), на котором присутствовали представители 180 стран, была признана необходимость соблюдать баланс экономического развития и охраны окружающей среды. Японская делегация объявила о правительственном плане увеличения ОПР на защиту окружающей среды до 700 млн. долл. в течение 4-5 лет, начиная с 1992 фин.г.¹⁸. Затем, в 1993 г. во время поездки в ЮВА бывший в то время премьер-министр К.Миядзава объявил о намерении правительства резко увеличить ОПР в этой сфере странам АСЕАН. Всего один пример. При строительстве одной из плотин в Индонезии были приняты меры (в частности, снижена высота плотины на 15 м) для сохранения памятников буддизма и защиты флоры и фауны (31 слон был переселен в заповедник).

Частные организации Японии не остались в стороне от решения этой проблемы. В 1990 г. они предложили заем и помощь для охраны окружающей среды при осуществлении проекта постройки плотины Сардар Сардовар в Индии после того, как местные жители выступили с протестами против ее строительства. В январе 1993 г. за счет японской безвозмездной помощи в Индонезии (на о. Ява) был создан Центр по охране среды, работа которого рассчитана на 5 лет, поскольку с развитием промышленности здесь произошло загрязнение рек и подземных вод вредными веществами и тяжелыми металлами. Аналогичные Центры созданы также в Таиланде и Китае. В Китае тоже планируется организовать Центры китайско-японской дружбы по охране окружающей среды в 13 местах.

Объектами сотрудничества Японии в области защиты окружающей среды является улучшение среды обитания, проведение водопровода, переработка отходов, защита лесов, борьба с загрязнением атмосферы и водоемов. Самые последние данные свидетельствуют о том, что около 27% японской ОПР, предоставляемой на многосторонней основе, направляется на эти цели¹⁹. В рамках ОПР Япония сотрудничает в этой сфере также с Малайзией и Южной Америкой.

Ярким примером этой новой тенденции в осуществлении официальной помощи развитию является сотрудничество Японии с Таиландом. С 1989 г. японские займы этой стране предоставлялись главным образом на инфраструктуру, развитию которой правительство Таиланда отдавало приоритет, хотя вопросам охраны среды не уделялось должного внимания. В результате в 90-е годы здесь возникла угроза загрязнения окружающей среды. Это заставило правительство проявить больше интереса к этой проблеме. Был создан новый орган при премьер-министре - Департамент планирования и реализации политики по защите окружающей среды.

Япония начала предоставлять помощь на эти цели Таиланду в начале 80-х годов через Агентство международного сотрудничества Японии. Премьер-министр Таиланда обратился за технологической помощью также и к Федерации экономических организаций Японии (Кэйданрэн). Важным компонентом программы по защите окружающей среды являлась японская помощь по восстановлению здесь лесов. В 1981 г., например, была создана эвкалиптовая плантация на северо-востоке страны с тем, чтобы содействовать исследованиям и подготовке специалистов по заготовке древесины и ее транспортировке. В 1989 г. правительство Таиланда добилось японской помощи на восстановление лесов в северной части страны в течение последующих 5 лет. Однако при этом не всегда учитываются, как уже отмечалось, интересы местного населения. В 1989 г. Япония предоставила Таиланду безвозмездную помощь для создания Института по исследованию среды и направила затем экспертов для изучения загрязнения воды в бангкокских каналах.

В 1993 фин.г. правительство Японии по просьбе правительства Таиланда оказало ему финансовую помощь на создание сооружений по улавливанию сернистого газа на самой крупной тепловой

электростанции Мэмо. На предоставленную компенсируемую помощь в 1993 фин.г. было установлено оборудование по удалению вредных газов, выбрасываемых в атмосферу тепловыми станциями в 14 местах²⁰. Полагают, что поставленное оборудование сыграет эффективную роль в борьбе с кислотными дождями, которые становятся причиной гибели лесов, не говоря уже о загрязнении атмосферы.

В настоящее время Таиланд находится в стадии перехода в число стран с высоким средним доходом, поэтому Япония в марте 1993 г. объявила, что не будет больше оказывать Таиланду безвозмездную помощь, но будет участвовать в предоставлении ее на защиту окружающей среды на многосторонней основе через международные организации.

Несмотря на отдельные негативные моменты японская ОПР приносит значительную пользу населению развивающихся стран. Убедительным примером является строительство в 1979 г. скоростной дороги в южной части Таиланда (протяженностью 300 км). Она была построена на иеновые кредиты. Появление этой дороги благоприятно сказалось на жизни населения окружающих районов. Повысился жизненный уровень людей; выросло производство сельскохозяйственной продукции, она свободно доставляется из деревень в большие города; увеличилось число школ и студентов, заочно обучающихся в университете, возросла занятость на построенных здесь заводах, сократилась безработица. Конечно, появились некоторые проблемы, связанные с загрязнением здесь среды, однако почти все жители заявляют, что жизнь стала легче благодаря этой дороге.

В Бангкоке в 1989 г. на японскую безвозмездную помощь в размере 6 млрд. 385 млн. иен был построен общественно-образовательный культурный центр. В начале местная пресса критиковала его деятельность ввиду дороговизны проводящихся там мероприятий, таких как выступления оркестров и балетных трупп из Европы, которые могли посещать только богатые люди. Однако спустя пять лет, благодаря развитию таиландской экономики и увеличению доходов населения, Центр превратился в место, посещаемое многими жителями столицы. Здесь устраиваются выставки, совещания, зрелищные мероприятия. Помещения в нем нужно

заказывать заранее. Он всегда полон народа. Вокруг Центра, расположенного на окраине города, выросло много магазинов.

Сооружение четырех плотин на Филиппинах также за счет безвозмездной помощи было скорректировано с местным государственным планом сокращения бедных хозяйств с 63,7% до 48,1%. Работы были закончены в 1991 г. Однако извержение вулкана нанесло огромный вред ирригационной системе. По просьбе Филиппин японская сторона провела восстановительные работы.

При строительстве в центре Суматры в районе Риау гидроэлектростанции и плотины высотой 58 м уже были учтены интересы местного населения. Должно было быть затоплено 10 деревень и 17 тыс. жителей переселено до сентября 1995 г. В начале 1994 г. уже было освобождено 7 деревень, а жителям выделены пособия. Кроме того, в течение года они бесплатно получали рис и другие жизненно важные товары. Цены на землю определялись специальным правительственным комитетом вместе с самими переселяющимися. Каждой семье выделялось поле и на каждого человека предоставлялось 2 га каучуковых плантаций. На второй и третий год, чтобы поддержать урожай на распределенных полях, переселенцам раздавались удобрения. На новых местах строятся школы, здравпункты и культурно-бытовые учреждения.

Еще одной новой тенденцией в японской ОПР является предоставление безвозмездной помощи и иенных кредитов на подготовку кадров. В частности, она была выделена королевскому инженерно-техническому университету Монкут в Таиланде. В 1984-1986 фин.гг. было ассигновано 3 млрд. 690 млн. иен на создание лабораторий, учебных аудиторий, центра информационного обслуживания и строительство студенческих общежитий. С 1988г. в этот университет направлялись японские специалисты для повышения уровня обучения и научной деятельности; в Японии работали стажеры из этой страны.

В Малайзии на японскую безвозмездную помощь в размере 3,8 млрд. долл., предоставленную в 1982-1983 гг., был создан Штаб по подготовке руководителей центров профессиональной подготовки и технических специалистов высокого класса. Он является кузницей малайзийских кадров. Здесь проходят стажировку руководители различных центров профессиональной подготовки и повышают

технический уровень специалисты средних и мелких предприятий. До марта 1993 г. прошли подготовку 5313 человек. С 1982 г. по 1991 г. осуществлялись проекты технического сотрудничества с этим Штабом. Из Японии было направлено 26 специалистов на длительный срок и 23 специалиста на краткосрочной основе. Он приносит огромную пользу как место стажировки сотрудников смешанной малайзийско-японской компании по производству автомобилей "Тротон". Только в первом полугодии 1991 г. здесь стажировалось 30 человек из этой компании.

Этот Штаб так же, как и центры подготовки кадров в странах АСЕАН (Центр по подготовке кадров на Филиппинах, Центр профессиональной подготовки и Центр по воспитанию кадров для мелких предприятий в Индонезии, Центр по подготовке специалистов для первичных отраслей промышленности в Таиланде, Центр повышения производительности труда в Сингапуре), готовит кадры для стран АСЕАН. Здесь уже прошли подготовку 158 человек, обучавшиеся на 18 курсах.

Подготовка кадров осуществляется также на основе предоставления иеновых кредитов. Со второй половины 70-х годов они выделялись Индонезии на поддержку университетов, на направление служащих государственных учреждений за границу, на строительство средних и школ повышенного типа. Предоставлением таких кредитов Япония способствовала социально-экономическому развитию Индонезии. Ярким примером такого рода является сотрудничество Японии с сельскохозяйственным университетом Богор, который играет главную роль в подготовке специалистов сельского хозяйства и научной работы в Индонезии. Здесь имеется семь факультетов: земледелия, животноводства, лесного хозяйства, ветеринарный и другие. Насчитывается 12 тысяч студентов и научных сотрудников. Вместо старого комплекса университетских зданий и общежитий в окрестностях Богора был построен новый университетский городок. На иеновый кредит в размере 6 млрд. 946 млн. иен на площади 250 гектаров были возведены оснащенные современным оборудованием факультет морского и речного промысла, животноводства и административное здание университета. Иеновый кредит был израсходован также на поддержку обучающихся в зарубежных странах научных сотрудников сельскохозяйственного университета

Богор: 12 специалистов в Японии и других странах защитили кандидатские и докторские диссертации. Кроме того, в течение нескольких лет 27 преподавателей и сотрудников бесплатно стажировались в университетах Японии²¹.

На основе безвозмездной финансовой помощи в 1984 г. была открыта также аспирантура на факультете сельского хозяйства и промышленности. С 1978 г. в этом университете существует кафедра японского языка, которая ведет активный научный обмен с Японией. Среди преподавателей около 50 человек закончили японские высшие учебные заведения.

При оказании ОПР Япония стремится сделать ее результативной и эффективной. Это тоже новая тенденция. Четко разработанной методики оценки этих параметров пока еще нет. И как справедливо замечают японские ученые, лучше всего ехать для этой оценки в места реализации проектов и там уже изучить, какое влияние они оказывают на экономику и на окружающую среду страны.

"Белая книга по ОПР" выделяет обычно четыре направления для оценки проектов: 1) обследование до начала работ; 2) промежуточное обследование; 3) оценка после окончания работы и 4) спустя определенное время. МИД Японии проводит оценку спустя несколько лет после того, как закончится предоставление помощи. Кроме МИДа этим занимается Японское агентство международного сотрудничества и Фонд экономического сотрудничества с зарубежными странами. Ежегодно МИД оценивает 140 проектов в 50 странах. Результаты публикуются, начиная с 1982 фин.г. в специальных докладах. В 12 таких докладах, опубликованных к 25 июня 1994 г., содержалась оценка 1659 проектов. ФЭСЗС также частично помещает оценки в издаваемом им журнале "Кикин тэса кихо".

Эффективность японской ОПР демонстрирует пример Малайзии, добившейся поразительных успехов в экономическом развитии. Они были отмечены в опубликованном в марте 1993 г. Всемирным банком в докладе на тему: "Препятствия быстрому развитию в Восточной Азии и Тихоокеанском регионе", в котором был дан анализ экономического положения в странах этого региона. С 1980 по 1993 г. рост промышленности Малайзии составлял в среднем 7,7%; ВНП в расчете на одного человека в 1991 г. достиг 2540 долларов, что соответствовало низкому уровню стран со средним доходом, а в

1993 фин.г. - превысил 3 тыс. долларов. Малайзия, занимавшая 40-ое место в мировом экспорте и импорте в 1980 г., в 1992 г. заняла 23-е место в области экспорта и 22-ое - в импорте²². Очень сильно изменилась структура промышленного производства и экспорта Малайзии. Доля промышленных товаров в экспорте с 1987 по 1992 г. выросла с 45 до 69%. Малайзия планирует войти в число развитых стран к 2020 г.

Несомненно, что в успехах Малайзии важную роль сыграли японские прямые инвестиции и официальная помощь развитию. Япония являлась главной страной, предоставляющей ОПР Малайзии. Ее доля в общей сумме помощи, полученной этой страной, в 1989 г. составляла 60,3%, в 1990 г. - 81,3%, в 1991 г. - 73,2%²³. Займы, которые получала Малайзия от Японии, направлялись главным образом на создание инфраструктуры и для развития электроэнергетики; 60% их шло на строительство электростанций и освоение газовых месторождений. Запасы хорошей нефти в Малайзии невелики, а природного газа достаточно большие. Их хватит приблизительно на 100 лет, поэтому Малайзия стремится использовать газ в тепловых электростанциях, энергично занимается прокладкой газо- и нефтепроводов. Для этого разрабатываются соответствующие проекты. Один из них осуществлялся на иенный кредит в размере 42 млрд. иен, предоставленный японским фондом экономического сотрудничества с зарубежными странами. Он составил 37% общих расходов на строительство трубопровода, оцениваемого в 113 млрд. иен. Строительство осуществлялось в два этапа. На первом этапе был построен завод по переработке газа в городе Керших, терминал по экспорту сжиженного нефтяного газа в Танджонг Сулонг и несколько трубопроводов. На втором - модернизировалась инфраструктура и продолжалось строительство основного трубопровода и соответствующих сооружений. Общая протяженность трубопровода составляла 843,6 км.

Параллельно с прокладкой сети трубопроводов создавались системы информационного контроля и связи. В Сегамате был построен операционный центр. Региональные центры были созданы в Куантане, Пасир Гуданге, Серембане и Шах Аламе. Были построены компрессорные и мониторинговые станции, увеличены мощности газоперерабатывающего завода, расширен экспортный терминал.

Работы по реализации проекта продолжались всего 40 месяцев. С его завершением произошла замена в потреблении нефти газом, что имело большое значение для Малайзии, о чем уже говорилось. Одновременно началась подача газа на электростанцию Сэноко в Сингапур (150 млн. куб. футов в день). Он будет поставляться в течение 15 лет. В дальнейшем предполагаются также поставки газа для нужд населения Сингапура и Тайланда, что обеспечит стабильные валютные поступления для Малайзии.

Удельный вес природного газа, применяемого на тепловых станциях в Малайзии, в 1985 г. составлял 9%, а в 1990 г. он достиг 24%, в 1995 г. планировалось увеличение до 75%. Потребление же нефти и мазута соответственно сокращается. Использование природного газа понижает цены на ввозимую нефть и способствует улучшению платежного баланса страны. Ожидается, что в течение 10 лет, с 1991 по 2000 г., Малайзия сэкономит на этом 12 млрд. малайзийских долларов. К тому же природный газ является чистой энергией и в долгосрочном плане его использование внесет серьезный вклад в защиту окружающей среды.

Поставки газа на промышленные объекты Малайзии в настоящее время пока ограничиваются 6 пунктами. Этот проект вносит огромный вклад в укрепление производственной базы, направленной на поддержание экономического развития Малайзии. Этому же служит сооружение за счет японской ОПР самой крупной тепловой электростанции Порт Куланг, расположенной в 56 км к западу от Куала Лумпура. В 1981 г. был предоставлен иенный кредит в размере 21 млрд. иен, за счет чего началось строительство двух генераторов мощностью 300 мегаватт. Паровой котел и портовые сооружения были установлены на средства ЭИБ Японии. В 1984 г. был предоставлен новый иенный кредит в размере 48,5 млрд. иен, что способствовало завершению строительства указанных выше генераторов. В 1989 г. начался второй этап реализации этого проекта. Инженерно-строительные работы также осуществлялись на заем ЭИБ Японии. После завершения второго этапа было заключено соглашение о получении нового кредита в размере 71,9 млрд. иен. К 1997 г. предполагается довести мощность генераторов до 500 мегаватт.

Осуществлял этот проект местный орган - государственная энергетическая компания Тэнага Наспонал Берхард, которая в 1990 г. была приватизирована и перешла в частные руки. Она планирует переоснастить тепловую электростанцию Порт Куланг для работы на природном газе, поскольку предположительно спрос на энергию в Малайзии будет возрастать на 8,7% ежегодно вплоть до 2000 г. Эта электростанция мощностью 1220 мегаватт (более 20% всей энерго-мощности Малайзии) вносит огромный вклад в экономику страны. Она оборудована современными очистными сооружениями, аппаратурой для контроля качества воды, сбрасываемые воды охлаждаются и не причиняют вред рыболовству. Согласно результатам обследования электростанции японским МИДом, ее деятельность не оказывает вредного воздействия на атмосферу. Более того, отстойник с угольной золой превратился в место отдыха для перелетных птиц. 24% сажи продается цементной компании, что повышает экономический эффект функционирования станции.

Что касается ее влияния на социально-экономическую среду, то согласно проведенному в 1991 г. администрацией электростанции в сотрудничестве с университетом Пертаниан опросу жителей 6 поселков и деревень, расположенных в ее окрестностях, 68% согласились с существованием станции и надеются на рост занятости и экономический эффект, а 32% были против ее деятельности из-за загрязнения атмосферы и морской акватории; 80% крестьян считают, что электростанция не окажет плохого влияния на производство сельскохозяйственных продуктов.

Деревенский староста ближайшей к электростанции деревни Кампунг Ток Муда отметил дополнительные выгоды для населения деревни, ибо администрация распорядилась заасфальтировать дороги и, кроме того, многие работали на ее строительстве и получали неплохую зарплату. Строительство электростанции Порт Куланг - пример того, что при разработке проектов японской ОПР были предложены технология и техника, соответствующие местным условиям.

В целом положительные результаты японской ОПР в социально-экономической сфере в развивающихся странах можно продемонстрировать, например, на динамике двух показателей.

Таблица 2

Динамика детской смертности и доля беднейших слоев населения страны

Смертность детей в возрасте до 5 лет в расчете на 1 тыс.чел. до 5 лет в расчете на 1 тыс. чел. населения (%)	Смертность детей в возрасте		Удельный вес беднейших слоев населения (%)	
	1960	1990	1970	1990
Индонезия	225	97	60	15
Филиппины	134	69	35	21
Малайзия	105	29	18	2
Таиланд	149	34	26	16
Южная Корея	120	30	23	5
Китай	203	42	33	10
Развивающиеся страны в целом	233	112	-	-

Источник: Данные Всемирного банка приводятся по материалам симпозиума по ОПР в университете Рицумэйкан, состоявшегося 24 ноября 1994 г., с. 2.

В перспективе, поскольку Малайзия достигла достаточно высокого уровня экономического развития, она уже будет получать не безвозмездную, а компенсируемую помощь. Таким образом сотрудничество будет продолжаться на новых условиях. Его сферой остаются охрана окружающей среды и подготовка кадров; формами - иеновые кредиты и техническое сотрудничество. Аналогично будут развиваться отношения и с Таиландом. А в отдаленной перспективе связи с этими странами станут такими же, как и с Южной Кореей, которая уже совсем не получает иеновых кредитов. Это, видимо, магистральный путь ОПР в будущем.

* * *

Японское правительство постоянно держит под контролем проблему ОПР, уделяя ей не последнее место в своих экономических программах. В перспективных планах на XXI в. предполагается вообще открыть новую эру в политике оказания помощи. При этом Японии предстоит удерживать за собой лидерство в этой сфере, постоянно расширяя сферу предоставления помощи, выводя ее на новый качественный уровень (имеется в виду интеллектуальная область). Особое внимание обращается на ее использование для решения глобальных проблем. Правительство предусматривает оказание содействия японским неправительственным организациям, занимающимся этой же деятельностью.

Несомненно, все возрастающая роль Японии в оказании официальной помощи развитию является исключительно важным инструментом достижения ее внешнеполитических целей без использования военной силы.

¹ Вага куни-но сэйфу кайхацу эндзё (Японская правительственная помощь развитию). Токио, 1994, с.23.

² ОДА кэнкюкай хококусё (Сборник докладов общества по изучению ОПР), Токио, 1990, декабрь, с.2.

³ Japan's ODA. Annual Report 1993. Official Development Assistance. Ministry of Foreign Affairs, с.110.

⁴ Подсчитано по данным таблицы 1.

⁵ Кокусай кайхацу дзянару, 1994, № 11, с. 26.

⁶ Кэйдзай кёрёку-но гэндзё то мондайтэн (Современное состояние и проблемы международного сотрудничества). Токио, 1994, часть общая, с. 25.

⁷ Экономисуто, 11.10.1988, с.29.

⁸ Там же, с. 30.

⁹ Кокусай кайхацу дзянару, 1993, № 2, с. 63; 1994, № 10, с. 9.

¹⁰ Суми Калзуо. Цит. соч., с. 63, 74.

¹¹ Суми Кадзуо. Цит. соч., с. 63, 74.

¹² Там же, с. 34.

¹³ Кокусай кайхацу дзянару. 1994, № 2, с. 38.

¹⁴ Ministry of Foreign Affairs. Waga kuni no Seifu Kaihatsu Enjo (Japan's official Development Assistance), vol. 1, 1990, с. 44.

¹⁵ The Realty of Aid, Tokyo, 1994, с. 30.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Japan Times, Weekly International Edition, July 13-19, 1992, с. 3.

¹⁸ Japan Now, July, 1992, с. 3.

¹⁹ Pacific Affairs, vol. 67, N 2, Summer 1994, с. 206.

²⁰ Цусё хакусё (Белая книга по торговле), часть общая. Токио, 1994, с. 233.

²¹ Вага куни-но сэйфу кайхацу эндзё, 1994, с. 65.

²² The Realty of Aid, 1994, с. 116.

²³ The Realty of Aid, 1994, с. 72.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Уходящий век оказался для Японии исторически таким насыщенным, что вместил в себя отрезок пути, на прохождение которого другим государствам требовалось не одно столетие. Все это существенно обуславливало характер и особенности японской внешней политики, ее цели, задачи, а также формы и методы осуществления.

Япония вышла на старт XX в. в образе динамичной нации, готовой к борьбе за свое "место под солнцем". Однако в результате военного поражения во второй мировой войне ее значение как одного из ведущих самостоятельных актеров на международной политической арене в первые послевоенные годы было сведено к нулю, а в последующие десятилетия оставалось весьма незначительным.

Дальнейший ход мировых событий и прежде всего возникновение и ужесточение холодной войны не способствовали возрождению Японии как самостоятельного центра мировой политики, обладающего соответствующим арсеналом средств реализации своих внешнеполитических интересов. Биполярная схема мирового устройства с ее жесткой и всеохватывающей конфронтацией по линии Восток-Запад вплоть до начала 90-х годов вынуждала Японию действовать в рамках четко очерченных функций подчиненного (хотя и важнейшего в Азии) американского военно-политического союзника.

Вместе с тем общепризнанным является тот факт, что, находясь под американской "военной крышей", она свела к минимуму (относительно ВВП) бремя собственных военных расходов. Однако длительное пребывание Японии в теплой и уютной нише американского союзника не могло не вызвать определенной атрофии механизма выработки внешнеполитической стратегии, поскольку не было необходимости играть роль классического центра геополитики (что отнюдь не свидетельствует о неумении или недостаточной твердости и

последовательности в отстаивании собственной позиции в тех или иных насущных для Японии вопросах и коллизиях международной жизни).

Поведение Японии на международной арене в послевоенный период было практически полностью подчинено достижению главным образом экономических целей (так называемая экономическая дипломатия), а ее непосредственное участие в решении мировых политических проблем в лучшем случае носило пассивный характер. Отражением этого явились такие характеристики роли Японии в международных делах, как "экономическое животное", "политический карлик с большим кошельком" и т.д.

Чисто финансовое участие страны в войне в Персидском заливе, выразившееся в выделении 13 млрд. долл. на нужды антииракской коалиции и в виде помощи странам-жертвам иракской агрессии, явилось, пожалуй, наиболее ярким подтверждением этих определений. Не будет преувеличением сказать, что война в заливе стала тем переломным событием в послевоенной истории, которое заставило японский истеблишмент более активно и кардинально переосмысливать роль страны на международной политической арене в сторону повышения значимости этой роли.

Следует отметить, что уже примерно с середины 60-х годов в среде японских политиков и ученых звучал призыв к приведению международно-политической роли Японии в соответствие с ее экономической мощью. Однако обстановка холодной войны делала эти призывы не более чем благими пожеланиями, которые от частого употребления приобретали зачастую вид политических заклинаний.

Окончание этой войны, прекращение острой межсистемной конфронтации в мире, тектонические сдвиги в геополитическом раскладе сил, появление новых проблем и угроз как на глобальном, так и региональном уровне не только создали предпосылки для пересмотра Японией своих тактических и стратегических целей и задач в сфере внешней политики, а также претворения их в жизнь, но и оказались

сильными побудительными мотивами для фундаментального переосмысления философских и цивилизационных основ и принципов японского внешнеполитического курса.

Одним из главных направлений такого переосмысления являются попытки определить заново сущность цивилизационной принадлежности Японии на современном этапе, выявить соотношение в ней традиционного и западного начал и их влияния на положение Японии в мире. Здесь просматривается нечто общее с ведущейся в постсоветской России дискуссией между западниками и славянофилами по терминологии прошлого века. К тому же вопрос об их цивилизационной самоидентификации возник, а точнее, возродился именно в результате завершения холодной войны.

Судя по всему, в настоящее время Япония переживает переходный период, когда в противоположность лозунгу "дацу нюо" (досл.: "уйдем из Азии, войдем в Европу"), популярному с эпохи Мэйдзи до второй мировой войны, выдвигается лозунг "реазианизации" Японии, т.е. возвращения ее в лоно родной Азии при одновременном сохранении и укреплении своих позиций на Западе.

Газета "Вашингтон таймс" так писала по этому поводу: "В Японии вновь началась имеющая историческое значение полемика по поводу того, какова национальная сущность этой страны - западная и международная, либо азиатская и региональная. Отражая частично неопределенности периода, наступившего после окончания холодной войны, частично особенности культуры и экономики и частично отношение японцев к Соединенным Штатам, ныне эта полемика выражает скорее настроения, чем политику"¹.

Можно в принципе согласиться с последним утверждением газеты. Однако стоит заметить, что в истории достаточно примеров, когда общественные настроения с течением времени воплощались в те или иные политические действия. В связи с этим не может не привлечь внимание следующее высказывание бывшего министра иностранных дел Японии Е.Коно, носящее, как представляется, концептуально-установочный характер: "Закончилась эпоха, когда США и

Россия, управлявшие глобальным международным порядком, в послевоенный период руководствовались во всех своих деяниях мышлением в категориях холодной войны. Это стало означать, что потеряла свое содержание концепция..., в соответствии с которой Япония была членом Запада в сфере противостояния Востоку. Это привело также к важным переменам в японской внешней политике. Безусловно, велика вероятность того, что и впредь США, западноевропейские государства и Япония, образующие понятие "Запад", будут в конечном итоге укреплять солидарность и осуществлять единые действия. Однако думается, что это будут действия, основывающиеся на суждениях об интересах каждой страны, а не на упрощенных ценностях, связанных с принадлежностью к Западу².

Следует подчеркнуть, что некоторые западные аналитики указывают не только на политические (окончание холодной войны и т.д.), но и экономические причины поворота Японии в сторону Азии. Так, журнал "Бизнес уик" пишет следующее: "Япония связывает свое будущее с Азией, так как рост экономики на Западе и ее собственной слабеет. Этот экономический поворот подспудно происходит уже многие годы, но сейчас он, видимо, перешагнул важный культурный и политический порог"³.

И все же при всей важности экономических факторов, по-видимому, можно ожидать возрастания значения именно цивилизационного аспекта в определении основных направлений и параметров японской внешней политики в будущем, что служит отражением общей тенденции мирового развития. Одной из первых и самых заметных попыток осмысления с научной точки зрения цивилизационной составляющей системы международных отношений явилась, как известно, теория "столкновения цивилизаций" профессора Гарвардского университета С.Хантингтона. При всей спорности этой теории, вызвавшей мощную волну критики во многих странах мира, она не могла не оказать влияния и на ведущиеся в Японии дискуссии о ее международной роли.

Пока что результаты дискуссии о роли цивилизационного фактора во внешнеполитической стратегии Японии не находят прямого и конкретного воплощения в тех или иных практических действиях страны на международной арене. Вместе с тем обращает на себя внимание нарастающее стремление националистических кругов использовать указанный фактор для подведения теоретико-идеологической базы под тезис о необходимости дистанцирования от главного военно-политического союзника Японии – Соединенных Штатов.

Диссидент в ЛДП, один из лидеров вышеупомянутых кругов С. Исихара, автор антиамериканского трактата конца 80-х годов "Япония, которая может сказать "нет"" в прошлом году разразился еще одним - "Азия, которая может сказать "нет"". На этот раз совместно с премьер-министром Малайзии М. Махатхиром, одним из самых ярких критиков американцев в этом регионе. Оба они призывают Японию повернуться спиной к США и возвратиться к своим азиатским корням. После 50 лет "неестественного" членства в западном сообществе, говорит Исихара, Япония должна поврать с Западом⁴.

Очевидно, однако, что вопреки позиции Исихары и других японских деятелей националистического толка прагматичное и трезвомыслящее руководство Японии стремится осуществлять взвешенную внешнеполитическую стратегию, с одной стороны, нацеленную на реализацию национальных интересов страны, а с другой – отвечающую реалиям современного мира.

Системные контуры внешней политики своей страны бывший министр иностранных дел представляет в виде концентрических кругов. Первый круг формируют двусторонние отношения сотрудничества с США и ближайшими соседями - Китаем и Южной Кореей. Второй представляет собой сотрудничество на региональном уровне в рамках единого АТР; заключительный круг - сотрудничество на глобальном уровне, осью которого являются "семерка" и ООН. Эти круги, естественно, не существуют изолированно

друг от друга, а находятся в состоянии взаимопроникновения и взаимозависимости.

В мире нет другой страны, которая бы в новейшей истории Японии сыграла столь важную роль (как позитивную, так и негативную), как США. Именно они открыли Японию миру в середине прошлого века, повергли ее в прах (в том числе ядерный) в середине нынешнего, и благодаря сотрудничеству в первую очередь с ней Япония возродилась как великая экономическая держава, стремящаяся стать политическим гигантом к началу века следующего.

Как это ни парадоксально, как раз последний фактор и предопределил глубокую противоречивость современных японо-американских отношений, прежде всего торгово-экономических, что выражается в существовании в течение последних десятилетий огромного и хронического положительного сальдо Японии в торговле с США, беспрецедентном дисбалансе (опять же в пользу Японии) в сфере взаимных прямых капиталовложений и обмена научно-технической информацией. Не свободны двусторонние отношения и от серьезных расхождений во взглядах на сотрудничество в военно-политической области.

Острота указанных противоречий, особенно в сфере торговли, которую средства массовой информации Японии и США порой доводят до уровня психологической войны, порождает многочисленные сценарии разрыва двусторонних отношений, в том числе ликвидации договора безопасности. Однако очевидно, что подобное развитие событий следует рассматривать как маловероятное. Ведь в результате такого разрыва потери двух стран в торгово-экономической, политической и военно-стратегической областях будут значительно тяжелее тех издержек, которые возникают в связи с конфликтами в различных сферах двусторонних отношений в настоящее время и которые требуются для их преодоления. В самом деле, ныне взаимозависимость двух стран, хотя и носящая асимметричный характер, имеет беспрецедентные в истории масштабы. Исключительно велика привязанность стран к рынкам друг друга (особенно Японии к американско-

му). Японские капиталовложения в США, составляющие львиную долю всех ее зарубежных инвестиций, играют важную роль в поддержании жизнедеятельности экономики Соединенных Штатов. Доллар продолжает сохранять свое значение мировой ключевой валюты, но он уже не может выполнять эту функцию без поддержки со стороны Японии, превратившейся в крупнейшего кредитора мира. Кроме того, обе страны имеют тесные и разветвленные связи в области науки и технологии, как на государственном, так и на частном уровне, а по мнению некоторых исследователей, глубина и объем этих связей не имеют мировых аналогов.

Окончание холодной войны породило бурные дискуссии в Японии относительно целей, задач и характера военного союза с США. Многие деятели (и не только националисты типа вышеупомянутого Исихары) вообще ставят под сомнение необходимость существования договора безопасности в новых условиях, когда в результате развала СССР исчезла так называемая советская угроза. Более того, некоторые политики и исследователи начинают усматривать в договоре безопасности не что иное, как американский инструмент предотвращения возрождения милитаризма в Японии. Кстати говоря, такая точка зрения разделяется не только рядом американских деятелей, но и достаточно широко распространена в азиатских политических и академических кругах.

Тем не менее совпадение военно-стратегических интересов Японии и США в перспективе останется цементирующим фактором двусторонних отношений, чему способствует нестабильная и продолжающая оставаться труднопрогнозируемой обстановка в АТР и мире. Для Соединенных Штатов эти интересы заключаются в том, чтобы после ликвидации своих военных баз на Филиппинах и при отсутствии гарантий сохранения их в Южной Корее иметь в лице Японии с ее экономической мощью, военным потенциалом и стабильной внутривнутриполитической обстановкой надежного союзника, военные базы на территории которого в силу уникальности его географического положения имеют огромное значение не

только для региональной, но и для глобальной военной стратегии США.

Япония же, со своей стороны, не может не ценить военный союз с США, который обеспечивал ее безопасность и давал возможность реализовать японский феномен в социально-экономической сфере. Анализ состояния военно-стратегической обстановки в АТР, появление новых угроз не дают японскому истеблишменту оснований для постановки вопроса о снижении роли японо-американского договора безопасности на перспективу. Об этом свидетельствуют и подходы к указанному договору бывшего премьер-министра социалиста Т.Мураямы, который ранее был последовательным сторонником аннулирования этого договора.

Думается, что события в Европе лета и осени 1995 г. (фактический провал миротворческой миссии ООН и ОБСЕ в бывшей Югославии и передача роли "силового миротворца" с благословения ООН на откуп НАТО) ослабят в глазах японских правящих кругов зародившиеся было надежды на создание эффективных структур коллективной безопасности в АТР и, наоборот, еще более укрепят и без того четкое понимание, что в обозримом будущем единственным гарантом национальной безопасности останутся Соединенные Штаты. По сути японо-американский договор безопасности играет в АТР ту же роль, что и НАТО в Европе.

Очевидно, что по мере глобализации внешнеполитической деятельности Японии (а этот процесс неизбежен) будет возрастать и значение японо-американского взаимодействия в системе международных отношений. Следует, правда, отметить, что еще много лет назад бывший американский посол в Японии М.Мэнсфилд оценил отношения между обеими странами как "самые важные двусторонние отношения в мире", а японский политолог М.Косака, сравнивая их по значимости с англо-американскими отношениями в первое послевоенное десятилетие, называет особыми. В целом вряд ли можно усомниться в том, что отношения с США останутся краеугольным камнем внешней политики Японии и в начале XXI века.

Судя по всему, исключительно важное значение японо-американские отношения будут иметь для Азии, и то, как они здесь сложатся, окажет самое существенное влияние на международные позиции обеих стран. Развитие военно-политической ситуации в АТР в последние десятилетия, но особенно после окончания холодной войны, развала СССР и резкого ослабления военно-политического присутствия в регионе России, неизбежно привело к стремительному возрастанию значения китайского фактора в японо-американских отношениях. Этому способствует также беспрецедентный экономический взлет Китая в последние два десятилетия, давший основания говорить о нем, как о доминирующей экономической силе в АТР в XXI веке. Более того, наращивание им военной мощи заставило многих аналитиков рассуждать о вероятности китайской экспансионистской политики в Азии. Так это или нет - покажет будущее, однако очевидно, что на смену советско-американской парадигме силового баланса в АТР идет новая схема, главные позиции в которой занимают США, Китай и Япония при возрастающей роли стран АСЕАН.

Наряду с отношениями с США экономические и политические связи с Китаем всегда занимали приоритетное место среди других двусторонних отношений Японии, а в Азии они, несомненно, имеют для нее самое большое значение. Эти отношения на протяжении XX века пережили резкую метаморфозу: из объекта военной агрессии Японии и колониального придатка ее экономики Китай превратился в равноправного партнера на международной арене и является ныне исключительно важным элементом формирования японского внешнеполитического курса. Япония рассматривает политически стабильный и экономически здоровый Китай как позитивный фактор в Восточной Азии, помня, что в 60-е годы этот азиатский гигант был мощным дестабилизирующим началом в регионе. Нынешняя китайская политика экономической модернизации и реформ открыла новые перспективы для японской внешнеэкономической деятельности,

а также политического взаимодействия между двумя странами.

Роль китайского фактора для Японии определяется прежде всего огромными возможностями этой страны как ближайшего и крупнейшего источника сырья и энергоносителей, обширного потребительского рынка и многообещающей сферы приложения капитала. Наряду с этим нормальные и прогнозируемые связи с ядерной державой, каковой является Китай - это одна из важнейших гарантий обеспечения национальной безопасности страны в военно-стратегической сфере.

Первостепенной задачей японской политики в отношении Китая стало повышение международного статуса страны за счет развития особых отношений с этой крупнейшей азиатской и мировой державой. Такая задача отвечает стратегическим установкам Японии на китайском направлении после "шока Никсона". Они заключаются в том, что Япония в отношениях с Китаем должна идти "на один шаг впереди" других стран и играть роль моста между ним и развитыми государствами Запада. Указанный курс был подтвержден, в частности, тем, что Япония первой сняла экономические санкции, введенные после событий на площади Тяньаньмынь. Она стремится также использовать "китайскую карту" для укрепления своих позиций на международной арене, что нашло свое отражение в выдвинутой бывшим премьер-министром Японии Т.Кайфу концепции "важности японо-китайских отношений в АТР и во всем мире".

С китайской же стороны центростремительными факторами двусторонних отношений являются не только экономические соображения (получение капиталов и технологий из Японии, а также доступ к ее рынку), но и дальние политические расчеты. Китай отдает себе отчет в том, что, опираясь на огромную экономическую мощь, Япония неизбежно будет повышать свою политическую роль на международной арене и прежде всего в АТР. Но при этом китайские аналитики считают, что этот процесс будет иметь для КНР не только отрицательные последствия в плане политического соперни-

чества, но и определенный положительный эффект для уравнивания американского влияния в регионе. Другими словами, Токио и Пекин рассматривают друг друга как возможный противовес Вашингтону в определенных политических ситуациях в АТР, хотя их подходы в этом отношении качественно отличаются в силу исходных позиций этих стран в регионе.

Сильным центростремительным началам в японо-китайских отношениях противодействуют серьезные центробежные факторы, которые не дают оснований для чрезмерно оптимистической оценки развития этих отношений уже в начале следующего века. Судя по некоторым признакам, китайское руководство всерьез обеспокоено возможностью трансформации экономической мощи Японии в ее политическую и военную мощь (следует подчеркнуть, что это беспокойство взаимно). Это безусловно не только ослабило бы политические и военные позиции Китая в АТР, но и могло бы привести к острой конфронтации между двумя ведущими азиатскими государствами.

Можно перечислить еще ряд факторов, которые также омрачают двусторонние отношения и вносят в них элементы дестабилизации и неопределенности. К ним, в частности, относятся: проблема Тайваня, которая регулярно обостряется в связи с некорректным, по мнению Пекина, отношением Японии к достигнутому на этот счет договоренностям (признание Токио, что существует только один Китай, а Тайвань является его неотъемлемой частью), территориальный спор вокруг островов Сэнкаку, расхождение позиций сторон по вопросам прав человека и демократии в Китае, экспорта оружия из него и др.

Сложный и драматический исторический фон двусторонних отношений, переплетение и противоборство в них центробежных и центростремительных сил, неопределенность района внешних (общая военно-политическая ситуация в АТР) и внутренних (перспективы внутривнутриполитической ситуации в КНР, да и в Японии тоже) факторов делают отношения между Японией и Китаем весьма труднопрогнозируемыми: от

крупномасштабной войны на одном полюсе до союза или даже оси — на другом. Отбрасывая эти крайности, видно, следует исходить из того, что одним из главных факторов, определяющих содержание и направленность японо-китайского партнерства в перспективе, будет характер режима в Пекине после окончательного ухода с политической сцены китайского патриарха Дэн Сяопина.

Если к власти придут его духовные наследники, настроенные на сохранение открытости Китая внешнему миру и продолжение экономических реформ, то это создаст благоприятные условия для дальнейшего японо-китайского сближения в торгово-экономической сфере и отодвинет на второй план разделяющие обе страны проблемы и конфликты. Если же победят представители антиреформаторских сил, то тогда, не исключено, что эти отношения могут охладиться, а внешнеполитический курс КНР временами будет приобретать в той или иной степени антияпонскую окраску. Объективный процесс дальнейшего укрепляющегося политического влияния Японии и Китая в АТР неизбежно придаст их взаимодействию более конкурентный, а иногда, быть может, и конфронтационный характер. Однако в любом случае этот процесс будет серьезно влиять на всю систему международных отношений в бассейне Тихого океана.

С целью выработать новые подходы сотрудничества со странами Восточной Азии и начать отношения с ними "с чистого листа" (ибо прошлое оставило настолько глубокий след в сознании и психологии народов Азии, что это до сих пор сказывается практически на всех областях взаимодействия Японии с восточно-азиатскими государствам) в 1977 г. тогдашний премьер-министр Т.Фукуда выдвинул доктрину, которая считается основой современной азиатской политики Японии. Ее исходным моментом является часто повторяемое японским политиками заявление о том, что их страна не станет вновь крупной военной державой. Получив дальнейшую разработку и конкретизацию в ходе ставших впоследствии традиционными (если не сказать ритуальными) поездок японских премьер-министров по странам ЮВА, эта доктрина

ставит в центр политики Токио в Азии прежде всего страны АСЕАН – организации, которая благодаря ее хозяйственному потенциалу занимает одно из ведущих мест во внешнеэкономической стратегии Японии.

Вышеупомянутые перемены в АТР и вызванное ими ослабление необходимости ориентироваться во внешнеполитических приоритетах исключительно на США повысило взаимную значимость партнерства Японии и АСЕАН. Японские руководители не только связывают с ней надежды на утверждение своего политического лидерства в Азии но и хотели бы заручиться поддержкой ее членов для достижения более амбициозных целей в сфере внешней политики (например, постоянного членства в Совете безопасности ООН). Асеановские лидеры, со своей стороны, как представляется, пытаются в отношении Японии решить две в некоторой степени противоречивые задачи. Во-первых, использовать эту страну как сдерживатель экспансионистских тенденций во внешней политике Китая, а во-вторых - препятствовать превращению ее самое в крупную военно-политическую державу, которая могла бы представлять угрозу странам ЮВА.

Возрастающая роль, которую АСЕАН в 90-е годы стала играть в процессе поисков основы формирования системы безопасности в АТР, позволила Японии отойти от акцента на экономическую сторону сотрудничества с этой организацией в пользу повышения в нем удельного веса политической проблематики. Об этом свидетельствует и тот факт, что страны АСЕАН стали первыми азиатскими государствами, где осенью 1991 г. был пущен в ход такой козырь японской дипломатии, как визит императора, Это направление нашло свое отражение в "доктрине Миядзавы" (1993 г.), поставившей во главу угла отношений со странами АСЕАН диалог и взаимодействие по вопросам безопасности в Азии.

После окончания холодной войны внешнеполитическая деятельность Японии в ЮВА резко активизировалась не только в странах АСЕАН, но и в Индокитае, прежде всего в Камбодже и Вьетнаме. Политический вакуум, образовавшийся в Индокитае после ухода двух сверхдержав, а также суже-

ние вовлеченности в индокитайские дела Китая, урегулирование ситуации в Камбодже и переориентация Вьетнама на активное сотрудничество с Западом открыли перед Японией новые возможности для освоения этого политического пространства, бывшего для нее до начала 90-х годов terra incognita. Она не скрывает своего твердого намерения не только стать основным экономическим игроком в Индокитае, но и добиться там политического лидерства.

Так, камбоджийская проблема стала своего рода оселком для оттачивания японским руководством его новой стратегии на международной арене. Политические инициативы Японии по примирению враждебных фракций в Камбодже (хотя и безуспешные) явились по сути первой серьезной попыткой покончить с бытующим в других странах представлением о ней как об "экономическом гиганте, но политическом пигмее". К тому же Камбоджа занимает важное геостратегическое место в ЮВА и является объектом борьбы за политическое влияние между двумя такими субрегиональными лидерами как Таиланд и Вьетнам. Япония не хотела бы усиления ни одного из этих субрегиональных центров силы за счет Камбоджи.

Активная и успешная деятельность в сотрудничестве с ООН по окончательной ликвидации внутренних междоусобиц в Камбодже, беспрецедентно крупные финансовые вливания в ее экономику должны, по замыслам японских внешнеполитических стратегов, помочь вывести их страну в разряд мировых лидеров, несущих основную ответственность за сохранение стабильности и поддержание международного порядка на глобальном уровне. Достижению этой цели должно было способствовать и такое эпохальное событие в японской внешней политике с момента окончания второй мировой войны, как отправка в Камбоджу в октябре 1992 г. инженерного батальона для участия в операциях ООН по поддержанию мира.

Игнорирование в течение долгих десятилетий такого значительного государства ЮВА, как Вьетнам, было противоестественным для Японии – страны, которая в своем стремле-

нии к политическому лидерству в Азии неизбежно должна наращивать дипломатическую активность по всем направлениям. В целом в упомянутой выше "доктрине Миядзавы" впервые индокитайскому направлению было отведено одно из центральных мест в японской внешнеэкономической и политической стратегии в Азии. За стремлением заполнить политический вакуум в Индокитае стоят и более долгосрочные планы, заключающиеся в том, чтобы путем интеграции стран Индокитая и АСЕАН в единое целое способствовать превращению объединенной Юго-Восточной Азии в мощный противовес Китаю - главному японскому сопернику за политическое лидерство в Азии.

~ Новые политические реалии не намного облегчили для Японии поиск оптимального курса в ситуации на Корейском полуострове. Продолжающаяся конфронтация двух корейских государств делает эту задачу уравнением со многими неизвестными. Несмотря на нормализацию отношений Японии с Южной Кореей в 1965 г. и тот факт, что все годы холодной войны обе страны находились "по одну сторону баррикад", а также достаточно тесные и многообразные экономические связи, их взаимодействие постоянно подвергается серьезным испытаниям. Они существуют как в экономической (дефицит торговли в пользу Японии, ее отказ представлять партнерам новейшую технологию и др.), так и в политической сфере (взаимные подозрения по поводу "северной политики" Южной Кореи, с одной стороны, и курса Японии в отношении КНДР - с другой).

Настоящей головной болью для правящих кругов Японии является отсутствие до сих пор нормальных межгосударственных отношений с Северной Кореей, что, бесспорно, значительно ослабляет внешнеполитические позиции Японии и сужает поле для ее дипломатического маневрирования не только в Северо-Восточной Азии, но и на всем азиатско-тихоокеанском геополитическом пространстве. Нормализации японо-северокорейских отношений мешает, конечно, существование проблем, уходящих корнями в историческое прошлое (требования со стороны Пхеньяна финансовой

компенсации как за колониальное прошлое, так и за "ущерб", нанесенный Японией в последующий период).

Вместе с тем, как представляется, в гораздо большей степени перспективы нормализации зависят от решения вопроса так называемых ядерных подозрений в отношении КНДР. Возможность наличия у Пхеньяна ядерного оружия вызывает наибольшую обеспокоенность Японии с точки зрения ее национальной безопасности. В середине 90-х годов появились надежды, хотя и не бесспорные, на решение этого вопроса. Однако подходы к нему, базирующиеся исключительно на сепаратных договоренностях между Вашингтоном и Пхеньяном и оставляющие Токио (впрочем, так же как и Сеулу) вновь роль всего лишь "плательщика по американским счетам", отнюдь не свидетельствуют о наличии самостоятельной позиции Японии в указанном вопросе.

Самой же главной проблемой, которая будет определять всю японскую внешнеполитическую стратегию на Корейском полуострове в XXI веке, является, конечно, перспектива объединения двух корейских государств, которое будет иметь для Японии свои плюсы и минусы во всех областях. Очевидно, что с объединением Кореи в Северо-Восточной Азии возникнет необходимость формирования нового баланса сил между военно-политическими лидерами этого субрегиона - США, Китаем, Японией и Россией. Ясно также, что контуры этого баланса сил будут во многом определяться тем, какую позицию в отношении каждой из этих держав займет единая Корея, которая со временем приобретет статус стержня указанного баланса. Особенно большое значение этот процесс будет иметь с точки зрения обеспечения национальной безопасности Японии, учитывая существующие на Корейском полуострове сильные антияпонские настроения, призывы рассчитаться с ней за прошлые обиды и даже прозвучавшие в Южной Корее утверждения, что в настоящее время ее главным военным противником является уже не Северная Корея, а Япония. Последней еще предстоит выработать свою долгосрочную стратегию в отношении

Корейского полуострова с учетом всех нюансов и вероятных сценариев развития ситуации на нем.

В 90-е годы заметно активизировалась японская дипломатия в южной части Тихого океана и прежде всего в отношении Австралии и Новой Зеландии. Свидетельством тому стало посещение в мае 1993 г. обеих стран бывшего в то время премьер-министром К.Миядзавой. Условием, создающим благоприятные предпосылки для налаживания более тесного и многообразного сотрудничества Японии с указанными странами, является нарастающая тенденция к их так называемой азианизации, т.е. повышению значимости государств региона в системе международных связей обоих государств. При этом особое значение руководители этих стран придают Японии. Кроме того, в последние годы просматривается желание Австралии расширить взаимодействие с Японией в политической области, а также наладить контакты в сфере безопасности. Со своей стороны японские правящие круги уделяют этой стране большое внимание.

Отношения Японии с Австралией и Новой Зеландией в отличие от отношений со многими другими странами региона характеризуются наименьшей конфликтностью. Это объясняется, с одной стороны, широкими и взаимовыгодными торгово-экономическими связями между ними, а с другой - совпадением их интересов по основным вопросам политики и безопасности в АТР. В обозримый период XXI века можно ожидать дальнейшего укрепления диалога и сотрудничества Японии с обеими странами по всему спектру взаимоотношений.

Из всех двусторонних связей Японии отношения с Россией на протяжении XX века были одними из самых драматических. По иронии судьбы обе страны за относительно короткий, по историческим меркам, отрезок времени успели поменяться местами и ролями на международной арене. Еще в середине прошлого столетия Россия, уже сама приобщившаяся к достижениям европейской цивилизации, стала для Японии в определенной степени мостом в мир этой цивилизации. Однако на рубеже XXI века уже эта страна, превра-

тившаяся в экономического гиганта и одного из научно-технических лидеров планеты, претендует на то, чтобы стать для России проводником в динамичный и обещающий блестящие перспективы мир азиатско-тихоокеанской цивилизации.

Нынешняя ситуация в России делает ее малопривлекательным партнером для Японии. Отсутствие серьезной экономической и политической заинтересованности в России дает возможность Японии поставить во главу угла отношений территориальный вопрос. По степени важности японские правящие круги ставят его среди других внешнеполитических проблем в АТР в один ряд с отсутствием межгосударственных отношений с КНДР. В XXI в. Москва и Токио вынуждены будут искать политическое решение этого вопроса. Однако то, что оно тесно связано с внутривластной ситуацией, а также обусловлено общественным мнением обеих стран, не приемлющим какие бы то ни было уступки противоположной стороне, делают его перспективы весьма неопределенными.

Представляется, что внешнеполитическая стратегия Японии на российском направлении в первую очередь будет определяться тем, насколько быстро и эффективно Россия, решив внутренние проблемы, сумеет вписаться в бурные экономические и последующие политические интеграционные процессы в АТР. Кроме того, нельзя исключить, что изменения в раскладе политических сил в регионе внесут определенные коррективы в оценку значения России как японского партнера.

В пользу сближения двух стран в сфере политики могут действовать такие факторы, как дальнейший рост напряженности в японо-американских отношениях, усиливающиеся опасения по поводу китайской экспансии в АТР, развитие обстановки на Корейском полуострове в неблагоприятном для Японии направлении и др. Повышению значимости России будут способствовать и блоково-протекционистские тенденции в Европе и Северной Америке. Быть может, рост взаимной заинтересованности (состоится ли он - покажет

будущее) поможет ускорить и решение территориального вопроса.

Необходимость выделить в следующий концентрический круг АТР вызвана, как представляется, ~ не только чисто географическими соображениями, но и все возрастающей ролью, которую этот регион играет в международных делах. Именно она дала основание многим исследователям говорить, что центр мировой экономики, а затем и политики, сдвигается в бассейн Тихого океана. Известно, что главной движущей силой этих процессов стало феноменальное экономическое развитие Восточной Азии, локомотивом которого явилась Япония. Вместе с тем как раз здесь наиболее отчетливо проявился вышеупомянутый разрыв между экономическим и внешнеполитическим положением Японии.

В развитие внешнеполитической концепции, высказанной Ю.Коно, известный политический аналитик газеты "Асахи симбун" Е.Фунабаси заявил, что Япония должна иметь региональную стратегию⁵. При этом, по его мнению, такая стратегия не может ограничиваться Азией, особенно Восточной, ее следует расширить до азиатско-тихоокеанского кольца, которое включает США. Цели стратегии заключаются в том, чтобы сделать регион открытым, мирным и демократическим. Эту стратегию он называет "Тихоокеанским глобализмом" с тремя базовыми составляющими:

- содействие региональному экономическому росту и развитию, а также либерализации и многосторонности торговли и капиталовложений в регионе;

укрепление региональных механизмов и средств поддержания и упрочения мира путем расширения американской вовлеченности;

- инкорпорирование в регион в качестве ответственных игроков таких стран как Россия, Китай, Вьетнам и Северная Корея.

Указанные направления внешнеполитической стратегии Японии в АТР, судя по всему, сохранят свою актуальность и будут экстраполированы ее руководством и на начало ХХ1 века. За неимением возможности подробно проанализиро-

вать каждое направление в пределах данной статьи укажем лишь, что по третьему направлению к настоящему времени Япония добилась несколько больших успехов в отношении Китая и Вьетнама, чем России и Северной Кореи. Это обусловлено различным набором и спецификой проблем двусторонних отношений Японии с каждой из указанных стран, как это было показано выше.

Реализацией первого направления целей Япония, по всей видимости, займется в рамках прежде всего организации Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), которая все явственнее становится главным институциональным механизмом хозяйственных связей в бассейне Тихого океана.

Не менее сложной задачей является окончательный выбор Японией позиции в отношении усиленно продвигаемой Малайзией идеи создания восточноазиатской экономической группировки государств блокового типа, исключаящей США и другие "белые страны" АТР. В настоящее время Япония оказалась как бы между двух огней: восточноазиатскими странами, выступающими в пользу субрегионального экономического блока в Восточной Азии под ее эгидой, и Соединенными Штатами, стремящимися не допустить такого эксклюзивного формирования, видя в нем угрозу своим интересам в АТР. Если же Япония в итоге примет сторону своих азиатских собратьев, то это может привести в XXI веке к глобальной межблоковой борьбе между Северной Америкой, Западной Европой и Восточной Азией со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для всей системы международных политических отношений.

Что касается второго (по Фунабаси) направления стратегии в АТР, то здесь Япония намерена, воспользовавшись последними переменами в военно-стратегической сфере, не только внести определенные коррективы в собственный военно-политический курс, но и вести более динамичную и инициативную политику в области региональной безопасности. При условии сохранения нынешних тенденций в военно-стратегической обстановке в АТР ее усилия по укреплению

региональной безопасности, а в рамках нее и своей собственной, будут складываться из следующих элементов.

Во-первых, Япония будет добиваться этого прежде всего с помощью экономических средств. Во-вторых, стремиться к созданию в той или иной форме механизма коллективной безопасности, используя для этого уже такие, действующие в АТР организации, как Региональный форум АСЕАН, а также организацию АТЭС, которая, видимо, по мере ее дальнейшего становления перейдет и к выполнению общерегиональных политических функций. В-третьих, Япония постарается не допустить распространения в АТР оружия массового поражения, в связи с чем особую остроту для нее приобретает вопрос о "ядерных подозрениях" в отношении КНДР. В-четвертых, важнейшей сферой японской деятельности станет расширяющееся и качественно изменяющееся участие в операциях ООН по поддержанию мира не только финансовыми средствами, но и подразделениями сил самообороны.

В то же время, несмотря на бурные дискуссии в стране по поводу необходимости дистанцирования от США в военной области в настоящее время, Япония на обозримую перспективу будет всемерно поддерживать американское военное присутствие в АТР как основу обеспечения региональной безопасности. В зависимости от успехов своей деятельности в вышеперечисленных областях японские стратеги будут решать вопрос о масштабах военной мощи страны, исходя из дальнейшего развития ситуации в АТР, в том числе принимая во внимание обеспокоенность азиатско-тихоокеанских стран по поводу возможности превращения Японии в военную державу, обладающую к тому же ядерным оружием.

Если говорить о политических отношениях Японии с другими, помимо АТР, регионами мира, то можно вполне уверенно утверждать, что они пока не имеют существенного значения в ее внешнеполитической стратегии. Это косвенно подтверждается и тем, что они даже не упоминаются в изложенной выше концепции концентрических кругов Е.Коно. Даже Западная Европа, с которой Япония имеет достаточно

глубокие и разносторонние торгово-экономические отношения, не рассматривается как самостоятельный объект внешнеполитической деятельности, несмотря на тот факт, что европейский континент на сегодняшний день является ведущим центром мировой политики.

Объяснение этому парадоксальному явлению можно найти в статье директора Европейского института японских исследований Стокгольмской школы экономики Жана-Пьера Лемана⁶. Указывая на то, что на Японию и Европу в сумме приходится 50% мирового ВВП, что их объединяют многие интересы и общая ответственность, Леман тем не менее называет отношения между Японией и Европой "неотношениями" ("nonrelationship") и считает, что они характеризуются отдаленностью партнеров и их взаимным безразличием. Причину этого он усматривает в США, на которые в своих внешнеполитических связях в последние полвека замыкались как Европа, так и Япония.

Вместе с тем, ученый полагает, что эти отношения не стоит недооценивать. Европе и Японии требуется свежий взгляд на их двусторонние связи в условиях глобальных перемен в мире. Для этого, по его мнению, Европейский Союз должен стремиться к большей открытости и глобализму, а Япония – сдерживать глашатаев "реазианизации". Евро-японские связи, - резюмирует Леман, - не являются самыми важными в мире и вряд ли станут такими. Однако направление, в котором они будут развиваться, окажет серьезное влияние на геополитическую и глобальную торговую ситуацию. С мнением известного европейского специалиста по Японии трудно не согласиться.

Наконец, что касается Латинской Америки и Африки, то они имеют и будут иметь определенное ресурсное и рыночное значение для Японии как источник сырья и рынок сбыта, но вряд ли когда-нибудь превратятся в важные объекты японской геополитики в силу их большой географической удаленности, а также незначительного веса в мировом раскладе геополитических и геостратегических сил.

Внешняя политика Японии на пространстве третьего – глобального круга, как уже отмечалось, связывается прежде всего с ее деятельностью в рамках "семерки" и ООН. Если как член "семерки" Япония уже много лет наравне с другими участвует в решении глобальных экономических проблем и в диалоге по насущным вопросам международной политики, то в отношении ООН ей еще предстоит решить ряд трудных задач.

Главная из них заключается в том, что превратившись во вторую по мощи экономическую державу мира, Япония не является постоянным членом Совета безопасности ООН, что, безусловно, не может не принижать ее роли на международной арене и не ограничивать возможности влияния на мировые политические процессы. Но даже решение этой задачи, которого японские правящие круги упорно добиваются на протяжении последних десятилетий, не избавит Японию от необходимости искать подходы к ряду других сложных проблем, стоящих перед ней как перед страной, претендующей на роль мировой политической державы.

Во-первых, ей придется увязывать свое стремление быть равноправным и имеющим независимый голос членом СБ с так называемым глобальным партнерством с США, которое еще в 1990 г. провозгласили Дж.Буш и Т.Кайфу. И хотя это партнерство пока еще не проявило себя достаточно зримо, не приходится сомневаться, что Японии уготована в нем роль младшего брата. Упомянутый выше Е.Фунабаси не питает на этот счет никаких иллюзий. Он утверждает: "Отношения Японии с Соединенными Штатами, так же как и ее роль в мире, лучше определить как "поддерживающее лидерство". Ее роль в лидерстве должна быть не главной, а вспомогательной по отношению к устремлениям и обязательствам США"⁷. Характерно, что юридический советник штаб-квартиры ООН Т.Кавамура, говоря о необходимости Японии с помощью членства в СБ активизировать свою внешнеполитическую деятельность, выстраивает японские приоритеты в следующем порядке: отношения с Соединен-

ными Штатами, приверженность задачам и целям ООН, политика Японии и Азии⁸.

Во-вторых, Японии в своей глобальной стратегии нужно будет оптимизировать соотношение двух таких в значительной степени противоречивых начал, как большая ответственность за поддержание мира на планете и стремление ограничить свои военные возможности рамками потребностей в самообороне в соответствии с мирной конституцией страны. Результатом такой оптимизации должно стать превращение Японии, по выражению Фунабаси, в "мировую гражданскую державу". В Японии существуют опасения, что мировое сообщество может не согласиться с подобной трактовкой ее международной роли и ей будут навязаны военные функции. Однако против такого подхода, по мнению японцев, говорит возрастание значения экономической составляющей понятия "безопасность", а также тот факт, что Япония, превратившись в крупнейшего в мире донора официальной помощи развитию, намерена использовать ее как инструмент достижения внешнеполитических целей не менее эффективно, чем другие страны военную силу.

В-третьих, в своих претензиях на представительство всей Азии в СБ Япония не может не учитывать уже давнее присутствие там Китая. Некоторые эксперты видят выход в разделении ролей: Япония будет как бы депутатом от Азии, а Китай - от развивающихся стран.

Решив эти и другие задачи (например, выработку собственной четкой позиции в отношении разгорающегося спора по правам человека между США и рядом азиатских государств), Япония может стать действительно глобальной политической державой, активизируя свою дипломатическую деятельность по всем основным вопросам международной жизни. Важным условием этого является также модернизация внутреннего механизма принятия внешнеполитических решений и приведение его в соответствие с международными реалиями грядущего века.

* * *

Итак, на волне окончания холодной войны мировое сообщество готовится вступить в ХХ1 век. Однако с гребня этой волны не только открылись радужные и захватывающие перспективы нового международного порядка, но и показались и все явственнее очерчиваются новые опасные рифы, подводные камни, водовороты межгосударственных и международных отношений. Все это делает не такими оптимистичными оценки будущей ситуации в мировой политике, какими они были еще на рубеже 80-х и 90-х годов.

Хочется надеяться, что каждая страна, осмысливая исторический путь, пройденный международным сообществом за прошедшее столетие будет стремиться к тому, чтобы в меру своих сил сделать наступающий век более благоприятным для развития всего человечества.

Думается, что и Япония должна не упустить шанс войти в ХХ1 век полнокровной мировой державой с глобальными интересами, государством, вносящим в развитие мировой цивилизации вклад, адекватный его экономическому и научно-техническому потенциалу, а также уникальным культурным традициям и самобытным ценностным ориентациям.

¹ Компас, № 15, ИТАР-ТАСС, 10.08.1995, с. 18.

² Гайко форуму, № 1, 1995, с. 13.

³ Компас, № 35, ИТАР-ТАСС, 25.05.1995, с. 23.

⁴ Компас, № 57..., с. 18.

⁵ Foreign Affairs, Winter, 1992, с. 59-74.

⁶ Japan Update, June, 1995, с. 12, 13.

⁷ Foreign Affairs, Winter, 1992, с. 65.

⁸ Япония о себе и мире. Дайджест, № 1, 1995, с. 46.

И.С.Тихоцкая

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ЖИЗНЕННЫЙ ЦИКЛ ЯПОНЦЕВ

Жизненный цикл человека в самом общем виде можно подразделить на три основные стадии: детство и юность, молодые и зрелые годы, старость. Каждая из них имеет свои отличительные особенности. На первой человек получает воспитание и образование, одновременно происходит становление его как личности. Вторая стадия - время с момента поступления на работу (включая домашнюю и уход за детьми) до выхода на пенсию. Третий начинается с выходом на пенсию. Передав эстафету следующему поколению, человек умирает.

Безусловно, жизненный цикл, создаваемый каждым индивидом, является единственным в своем роде. Однако в зависимости от того, к какому социальному слою он принадлежит, в каких условиях воспитывается, уже с первых шагов его жизнь в известной мере детерминирована. Помимо воздействия обстоятельств и других людей, определяющее влияние оказывают общие социально-экономические параметры, а также глобальные условия развития. В этом смысле жизненные циклы отдельных групп людей имеют общие основополагающие характеристики.

Под влиянием внешних условий или обстоятельств жизнь, образ мыслей, деятельность людей периодически претерпевают серьезные изменения. Большое значение для человека, живущего в ту или иную эпоху, имеют и медико-биологические изменения жизненного цикла. Согласно классификации профессора Курода, различают три вида продолжительности жизни: 1) естественная - рассчитывается с помощью таблиц средней продолжительности жизни со дня рождения; 2) предельная - отдельные случаи, например, в Китае 160 лет, 3) среднестатистическая, или средняя - с учетом количества смертей по возрастам. На протяжении XX века, благодаря успехам медицины и раз-

XX века, благодаря успехам медицины и развитию профилактических мер, направленных на укрепление здоровья и раннюю диагностику заболеваний, отмечалось быстрое увеличение средней продолжительности жизни. Так, в Японии в довоенный период она составляла 50 лет, в середине 60-х годов - 60, на рубеже 70-80-х - превысила 70, а сейчас уже и 80 лет (самая высокая в мире). Еще недавно в стране существовал 60 -летний цикл жизни, и вся общественная система - образование, гражданский кодекс, пожизненный найм, семейные отношения, жилье, система социального страхования, пенсионное обеспечение и медицинское обслуживание, проведение свободного времени - была рассчитана на него.

Переход к 80-летнему циклу повлек за собой целый ряд изменений. Во-первых, дети дольше остаются детьми, и детство стало временем активного накопления знаний и развития способностей. Если посмотреть на процесс образования в историческом контексте, то можно видеть постепенный рост продолжительности его обязательной составляющей. Так, появление первых школ в Японии датируется серединой ХУП в., со второй половины XIX в. распространение школьного образования шло уже под лозунгом "в деревне - ни одного неграмотного". В 1886 г. было принято специальное постановление, в соответствии с которым обязательным становилось четырехлетнее обучение в начальной школе. Затем, в 1907 г. его срок был продлен до 6 лет. (Важно подчеркнуть, что в это время уже почти все дети посещали школу). С середины 70-х годов росла и посещаемость средней школы. Однако прошло довольно много лет, прежде чем среднее образование приняло такой же массовый характер, как и начальное. После второй мировой войны обязательное образование в Японии было продлено до 9 лет (6 лет - начальное и 3 года - неполное среднее).

Во-вторых, в рамках 80-летнего жизненного цикла знаний, полученных в школе, становится явно недостаточно для будущей взрослой длительной жизни (к тому же в современ-

ном обществе, в условиях быстрого развития научно - технического прогресса часть из них безнадежно устаревает), отсюда - необходимость их постоянного пополнения.

Вообще, после окончания школы и поступления на работу каждому человеку неизбежно приходится учиться в области избранной специальности и накапливать практический опыт. В середине 60-х годов в жизненном цикле людей выделяется три периода: обучения; приобретения практических знаний и опыта; их обогащения. По мере роста экономики и повышения жизненного уровня, с конца 70-х годов развернулись широкие дискуссии по вопросу "ради чего стоит жить". В связи с этим предлагались различные варианты "образования на протяжении всей жизни", что легло в основу концепции непрерывного обучения.

Важно подчеркнуть, что эта концепция в Японии подразумевает обеспечение более высокого уровня удовлетворения повседневной жизнью, в отличие от других развитых стран, где это - стратегия развития человеческих ресурсов в целях содействия экономическому развитию.¹ В соответствии с таким пониманием японский вариант этой концепции отличается широтой диапазона: он включает получение образования; знания, приобретаемые во время трудовой деятельности, чтения, путешествий, прогулок, просмотра телепередач и посещения кинотеатров, общения и т.д.; расширение кругозора во время досуга и развлечений, занятий хобби, всякого рода волонтерской деятельности².

Причины необходимости образования на протяжении всей жизни здесь также отличны от других стран. Прежде всего, общество чрезмерно ориентировано на диплом - способности и ценность людей в значительной степени определяются в соответствии с рейтингом оконченного ими университета. Во-вторых, в связи с увеличением свободного времени растет спрос на приобретение знаний во время досуга. Ведь одна из особенностей японцев - склонность тратить деньги не на простое времяпрепровождение, а для того, чтобы что-то узнать, чему-то научиться. Стремление к зна-

ниям - национальная черта японцев. Наконец, необходимость непрерывного обучения связана и с ростом потребностей в новых знаниях ввиду быстрого развития науки и технологии, информатизации и интернационализации общества, структурной перестройки экономики. Именно эта, последняя, является практически единственной причиной в других развитых странах. Однако в Японии этому не уделяют много внимания, видимо, в силу того, что такого рода образование уже давно существует на внутрифирменном уровне. А в рамках движения за образование на протяжении всей жизни отмечается широкая ориентация на обучение, связанное с развлечениями и спортом, которое рассматривается как важный элемент формирования характера, самосовершенствования и повышения качества жизни.

Особно глубокие перемены переживают и японские трудовые отношения с их знаменитой триадой (системой пожизненного найма, оплаты по старшинству и пофирменными профсоюзами), что по большей части присуще крупным предприятиям. Это обеспечивает лояльность рабочих по отношению к своему предпринимателю и их готовность безотказно трудиться с раннего утра до поздней ночи. В более мелких компаниях текучесть рабочей силы всегда была сравнительно велика, и продвижение по служебной лестнице с повышением заработной платы отнюдь не обязательно гарантировалось по мере выслуги лет. В современных условиях и в крупных компаниях возрастная стратификация персонала не является столь очевидно пирамидальной. Продвижение сотрудников по служебной лестнице в пределах одной компании до выхода на пенсию становится все труднее обеспечивать в связи с диверсификацией производства, повышением среднего возраста рабочей силы и удлинением срока трудовой деятельности. (Кстати, пересмотр заработной платы в крупных компаниях включает и отсрочку обязательного выхода сотрудников на пенсию в обмен на более низкую заработную плату или ежегодную прибавку.)

В-четвертых, увеличение продолжительности жизни привело к значительному удлинению периода трудовой активности пенсионеров. В этой связи встает проблема создания условий для тех, кто хочет работать примерно до 75 лет, тем более, что Японию среди других развитых стран как раз и выделяет весьма высокий уровень занятости лиц преклонного возраста. В 1994 г. в стране работало 36% мужчин старше 65 лет против 11% в Великобритании, 5% в Германии и 4% во Франции³. Кроме того, существенным образом увеличивается резерв времени, которое они могут использовать по своему усмотрению.

Наряду с ростом продолжительности жизни на жизненный цикл японцев оказывает заметное влияние сокращение числа детей в семье. Оба эти явления - прежде всего результат снижения детской смертности. До войны не только рождаемость, но и этот показатель был очень высоким. Кроме того, очень много людей умирало в возрасте 20-30 лет от туберкулеза и других болезней и мало кто доживал до преклонного возраста.

Сейчас, наоборот, рождается очень мало детей: до 10,0 промилей в 1990 г., против 32,4 в 1930 г., т.е. теперь за свою жизнь одна женщина в среднем рождает лишь 1,5 ребенка против 4,71 до войны⁴. Снижение рождаемости является следствием общего развития цивилизации и распространения средств контрацепции. Немаловажную роль в этом играют и различные социальные факторы, такие как рост стоимости образования детей, увеличение числа работающих женщин, более позднее вступление в брак и т.д. Одновременно смертность тоже снизилась примерно на 1/3 (особенно младенческая - до 4,5 промилей против 124,1 в довоенный период)⁵. Таким образом, средняя продолжительность жизни увеличилась более чем на 30 лет.

В результате взаимодействия всех этих факторов заметно возросла доля лиц преклонного возраста в общей численности населения. Так, например, за 1930-1990 гг. доля молодежи сократилась более чем наполовину и составила

18,2%, а число стариков, напротив, возросло с 5% до более чем 12%.⁶ По оценкам, в 2010 г. доля первых снизится до 16,4%, а последних возрастет до 21,1% и до 23,6% в 2020 г. Таким образом, процесс старения населения прогрессирует.

Помимо необходимости решения проблем жизнеобеспечения стариков, беспокойство вызывает надвигающийся "баланс населения" (т.е. нулевой прирост). Так, согласно прогнозам, в 2010 г. коэффициенты рождаемости и смертности будут одинаковыми - порядка 10-11 промилей (сейчас второй составляет 6,7 промилей, но он увеличится, поскольку доля лиц преклонного возраста растет), а затем численность населения будет медленно падать. Отчасти это поможет решить проблему его скученности. Однако в случае непредвиденных обстоятельств (например, непредсказуемое повышение коэффициента смертности и снижения рождаемости вследствие крупномасштабных стихийных бедствий) это уже может представлять опасность, а сложившийся жизненный цикл японцев, конечно, нарушится.

Социально-экономические перемены привели к существенной трансформации структуры семьи, значительному сокращению числа ее членов. Если в 1953 г. на семьи, состоящие из 6 человек, приходилось 38,9%, из двух - 15%, в том числе из одного - 5,8%, то в 1990 г. эти цифры соответственно составили 7,2%, 42,2%, 21,0%⁷. Это наглядно отражает процесс образования нуклеарных семей разного рода.

До второй мировой войны японцы жили большими семьями, состоящими из трех и более поколений. Отношения в них регулировались жесткой иерархической системой, и авторитет родителей был очень велик. На изменения в этой сфере большое влияние оказали послевоенные демократические преобразования. Особенно важное значение имел пересмотр в 1947 г. Гражданского кодекса, который, по крайней мере официально, предоставил женщинам одинаковые юридические права с мужчинами, отменив старый

патриархальный уклад семьи. Немаловажное значение имел и быстрый экономический рост.

Именно в это время заметное распространение получил процесс образования нуклеарных семей, состоящих только из родителей и детей. Этому в наибольшей степени способствовали два фактора. Во-первых, развитие промышленности, повлекшее за собой уход работоспособного населения в города и создание там семей. Во-вторых, постепенный рост доходов, дававший экономическую независимость. В современной Японии семьи, состоящие из трех поколений, стали редкостью, и их доля только за 1969-1990 гг. снизилась с 20 до 13,5%⁸

Увеличение числа семей из одного или двух человек происходит за счет неженатых или незамужних, вследствие повышения возраста впервые вступающих в брак, или за счет числа молодых супругов, решивших повременить с заведением детей, а также за счет семей, состоящих из одного или двоих стариков. Так, среди людей старше 65 лет доля одиноких увеличилась с 8,5% в 1980 г. до 11,2% в 1990 г., а доля семей, состоящих из двух пожилых людей - с 19,6 до 25,7%. Особенно остро проблема одиноких стариков стоит в крупных городах. Например, в Токио удельный вес старых родителей, проживающих вместе с детьми, упал до 45% против 59,7% в целом по стране.⁹

Одиночество в старости - одна из новых проблем. В семье она требует плановых накоплений. Государству же надлежит заботиться о создании специальных домов для престарелых и развития сети специализированных услуг по оказанию всякого рода помощи на дому. Наконец, поскольку у одиноких людей существуют и весьма серьезные психоэмоциональные проблемы (ради чего жить и чем заняться), их необходимо готовить к тому, что можно наслаждаться и третьим этапом жизни.

Раньше семья рассматривалась лишь как приложение к предприятию и государству. В первом случае это были отношения найма (через рынок труда), распределения

(получения заработной платы) и потребления (на рынке товаров и услуг). Во втором - она несла бремя затрат на общественные услуги (в форме налогов и выплат по системе социального страхования), а также выступала получателем этих услуг (государственное образование, охрана окружающей среды, переработка отходов и т.д.) и перераспределенного дохода (государственные пенсии и выплаты в рамках системы социальной защиты). Другими словами, семья являлась объектом внешних связей предприятия и государства, и интерес представляло лишь ее финансовое положение. Человеком же никто не интересовался.

Профессор экономического факультета Токийского государственного университета Миядзима Хироси предлагает рассматривать семью как некую структуру, подобную, скажем, предприятию.¹⁰ При таком подходе покупка, например, электробытовых приборов в семье будет равнозначна капиталовложениям в оборудование для производства домашних услуг, а уход за детьми и стариками выступает как оказание услуг силами семьи (труд).

Однако, ведь внутрисемейный труд не принимает форму найма через рынок труда, соответственно нет и заработной платы, а услуги по уходу и работа по дому не имеют цены, т.е. в семье бесплатные услуги оказываются бесплатным трудом. В то же время в случае необходимости оставаться кому-то для домашних дел, предложение рабочей силы перемещается из производственной сферы в семейную, и теряется зарплата. Когда заболевает неработающий член семьи, занимающийся обычно домашним трудом, то возникают расходы на стирку, уборку, питание вне дома. Таким образом, получается, что домашняя работа не является бесплатной, а отсутствие заработной платы и цены внутрисемейного труда и семейных услуг объясняется тем, что они не проходят через рынок. Подобные невидимые расходы, а также их бремя статистика объединяет под общим понятием "случайные расходы". Человек, находя-

щийся дома и обеспечивающий быт, приносит в жертву возможность работать и получать зарплату.

Кроме того, внутри семьи происходит постоянное движение денежных средств и собственности, или перераспределение семейного дохода. В Японии наиболее часто оно идет от родителей к взрослым детям, когда и тогда очень велика невидимая часть, не проходящая через рынок и государство.

В результате объединения сферы производства внутри-семейных услуг и перераспределения дохода семья может самостоятельно выполнять функции взаимного страхования. Связь родителей и детей, их взаимная поддержка присущи семье изначально. Однако рост числа нуклеарных семей значительно видоизменяет внутрисемейную систему социального страхования, так как родители и дети и географически, и экономически разобщены. В Японии экономическая независимость нуклеарных семей относительно слаба¹¹. Можно сказать, что и сейчас в ней продолжает существовать система взаимного страхования, присущая семье, состоящей из нескольких поколений. Именно из этого исходит государственная политика в области социального страхования. Она отражена в так называемом "золотом плане" Министерства здравоохранения и благосостояния - "Десятилетняя стратегия развития мер по улучшению бытовых условий лиц преклонного возраста" (на 1995-2005 годы).

Основные особенности этой стратегии состоят в приватизации социального страхования и в сдерживании бремени социальных расходов. Предполагается достаточно широкое развитие частного пенсионного обеспечения, создание платных домов для престарелых и услуг по улучшению бытовых условий. Но они чрезвычайно дороги: зачастую в 10 раз выше, чем государственные. Кроме того, надо иметь в виду, что вряд ли в рамках частного страхования можно рассчитывать на индексацию пенсий. Поэтому очевидно,

что предприятия отнюдь не могут заменить социальные гарантии государства, хотя и служат важным их дополнением.

Социальное бремя японского населения (доля налогов и взносов по социальному страхованию в общем доходе) относительно невелико - около 40% против 50-60% в Великобритании, Франции, Германии или 70% в Швеции и Дании. Согласно расчетам, это бремя возрастет до 50% когда старение нации достигнет своего пика.¹² Помимо увеличения государственных пенсий, важным фактором повышения бремени социальных платежей трудоспособного населения является и улучшение условий жизни стариков, включая больницы и обеспечение их досуга. Причем, решить эту проблему еще сложнее, чем найти средства для выплаты пенсий, поскольку она связана с повышением занятости в социальной сфере при общей нехватке рабочей силы, с проблемой строительства культурных центров из-за высокой стоимости земли. Если в настоящее время старые люди проживают в основном в сельской местности, то в XXI в. состарится поколение тех, кто переместился в города в период быстрых темпов экономического развития. Поэтому уже в ближайшем будущем предстоит создать социальную инфраструктуру, которая обеспечивала бы соответствующие условия для безопасного передвижения людей преклонного возраста по городу, а также позволяла бы им проводить свое время с пользой.

Проблема вероятного одиночества в старости является общей для мужчин и женщин. До войны, когда последний ребенок заканчивал школу, отца обычно уже не было в живых, а матери оставалось жить 4,2 года. Сейчас же и после женитьбы последнего ребенка родителям предстоит прожить лет 15. Правда, и после смерти мужа у среднестатистической женщины в запасе остается 7,6 лет.¹³

Однако изменение жизненного цикла семьи влечет за собой и специфические проблемы в зависимости от пола. Например, мужчинам после выхода на пенсию предстоит теперь весьма длинная жизнь - в среднем 16,8 лет. Поэто-

му вопрос, чем занять себя в старости, подчас оказывается далеко не простым. Ведь они привыкли с утра до вечера работать и почти все свое время так или иначе проводить в фирме (в результате как широкого распространения сверхурочных, так и сложившейся традиции "компания-дом", где досуг также принято проводить вместе с членами рабочего коллектива, после работы зайти в какой-нибудь ресторанчик, чтобы расслабиться, пообщаться в непринужденной обстановке).

Раньше судьба женщины полностью определялась жизнью мужа и детей. Теперь, когда последний ребенок у 34-летней женщины, как правило, идет в школу, она становится свободна и поэтому может, и часто хочет, работать. Все большее число женщин уже не удовлетворяет роль просто матери и домохозяйки. Хотя для подавляющего числа главным по-прежнему остается материнство, а после рождения детей - их интересы.

Это связано с заметными подвижками в системе ценностей в отношениях между мужчиной и женщиной в конце XX века. Постепенно уходит в прошлое разделение их функций: женщина - хранительница очага, мужчина - добытчик. Все больше женщин стремится к самоутверждению и признанию, хотят сделать карьеру. Сокращение средних размеров семьи до 3,22 человека делает японку гораздо свободнее. Еще большую свободу ей дают широкое распространение бытовых электроприборов, огромный ассортимент растворимых и замороженных продуктов быстрого приготовления, большое число ресторанов и кафе, доступных среднему классу, наличие готовой одежды и прочих товаров повседневного спроса и разнообразных услуг. В результате в распоряжении женщины оказывается гораздо больше свободного времени, которое можно, в частности, использовать для работы. Прогрессирующее старение нации значительно облегчает возможности поступления женщин на работу. В 1990 г. в Японии работало 35,8% матерей, имеющих детей дошкольного возраста (в США -

58,4%) и 65% - посещающих начальную школу (в США - 72,6%).¹⁴ По мере взросления детей эти показатели растут.

Конечно, нагрузка, ложащаяся на плечи работающей женщины, чревата стрессами, но японки делают все, чтобы работа не мешала им выполнять роль преданной матери, во всем поддерживающей своих детей, прежде всего в учебе (подчас до поздней ночи занимаясь с ними зубрежкой). Врожденная их склонность к прагматизму помогает совмещать работу с семейными обязанностями. При этом они не стремятся исполнять все свои роли блестяще и не ставят недостижимых целей. Имея свободу выбора и не желая ради работы жертвовать интересами семьи или просто досугом, основная масса предпочитает временный найм или работу на дому, которые позволяют по-своему регулировать рабочий день. (Некоторым приносит удовлетворение участие в общественных движениях и благотворительной деятельности.)

На условия работы женщин оказывают влияние и особенности рынка труда: большое число мелких и средних предприятий и широкое распространение временного найма, где преобладает женский труд. Кроме того, система пожизненного найма и оплаты по старшинству, а не в зависимости от достижений работника, делает нереальным одинаковое отношение к мужчинам и женщинам в трудовой сфере, поскольку последние хотят или должны оставаться дома, пока дети не подрастут. Поэтому женщины стремятся получить такую специальность или квалификацию, которая позволила бы им преодолеть ограничения, диктуемые рынком, и работать в соответствии со своими или семейными интересами.

По данным на начало 90-х годов, значительная часть работающих женщин занималась конторским трудом (около 35%) и участвовала в производстве (20%). При этом четко прослеживалась тенденция сокращения числа занятых традиционно женским трудом: машинопись, уход за детьми и больными, сфера питания, пошив одежды. И наоборот,

выросло число занятых в сферах, ранее считавшихся чисто мужскими: юриспруденция, медицина, журналистика. Кроме того, японки приобщаются и к новым, еще не монополизированным мужчинами сферам, таким как маркетинг, консалтинг. Поскольку растет число работающих и после замужества (в настоящее время 6 из 10), увеличилась и продолжительность непрерывной работы на одном месте. Так, более 10 лет в 1980 г. трудилось 9% всех работающих женщин, а в 1990 г. - 26%. Одновременно повысился и их средний возраст: 36 лет в 1990 г. против 26 в 1960 г.¹⁵

Кривая занятости женщин напоминает в настоящее время букву "М", с двумя пиками: первым - в возрасте 20-24 лет (до замужества и рождения ребенка) и вторым, несколько меньшим, - в возрасте 45-49 лет. Наибольший спад трудовой деятельности отмечается в возрасте 30-34 лет - время рождения и воспитания детей.¹⁶ Еще в конце 70-х годов кривая занятости имела лишь один, первый пик, а сейчас растет и второй. Так, в 1994 г. 71,2% японок в возрасте 45-49 лет участвовали в общественном производстве¹⁷. Это наглядно отражает изменения, происходящие в обществе. Кроме того, наблюдается некоторое снижение доли женщин в возрасте от 25 до 34 лет, бросающих работу, что свидетельствует о том, что все большее их число решает продолжать трудиться и во время беременности и воспитания маленьких детей.

Важно подчеркнуть, что в настоящее время для большинства японок работа не средство выживания (хотя деньги и не лишнее), а прежде всего, сознательный выбор - возможность наслаждаться целым рядом новых, в том числе и экономических, свобод и большей независимостью, а также способ реализации своих возможностей. Поэтому именно они решают, где, когда и на каких условиях им трудиться. И что очень важно - их отношение к работе меняется, а вернее, диверсифицируется. Известный социолог Ивао Сумико делит работающих женщин на две группы: небольшая, талантливая элита (чи амбиции могут даже превосходить

наблюдаемые у многих мужчин) и подавляющее большинство тех, кто может быть не менее талантлив, но не стремится сделать карьеру и вообще слишком много трудиться, а лишь использует работу как способ самовыражения и времяпрепровождения, который не мешал бы выполнению семейных обязанностей.¹⁸

Происходящие с японками перемены столь сильны, что наблюдаются явления, ранее немыслимые. Так, они требуют уважения к себе и своим интересам. Все большее число мужчин с пониманием относится к подобным устремлениям. Хотя большинство по-прежнему склонны к патернализму, растёт число тех (правда, пока они еще в меньшинстве), кто готов разделить семейные обязанности со своими женами и даже полагают, что могут взять на себя часть функций по воспитанию детей.¹⁹

В то же время все больше женщин либо вообще не желают вступать в брак, либо предпочитают делать это позже. (За 1950-1990 гг. средний возраст вступления в брак для них увеличился с 23 до 25,9 лет, причем в городах он еще выше - ближе к 30 годам.) Возросли и требования молодых японок к своим избранникам. Сейчас это три "highs": высокий уровень образования, высокий доход, высокий рост. К тому же на каждые 100 мужчин в возрасте от 20 лет в 1990 г. приходилось 72 незамужние женщины.²⁰

Число браков по любви, по оценкам социологов, возросло с 57% во второй половине 60- годов до 74% в 80-е годы. В то же время брак по сговору, на который в 1992 г. приходилось 20% (700 тыс.),²¹ принял несколько иные формы. Смотрины ни к чему не обязывают, молодым никто не мешает делать свой выбор, но любовь - обычно далеко не единственный критерий. Прагматичные японки принимают во внимание, как уже отмечалось, образование, место работы, а кроме того, и здоровье. Это ставит мужчин в затруднительное положение, а их родители, которые раньше могли весьма придирчиво относиться к избранницам сыно-

вей, сейчас рады вообще иметь невестку и хотя бы в перспективе - внуков.

Тот факт, что мужа практически не бывают дома, несомненно, приводит к росту отдаленности, отчужденности супругов, к тому, что каждый, по сути, живет своей жизнью. В результате весьма заметное распространение получили разводы в пожилом возрасте, причем инициатором все чаще выступает женщина. Когда муж, ставший почти чужим человеком в доме, выходит на пенсию, перспектива ежедневно видеть и обслуживать его, подчас не знающего чем занять себя, становится невыносимой для жены, имеющей собственные интересы, свой круг общения и привыкшей обходиться без участия супруга в каких бы то ни было делах. Поэтому, поделив весьма солидную сумму выходного пенсионного пособия мужа, она решает с ним расстаться. В то же время женщины более молодых поколений требуют, чтобы мужа больше времени проводили с ними, в семье.

Изменения, происходящие в японском обществе с самими женщинами или под их влиянием, являются не чем иным, как необратимой трансформацией самой сути жизненной позиции и жизненного стиля. Например, как показал опрос общественного мнения, молодые люди выбирают модель "работать чтобы жить" в отличие от более старших, "живших чтобы работать" и, не задумываясь, жертвовавших собственными интересами на благо компании, получавших удовлетворение от того, что брали на себя больше, чем от них требовалось. У современной молодежи трудовая мотивация уже совсем иная, она не хочет, чтобы работа мешала личным делам. По-видимому, важную роль в этом играют женщины, которые не предполагают оставаться на одном рабочем месте до конца своих дней, и соответственно поведение их отличается большей независимостью.

Изменения в трудовой мотивации японцев приводят к тому, что сокращение сверхурочных и годовой продолжительности рабочего времени становятся настолько важными, что их начали включать в государственные экономиче-

ские программы. В плане на 1992-1996 годы стоит задача доведения годового количества рабочих часов до уровня существования в Европе и Америке - 1800. Согласно данным Министерства труда, в 1992 г. оно впервые упало ниже 2000 и составило 1972. Прежде всего это связано с рецессией экономики, а также с изменениями трудового законодательства. Так, Закон о трудовых нормативах, введенный в 1994/95 фин.г., предписывает сокращение рабочей недели до 40 часов (с оговоркой для мелких и средних предприятий - им разрешено до конца 1996/97 фин.г. устанавливать 44-х часовую рабочую неделю)²², что составляет 1800 рабочих часов в год. Поскольку в условиях жесточайшей конкуренции отдельным компаниям трудно решиться сделать первый шаг, еще в 1992 г. в стране был принят Закон о временных мерах по сокращению рабочего времени на отраслевом и региональном уровнях.

На протяжении длительного времени не существовало никаких лимитов сверхурочной работы, но рост числа жертв чрезмерных нагрузок (смерть от переработки) вынудил Министерство труда устанавливать определенные ориентиры для компаний. Так, с 1993 г. им рекомендуется воздерживаться от превышения следующих нормативов в расчете на одного рабочего: число сверхурочных в течение одного месяца - не более 45 часов; квартала - 120 и года - 360 часов²³. Членам семей жертв официально признанных перегрузок выплачивается компенсация по программам страхования от несчастных случаев. Но поскольку часто бывает весьма трудно установить истинную причину смерти, далеко не все просьбы о компенсации удовлетворяются.. Например, в 1991 г. 555 семей обращались в компании за признанием факта смерти члена их семьи от переработки, но лишь 93 случая были признаны таковыми²⁴.

Поправки к Закону о трудовых стандартах, принятые в 1987 г., разрешают вводить различные гибкие рабочие графики, и в начале 90-х годов три из десяти компаний (с более чем 1 тыс. занятых) уже ввели их. Что же касается

дискреционных систем, также ставших возможными с 1987 г. для лиц ненормированным рабочим днем (например, журналисты, научные сотрудники), то они применялись менее чем в 1% компаний²⁴.

Очень медленно, но тем не менее внедряется практика предоставления более длительных отпусков внедряется в Японии очень медленно. Однако все большее число компаний идет по другому пути. Например, закрываются на весьма продолжительный срок во время "золотой недели" в апреле-мае (когда подряд идут несколько национальных праздников), и в период новогодних торжеств. В некоторых компаниях людям, проработавшим там 20-30 лет, предлагаются и отпуска продолжительностью до трех месяцев.

Прорыв Японии в мировые экономические лидеры, естественно, не мог не отразиться на жизни людей, и хотя общепризнанным является ее отставание по многим параметрам от других развитых стран, вряд ли кто-либо будет отрицать значительное улучшение условий жизни среднего японца, которые ардинально отличаются от существовавших в довоенный и в первый послевоенный периоды. Несмотря на наличие целого ряда социальных проблем, жизнь его - и это признает большинство - стала богаче. Согласно данным опроса, проведенного отделом связей с общественностью Канцелярии премьер-министра в 1994 г., почти 70% японцев в целом удовлетворены своей жизнью²⁵.

Особое удовлетворение (76,4% опрошенных) вызывает насыщенность домов товарами длительного пользования. Уже во второй половине 60-х годов резко возрос объем продаж товаров, облегчающих домашний труд и сокращающих его время. В 1992 г. 98-99,6% всех семей имели стиральные машины, пылесосы и холодильники. По мере роста доходов стали приобретаться и более дорогостоящие товары отнюдь не первой необходимости. Многие покупают новые стиральные машины, холодильники, пылесосы, телевизоры просто потому, что они имеют больше

функций или управляются компьютером. Постоянно идет процесс обновления бытовой техники, внедрения продукции нового поколения - микроволновых печей и электронных рисоварок, видеомагнитофонов и видеокамер, проигрывателей для компакт-дисков и телевизоров высокой разрешающей способности. Владение этими вещами оказывает непосредственное влияние на стиль жизни. Например, микроволновые печи имеются уже в 80% семей, и их распространение изменило весь процесс приготовления пищи. Наличие в семье автомобиля (в городских районах они имеются в 77,7% семей, а в сельских - в 87,5%)²⁷ значительно расширяет пространственные границы, в которых семья может работать или развлекаться.

Повышение уровня материального благополучия позволяет обратить более пристальное внимание на удовлетворение духовных потребностей. При этом согласно тому же обследованию, 37% опрошенных уже рассматривают досуг и отдых как наивысший приоритет в своей жизни. Среди них особенно высока доля мужчин и женщин в возрасте 20-29 лет и мужчин в возрасте 50-59 лет, которым вскоре предстоит выход на пенсию и принципиально новая жизнь. До недавнего времени только женщины по-настоящему знали, что такое досуг и как приятно его можно провести в музеях, театрах, на вернисажах, в путешествиях, тогда как мужчины, эти настоящие "рабочие пчелы", только и делали, что трудились.

Если в конце 50-х годов у японцев не было понятия досуга как такового, а в период высоких темпов роста у среднего японца были деньги на проведение досуга, но не было времени, то в 70-е годы (ознаменованные двумя нефтяными шоками и самым тяжелым за весь послевоенный период экономическим кризисом) появилось время, поскольку начали вводить систему двух выходных дней, но не оказалось денег. В соответствии с этим менялась и концепция досуга.

В 50-е годы люди работали изо всех сил, стараясь свести концы с концами, и главными способами расслабиться были радио, чтение, борьба сумо или игра в бейсбол. В 60-е годы вместе с ростом располагаемого дохода они начали тратить деньги на досуг - зайти куда-нибудь после работы (что чрезвычайно популярно и сейчас) или устроить пирושку, поиграть в азартные игры или пойти в кино, боулинг, поехать на короткую экскурсию или в групповую поездку с ночлегом на горячие источники (это также очень распространенный вид отдыха и поныне). В это время для обозначения досуга в японском языке использовался термин, обозначающий время для отдыха, оставшееся после работы. Иными словами, в период быстрого экономического развития, когда вся жизнь большинства была сконцентрирована вокруг работы, досуг был временем для отдыха от основного дела жизни и использовался только для того, чтобы на утро делать его еще лучше. У некоторых возникало даже определенное чувство вины за то, что они оторвали время от работы, чтобы наслаждаться жизнью.

В конце 70-х-начале 80-х годов появляется совершенно новый вид проведения свободного времени - самосовершенствование или деятельность, связанная с повышением уровня жизни. В это время наибольшую популярность приобрели занятия спортом для укрепления здоровья - бег, плавание (посещение бассейна стоит очень дешево в Японии), а также занятия, направленные на повышение культурного и образовательного уровня, - широкое распространение получают курсы по обучению различным видам хобби и "сделай сам". Все это - времяпрепровождение, не стоящее больших денег и направленное содержательное использование свободного времени. Иными словами, в этот период время рассматривается как важный ресурс, который следует обдуманно употребить. Все шире начинает применяться термин, происходящий от латинского *liscere* - быть свободным, или иметь запас времени, относительную свободу действий.

В начале 80-х годов возникает третий вид проведения досуга - развлекательный, который широкое развитие получает лишь с конца 80-х - начала 90-х годов, во время "экономики мыльного пузыря". Суть его сводится к развлечению как таковому. Это уже принципиально новая концепция досуга, ничего общего не имеющая с достижением каких-либо, например познавательных целей - будь то отдых, здоровье, образование, общение и т.д.

Традиционно японцы, склонные к организованной, направляемой деятельности, не принимают досуга, если он не приносит какую-то пользу. Новый вид досуга был инициирован молодежью, прежде всего семейными парами (часто живущими под лозунгом "двойной доход без детей" и откладывающими их рождение), а также новым поколением так называемых выходящих в свет жен. Конечно же, и в основе этого лежат экономические причины. Стабилизация экономики вновь привела к тому, что располагаемый доход, пусть незначительно, но увеличивался. Обеспечив основные материальные потребности, японцы обратились к удовлетворению духовных и культурных. Например, согласно специальному опросу о планируемых потребительских расходах, такие статьи, как хобби, путешествия, спорт далеко превосходили показатели основных потребностей в пище, одежде, жилье и образовании.

Одним из первых видимых проявлений такого рода проведения досуга явилось открытие в 1983 г. в Токио Диснейлэнда, привлекшего в первый год своего существования более 10 млн. посетителей²⁸, несмотря на довольно высокую, даже по японским понятиям (где дорого все), стоимость. И сейчас он не бывает пуст - какой разительный контраст с Парижским, терпящим убытки! Дело, видимо, в том, что в этом парке японцы находят совершенно новые для себя виды развлечений и удовольствий.

То же можно сказать и о спорте. Популярны ныне гольф, горные лыжи, теннис, виндсерфинг, подводное плавание, яхты - существенно отличаются от распространенных ра-

нее, связанных с укреплением здоровья, а также с проведением соревнований, в том числе командных, и занятия ими требует гораздо больше денег.

Однако наиболее драматические перемены во второй половине 80-х годов произошли в области путешествий и экскурсий. Особенно резко возросло число туристов, выезжающих за рубеж (чему в значительной степени способствовало повышение курса иены): около 5 млн. человек в 1985 г. и 11,8 млн. в 1992 г.²⁹ Это означает, что выезжал примерно один японец из десяти. Увеличилось и число путешествующих по стране, в 1992 г. их было более 60 млн. человек. Затраты на это в целом составили порядка 1,5 тыс. долл., или более 15% средних расходов семьи на досуг.

Самое же главное заключается в том, что диверсификация видов проведения досуга сама по себе показывает, что отношение японцев к использованию свободного времени стало более разнообразным, и наводит на мысль о качественной трансформации досуга. Пока еще нет достаточно четких данных, иллюстрирующих преимущественную ориентацию досуга на развлечения, однако приведенные примеры - весьма красноречивое тому свидетельство.

В настоящее время более 40% семейных пар и более 50% родителей с детьми не проводят досуг вместе из-за несовпадения свободного времени. Однако ожидаемое сокращение рабочей недели может привести к увеличению времени, возможностей для совместного отдыха.

Согласно данным Института статистической математики, в котором проводилось исследование национального характера, еще в конце 80-х годов все больше японцев хотело бы прожить жизнь в свое удовольствие (более 30%) или вести расслабленный, свободный от беспокойства образ жизни (более 20%). В противоположность этому значительно сократилось число людей, желающих жить по правилам (10% против 30% в 1953 г.) или на благо общества (порядка 2% против соответственно 10%), или упорно тру-

даться, чтобы приобрести известность (менее 1% против 5%).³⁰

Вместе с тем предстоит еще многое сделать, чтобы уровень жизни японцев соответствовал достигнутому экономическому потенциалу страны и мировым стандартам.

¹ См. K.Okamoto. Lifelong Learning Movement in Japan. (Strategy, Practises and Challenges. Tokyo, 1994, с. 3.

² Lifelong Learning Movement in Japan: What is Unique? The Presentation Paper to the International Seminar of the Center for Education Research and Innovation of the OECD, Tokyo, 1994, с. 3.

³ Экономисуто, 21.08.1985, с.102.

⁴ Райфу сайкуру. (Жизненный цикл). Токио, 1993, с.5.

⁵ Там же, с.5,

⁶ По принятой в ООН классификации в стране происходит старение населения, если доля лиц старше 65 лет превышает 7%. В Японии этот процесс начался с 1970 г., и в 1985 г. доля лиц преклонного возраста уже составляла 10,3%. См. Синригаку кара мита гэндай нихондзин-но райфу сайкуру. (Современный жизненный цикл японцев с точки зрения психологии). Токио, 1991, с. 255.

⁷ Райфу сайкуру, с.27.

⁸ Там же

⁹ Там же.

¹⁰ Миядзима Хироси. Корэйка дзидай-но сякай кэйдзайгаку (кадзоку, кигё, сэйфу). (Социальная экономика в эпоху старения населения (семья, предприятие, государство). Токио, 1992, с.114.

¹¹ Там же, с.122

¹² Райфу сайкуру, с.124.

¹³ Имаи Кинко. Райфу сайкуру-но рирон то дзиссай (Теория и практика жизненного цикла). Токио, 1980, с.259.

¹⁴ Статистические данные министерства труда Японии.

¹⁵ Sumiko Iwao. The Japanese Women. New York, 1993, с. 161.

¹⁶ Дзёсэй-но райфу сайкуру. (Жизненный цикл женщин). Токио, 1989, с.42.

¹⁷ Дзёсэй-но райфу сайкуру то сюё кодо.(Жизненный цикл женщин и движение занятости.) Токио, 1995, с.90.

¹⁸ См. Japan Foundation Newsletter, v. XIX, N 3, 1991, December, с. 2.

¹⁹ The Nikkei Weekly, 2.02.1994.

²⁰ Japan Echo, v.XX, N 4, 1993 (Winter), с. 67.

²¹ Асахи, 29.10.1993.

²² Nippon. A Charted Survey of Japan. 1994/95, с. 54.

²³ Labor in Japan. Tokyo, 1993, с. 53.

²⁴ Там же, с. 54.

²⁵ Там же, с.53.

²⁶ Дзёсэй-но райфу сайкуру то сюё кодо. Токио, 1995, с.110.

²⁷ Nippon. A Charted Survey of Japan. 1994/95, с. 299.

²⁸ About Japan Series, № 4, Leisure and Recreation Activities. Tokyo, 1993, с. 7.

²⁹ Leisure and Recreation Activities in Japan. The Leisure Development Center. Tokyo, 1990, с. 37; About Japan Series, N 4, Leisure and Recreation in Japan. Tokyo, 1993, с. 56.

³⁰ Leisure and Recreation Activities in Japan. The Leisure Development Center. Tokyo, 1987.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ И ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

За последнее десятилетие личное потребление в Японии резко усилило свое значение как один из важнейших элементов хозяйственного механизма. Оно все чаще, все очевиднее играет роль палочки-выручалочки в моменты экономических неурядиц. Вот и теперь, когда страна с таким трудом выходит из самой продолжительной и глубокой за весь послевоенный период рецессии, у ее руководителей, по-видимому, нет иной альтернативы, кроме надежд на активность потребителей, долженствующую поправить пошатнувшееся здоровье национальной экономики. Любопытно, что, по расчетам специалистов, лидерство личного потребления в пост-кризисном оживлении сохранится и в обозримой перспективе.

От других субъектов рыночной игры ждать чего-либо подобного нет надежных оснований. И правда, - еще вчера без удержу тратившие направо и налево японские промышленники (а также банкиры, с готовностью ссужавшие им деньги) "стреножены" избыточными производственными мощностями, раздутыми штатами, безнадежными долгами и на удивление плохо продуманными инвестициями. Их беды усугубляются завышенной стоимостью иены, особенно по отношению к доллару, что мешает, прежде всего ведущим фирмам, покончить с последствиями спада с помощью экспорта. Поэтому, к ужасу консервативных в фискальном плане бюрократов правительство старается набить карманы населения звонкой монетой, прибегая и к сокращению налогов и субсидий на жилищное строительство, и к долгосрочным и щедрым программам общественных работ, стимулируя тем самым потребительский спрос.

Занимая действительно стратегические позиции, личное потребление, как легко можно догадаться, буквально впаяно в систему широко разветвленных прямых и обратных связей со

всеми без исключения составляющими социально-экономического и политического бытия. Вряд ли согрешим против истины, если скажем, что на нынешней фазе главным из этих составляющих является интернационализационный процесс с огромной зоной непосредственного и косвенного воздействия. Речь идет о все более интенсивном вторжении в японскую экономическую, политическую и нравственно-этическую специфику соответствующих западных норм и вместе с тем - об энергичных стараниях Японии, со своей стороны, побудить внешнюю среду к восприятию ее собственных ценностей. Пожалуй, с особой силой этот процесс влияет на общественное сознание, а затем и на поведенческие установки японцев, в том числе и не в последнюю очередь, на установки потребительского поведения. Он синтезирует идейную среду, в границах которой, казалось бы, бессистемное, беспорядочное маневрирование людских масс на рынке товаров и услуг подчиняется в каждой временной точке вновь возникающим закономерностям.

Поэтому без изучения конкретных параметров данного процесса, свидетельств его трансформационных качеств применительно к потребительскому поведению постичь глубинную суть динамики этого феномена невозможно. Я уже имел случай¹ отмечать долговременность интернационализации. В настоящее время факторы прессинга, оказываемого на Японию с тем, чтобы она быстрее и полнее открывалась духу интернационализации, весьма разнообразны и порождают в порядке побочного эффекта многочисленные и острые противоречия, пробивают зияющие бреши в заслуженно прославленном национальном консенсусе.

Взять хотя бы тот факт, что на протяжении чуть ли не полстолетия Япония целиком передоверяла обеспечение своей безопасности Соединенным Штатам. Но безопасность по доверенности имела следствием фактическое отключение весомой части национального мышления, вытеснение из него образа нормальной страны, которая попросту обязана располагать средствами самозащиты. Эта проблема вызвала проти-

востояние так называемых изоляционистов и интернационалистов. В предстоящие годы оно будет набирать силу, но в исходе его вряд ли придется сомневаться: уникального положения, существовавшего в условиях конфронтации двух мировых лагерей, не вернуть ни при каких обстоятельствах.

Это делает неизбежной перетряску японской политической системы, сближение ее стандартов с международными, приход демократии более открытого типа с ясно обозначенным центром власти. Давление на правящий истеблишмент исходит и непосредственно из его недр - от могущественной бюрократии, которая теперь признает, что без смелых, решительных и напористых политиков ее мудрые предначертания не удастся претворить в жизнь. И новое поколение лидеров формируется и вступает в борьбу за голоса, в первую очередь, мощного урбанизированного и быстро политизирующегося среднего класса, с его призывами к "чистому правительству" и экономическому дерегулированию на благо потребителей.

Другим важным фактором является удорожание иены, принявшее характер стабильной тенденции. Оно, прежде всего, резко увеличило масштабы не направляемых сверху контактов японцев с иностранцами. Достаточно упомянуть рост числа туристов, выезжающих за рубеж, и постоянно проживающих там японцев. Трудно переоценить эффект ставшего привычным присутствия в Японии иностранных фирм. Работа в них означает ознакомление с западными производственными приемами и усвоение их. Западные фирмы культивируют новые установки: больше индивидуализма, больше настроенности на риск, меньше опоры на патернализм.

Сопровождающий удорожание иены рост удельного веса Японии в мировой экономике также относится к разряду факторов, форсирующих ее интернационализацию и ведущих к возникновению новых противоречий. К стране такого калибра предъявляются очень жесткие, порой ультимативные требования, удовлетворение которых (а на него рано или поздно непременно придется пойти) будет означать глубокую реорга-

низацию хозяйственного механизма, сложившегося за послевоенный период и преимущественно опиравшегося на сбережения, производство и экспорт, успешно соперничавших с личным потреблением. Среди этих требований - ограничение экспорта, увеличение импорта и меры по большему допуску конкуренции на внутренний рынок, сбалансированное сочетание курса на дальнейшее экономическое развитие с меньшей продолжительностью рабочего времени, активизацией защиты окружающей среды и радикальным качественным совершенствованием ряда аспектов повседневной жизни. Уже первые шаги по этому пути предвещают нелегкий переход к хозяйственной модели, в наборе комплектующих деталей которой специфически японские черты либо померкнут, либо будут вообще отсутствовать.

Нельзя, конечно, сбрасывать со счетов известные адаптационные способности Японии. Ее даже сравнивают с лягушкой, помещенной учителем биологии в постепенно нагреваемое ведро с водой для показа ученикам, как это земноводное приспосабливается к каждому очередному уровню температуры (и как эта восхитительная приспособляемость может погубить его, ибо ему и в голову не приходит возможность и необходимость, в конце концов, выпрыгнуть из ведра)². Что же Япония, - выпрыгнет, т.е. безоговорочно капитулирует под напором западных, прежде всего американских, торговых партнеров, "сварится", т.е. обречет себя на хроническую стагнацию в наглухо огражденном анклав, или приспособится? Скорее всего, приспособится, хотя бы и частично. Не исключено, что сработает и старая, поддерживаемая, как мы увидим, определенной частью потребителей традиция, согласно которой благосостояние государства более значимо, чем их личное, и они затянут пояса еще на одну дырочку.

Как бы там ни было, самым впечатляющим психологическим следствием вышеназванных обстоятельств можно, вероятно, считать резко ускорившуюся, ставшую необратимой атомизацию общественного сознания. Фрагментарность его ныне вряд ли намного уступает общемировым эталонам, но если

все-таки попытаться классифицировать основные компоненты, то наилучшим критерием окажется отношение к переходному процессу. Оно олицетворяет критический, формообразующий (но отнюдь не непроницаемый) водораздел, по одну сторону которого господствует предпочтение национальных традиций, а по другую - международных норм. И там, и там встречаются крайности, но в целом доминируют причудливые сочетания оттенков, из которых и вырастает пестрота общей картины, точно соответствующая дроблению некогда монолитных воззрений японцев.

Ярко иллюстрируют происходящее оживленные дискуссии, которые ведутся представителями интеллектуальной элиты. Внутри нее наметился раскол на универсалистов, чувствующих себя на дружеской ноге с западной духовной традицией и сохраняющих при этом трепетное уважение к японским секретам послевоенных чудес, и ориенталистов, погруженных в туманный мистицизм и превозносящих до небес отъединенность Японии и других азиатских стран от чуждого им западного мира. Незабываемым символом происшедшего раскола могут служить речи, произнесенные при вручении Нобелевских премий японскими лауреатами в 1968 г. (Я.Кавабата) и 1994 г. (К.Оэ). Мистическое выступление первого (говорил он, естественно, по-японски) изобиловало пространством цитированием дзэн-буддистской поэзии и не содержало и намека на уступки современному вкусу. Оэ говорил по-английски с французскими вкраплениями, пел дифирамбы М.Твену, Дж.Оруэллу и У.Одену и подчеркнул, что чувствует себя более близким по духу к ирландцу В.Иейтсу, чем к своему соотечественнику Кавабата³. Квази-общей чертой у представителей обоих лагерей является вольное или невольное пестование национализма, - "квази" потому, что национализм тех и других - совершенно разного толка.

Национализм ориенталистов удручающе примитивен. Например, К.Мацумото, автор 60 книг о японском национальном характере, утверждает, что выращивание риса вылепило в стране культуру коллективизма, в то время как скотоводство

явилось идеальной питательной средой для западного индивидуализма⁴. Другой ориенталист, - С.Исихара, подчеркивая сверх всякой разумной меры значение восточных обычаев и ценностей как источников успехов Японии и обретенного ею технологического могущества, даже прозрачно намекнул, что США можно поставить на колени, отказав им в поставках микрочипов для военных нужд⁵.

На противоположном, универсалистском полюсе располагаются адепты так называемого нео-национализма - люди, подолгу жившие и преподававшие за границей, владеющие западными языками и стилем аргументации, признающие неизбежность и полезность конвергенции Японии и столпов мирового сообщества, но вместе с тем отстаивающие за своей страной право на сохранение собственного лица и умело пропагандирующие ее экономическую и социальную практику. Среди идей, сводящих их в довольно большую, хотя и неформальную группу, - неприятие обнаженных форм западного либерализма, если его преподносят в качестве единственно возможной модели развития; новая трактовка причин японского рывка к экономическим высотам и характеристика его перспектив; обоснование целесообразности и необходимости изучения японской промышленной политики и заимствования ее зарекомендовавших себя методов, особенно азиатскими странами.

Некоронованный король универсалистов Э.Сакакибара определяет японскую экономику как "некапиталистическую рыночную". Неосторожное привнесение западного либерализма чревато расширением дифференциации доходов, всеобщим культом денег, вульгаризацией культуры. Признавая необходимость некоторого дерегулирования, Сакакибара ратует за его ограниченность. На его взгляд, японская модель имеет колоссальную образовательную ценность для Латинской Америки, Юго-Восточной Азии и Африки⁶.

Профессор муниципального столичного университета М.Мидзутани склонен видеть корни динамичности японской экономики в токугавской, т.е. доиндустриальной эпохе⁷. Про-

славление этого отрезка истории, предшествовавшего копированию Запада вслед за реставрацией Мэйдзи, понадобилось Мидзутани для того, чтобы резче оттенить самобытность Японии и предостеречь от полного уподобления прочим развитым странам в ходе интернационализации. Против монополии западного либерализма выступает и философ Т. Умэхара, посвятивший себя распространению знаний о японской культуре⁸.

Если национализм ориенталистов навевает неприятные reminiscences о безвозвратно, надо надеяться, ушедших 30-х годах нынешнего века, то нео-национализм универсалистов является не более, чем реакцией на неизмеримо возросшее могущество Японии, и для интеллектуалов только естественно заявить о себе, дать ощутить влияние своей страны за рубежом. Уместно напомнить, что годами Запад критиковал ее как раз за неопределенность позиций, за невыраженность курса, за уклонение от решительных действий. И коль скоро в разгар переходного процесса интернационализации нео-националисты рассчитывают таким образом на самоутверждение, отмежевываясь от бурлящего атавистического национализма старого образца, то это можно только приветствовать. Несколько сложнее обстоит дело с политическими перспективами нео-национализма, интегрирующегося в переходный процесс. Параллельно со смещением японских экономических интересов в азиатском направлении рекомендации неонационалистов, будучи воплощенными в дипломатические действия, могут вызвать нежелательные трения с Западом. Но это совсем не означает превращения Японии в непримиримого противника. Напротив, она крайне заинтересована в сохранении дружеских уз с Европой и США, что может быть использовано в качестве противовеса поддержки ею или, на худой конец, ее терпимого отношения к политическим линиям, которые не по душе Западу.

Как ни странно, целая школа американских специалистов фактически отрицает наличие в Японии переходного процесса (а, значит, сдвигов и в общественном сознании, и в политиче-

ском поведении), считает непоколебимой ее, хотя она уже похожа на решето, отъединенность от Запада. Примыкающих к этой школе ученых и журналистов называют ревизионистами, так как они пересмотрели свои прежние взгляды, согласно которым Япония должна была стать стопроцентно тождественной западным странам⁹. Их главный порок - неумение видеть историческую динамику. Вопреки мнению ревизионистов о всесиилии японской инородной системы или о ее единодушной поддержке народом, она знавала и неудачи. В представлениях возрастающего числа японцев некоторые из ее фундаментальных принципов безнадежно устарели. Поэтому они так или иначе вырываются, как было показано выше, за рамки этих принципов, обеспечивая постепенное продвижение к глобальной космополитической цивилизации. Изменчивый курс потребительского поведения, диктуемый в значительной мере эволюцией общественного сознания, представляет собой весьма наглядную форму такого продвижения.

Чтобы дать, по возможности, приближенную к реалистичной оценку характера этого курса в настоящем и ближайшие десять-пятнадцать лет, необходимо бросить ретроспективный взгляд на его крутые виражи в минувшие десятилетия. Действия японских потребителей на временном отрезке, протянувшимся от послевоенной нормализации до конца 70-х годов, наводят на мысль о существовании в стране того, что я бы назвал "обществом первоначального потребительского накопления". За 80-е годы оно плавно перетекло в "общество потребительской зрелости", сталкивающееся сейчас с определенными трудностями в своем развитии. Их преодоление, возможно, станет отправным пунктом формирования "общества новых потребительских ценностей".

Первоочередными объектами закупочных операций, совершавшихся потребителями зачастую импульсивно, без какого бы то ни было рационального, предварительно составленного плана, явились поначалу (в первой половине 60-х годов) главным образом элементы базисного спроса (продовольствие, - чтобы привыкнуть к сытости; одежда, -

чтобы прикрыть наготу; жилье, - чтобы иметь крышу над головой), но уже тогда стал очерчиваться круг предпочтений, которым было суждено продержаться до сей поры.

Период, в течение которого происходит количественное насыщение базисного спроса, обычно краток. Наличие в его рамках масштабного разброса источников потребительских вожделений при одновременном укреплении их экономической подпорки¹⁰ должно было создать, и в самом деле создало, оптимальную питательную среду для возрастания дискреционных расходов. Другими словами, во второй половине 60-х годов воспарил селективный спрос, т.е. спрос, выплескивающийся за орбиту повседневных нужд. Уже в 1970 г. удельный вес товаров и услуг селективного спроса (правительственное Агентство по вопросам управления и координации относит к ним те, эластичность расходов на которые по общей величине потребительских расходов составляет не менее 0,7), достиг 51,1%. Чем сильнее селективный спрос теснил базисный (в 1965 г. удельный вес первого достиг 55,3%, в 1980 г. - 59,7%, в 1985 г. - 62,7% и в 1990 г. - 64,6%; соответствующие показатели для расходов, связанных с досугом, составили 28,2%, 30,3%, 31,7% и 32,9%¹¹) тем рельефнее проявлялась совершенно новая черта потребительского поведения, возвещавшая о феномене созревания.

На смену стадному синдрому, кстати, породившему у 90% населения чувство принадлежности к среднему классу, пришло неукротимое тяготение к обособлению от себе подобных, к выработке строго индивидуального стиля потребления. Обособленчество как новая черта менталитета и поведения потребителей для демонстрации собственной уникальности и самовыражения, повлекло за собой длинный шлейф симптоматических перемен в содержании личного потребления, которые ознаменовали смещение интересов японцев от богатств материальных к богатствам духовным, появление трещин на фасаде идеологии единого среднего класса¹², а также безвозвратную утрату получателями высоких доходов монопольной позиции законодателей моды, присоединение к ним в этой

ипостаси учащихся подростков и женщин-конторских клерков (эти "офис-леди", как их называют, являются главными в стране гедонистками и "поглотителями" отпусков).

Динамика структуры потребительских расходов запечатлела становление новых приоритетов с не допускающей сомнений ясностью. С середины 70-х годов наметилось медленное, но неотвратимое снижение доли расходов на продукты питания, одежду и обувь, мебель и домашнюю утварь и повышение расходов на транспорт и связь, образование, отдых и развлечения. Растущая популярность потребления услуг дала себя знать не только на уровне перечисленных крупных статей потребительских расходов. Сервисный компонент обнаружил тенденцию к повышению внутри каждой из них. Например, в составе расходов на продукты питания стабильный рост показал удельный вес затрат, связанных с доставкой готовых блюд на дом и посещениями ресторанов, кафе, закусочных и т.п. В структуре расходов на образование опережающими темпами растет стоимость услуг репетиторов. В расходах на отдых и развлечения меньше тратится на книги и прочую печатную продукцию и все больше - на туристические поездки.

Сфера услуг, безусловно, предоставляла потребителю большие возможности для обособления, чем сфера материальных благ, но и здесь имелись эффективные средства, позволявшие осуществить его. Одно из них - переход от коллективной эксплуатации товаров длительного пользования к индивидуальной путем приобретения одной семьей нескольких их экземпляров. С середины 70-х годов парк товаров длительного пользования, число которых в расчете на семью превышает 1, постепенно расширялся, за счет, прежде всего, бытовой электроаппаратуры. Отрасль, ее производящая предоставляла потребителям еще одно средство обособления, а именно, - молниеносный отклик на выброс в продажу технических супер-новинок. Так, при большой распространенности телевизоров с цветным изображением, холодильников и стиральных машин по-настоящему взрывным оказалось переключение части спроса на цветные телевизоры со стереофо-

ническим звучанием, на холодильники объемом более 200 литров, на полностью автоматизированные стиральные машины.

Громадные возможности для обособления создала и информатизация. Текстовые процессоры, персональные компьютеры и факс-машины перевели в домашнее хозяйство процесс создания информации и ее направления во внешнюю среду, а телефоны с автоответчиками и видеомоноксы избавили получателей информации извне от потерь времени, взяв на себя согласование моментов поступления информации с расписанием ее получателей.

Следующим средством обособления явилось вторжение на рынок люкс-товаров, или предметов роскоши (главнейшие из них: модная одежда и аксессуары к ней, автомобили, изделия из кожи, духи, косметика, обувь, часы, ювелирные изделия, меха, шампанское, вина, крепкие напитки, хрусталь, фарфор, серебряная посуда, - все от ведущих дизайнеров). На этом средстве стоит остановиться подробнее, так как оно с непревзойденной точностью передает дух "общества потребительской зрелости" на той его стадии, когда усилия, прилагаемые потребителями ради обособления, становятся неконтролируемыми, возбуждая нечто вроде массовой истерии. Тот факт, что в такое состояние умудрились впасть японские потребители, красноречивее, чем что-либо иное, доказывает, насколько далеко зашла, вопреки всем естественным и искусственным препонам, интернационализация общественного сознания и насколько мощно повлияла она на потребительское поведение.

Бурный рост спроса на предметы роскоши, вышедший на пиковую величину во второй половине 80-х - начале 90-х годов, подтвердил живучесть ряда вебленовских умозаключений, обнародованных в 1899 г.¹³. Как известно, Т.Веблен разработал теорию "демонстративного потребления", исходя из предположения о незначительной роли "поддержания жизни и комфорта" как стимулов потребительского поведения в ситуации, когда все более широкие слои общества становятся зажиточ-

ными. По его словам, завоевание уважения окружающих может быть обеспечено лишь при выставлении богатства на показ. Только выставляемое богатство завоевывает оценку высшей пробы со стороны окружающих.

Согласно постулатам теории "демонстративного потребления", в "варварских культурах" трофеи, будь то имущество или рабы, рассматривались как доказательства успешной агрессии, в современных же обществах обретенное богатство - символ определенного статуса и класса. Поскольку некоторые товары являются своеобразными сертификатами безупречной образованности и изысканного вкуса, потребители стремятся заполучить их по двум соображениям: во-первых, чтобы обозначить свое членство в высших классах, а во-вторых, чтобы обособить себя от остальных, принадлежащих к низшим. Веблен называет мотивы, лежащие в основе первого и второго соображений соответственно "денежным соперничеством" и "завистническим сопоставлением". Мне кажется, что более подходящим названием для обоих был бы чистейший воды снобизм.

Какой конкретно тип товаров имеется в виду? Тип, которому присущ значительный элемент неоправданной, или, как писал Веблен, "предписываемой дороговизны". За последние десятилетия реальные цены многих классических предметов роскоши подскочили в сотни раз, но из-за ширящегося приобщения к зажиточности потребители готовы выплачивать все большие и большие суммы лишь бы продемонстрировать свой высокий статус. Разумеется, это не проходит незамеченным для компаний - производителей предметов роскоши.

Но все-таки почему до 80-х годов закупки люкс-товаров не становились в сколько-нибудь заслуживающих внимания масштабах средством обособления, хотя зажиточность потребителей и в годы экономического чуда, и даже в десятилетие, между двумя нефтяными шоками, стабильно возрастала, и сами они не меньше заботились о своем месте в социальной пирамиде? 80-е годы, особенно их финишная прямая, останутся в анналах истории как время сравнительно легкого обо-

гашения, когда отношение к расходованию заработанного стало доходить до безрассудства. Но перемены произошли как на стороне спроса на предметы роскоши, так и на стороне предложения. Они докатились до Японии по интернационализационным каналам (центры индустрии предметов роскоши находятся в Западной Европе), опьянили общественное сознание и возвели в обыденность отклонения потребительского поведения от рациональных начал.

Первой переменной на стороне предложения было обращение производителей к диверсификационной стратегии, стратегии "торговой марки-зонтика". Она состояла в создании (по преимуществу посредством выдачи лицензий на использование своей символики) дополнительного ассортимента товаров, реализуемых по менее высоким ценам, чем основного ассортимента. Вторая переменная - демократизация. Ее семена посеяла диверсификация, и выразилась она в переключении производителей с исключительно богатейших клиентов на зажиточный средний класс. Его типичными представителями является городская молодежь, которая не может себе позволить "верхушечные" товары основного ассортимента, но охотно раскупает просто дорогие образцы, достаточно престижные, благодаря идентификации с продукцией известных фирм. Третья переменная - интернационализация, т.е. самостоятельный, без посредничества розничных торговцев, прорыв производителей люкс-товаров на международную арену путем открытия бутиков, использования сети торговых представителей из состава своих специалистов или подписания контрактов с заграничными универмагами.

За всеми этими переменными без труда просматривался расчет на покрытие обширных пространств неуловленного спроса в Азии и, в первую очередь, в Японии. И расчет этот блестяще оправдался. Менталитет японского потребителя, особенно из состава средних и верхних прослоек среднего класса, и без того тонко настроенный на волну поисков все новых и новых хитроумных способов обособиться, был заморожен всесокрушающим наплывом товаров с этикетками про-

славленных фирм. На эти товары набросилась и армия японцев, путешествовавших по городам и весям планеты.

По данным на 1987 г., в Японии были проданы сотни автомобилей марок "Мерседес", "Пежо" и "БМВ". Здесь же нашла покупателей половина всех меховых манто, реализованных в мире. Из японцев состояла треть покупателей драгоценностей в магазинах на нью-йоркской Пятой Авеню. "Рассказы о японках, выстраивающихся в длинные очереди у модных лавок дома Шанель в Париже, Гонконге или Гонолулу (во многом благодаря японской клиентуре беспопытный магазин в аэропорту этого гавайского города стал первым в мире центром сбыта предметов роскоши в расчете на квадратный фут площади торгового зала) или расхватывающих все попадающиеся на глаза сумки с монограммой дома Луи Виттон, стали частью фольклора повсюду, куда направлялась масса японских туристических групп", - писал журналист К.Кук¹⁴. В 1989 г. на Японию пришлось 17% сбыта всех предметов роскоши, совокупный объем которого равнялся 46 млрд. долл.¹⁵.

Экономика "мыльного пузыря" оснастила обособленчество еще одной заслуживающей внимания гранью. Со скоростью эпидемии распространилась практика приобретения различных инструментов финансового рынка и рискованных игр с ними. Строго говоря, данное явление подпадает под рубрику накопления, а не потребления, но выбор инструментов осуществляется точно так же, как выбор товаров, да и мотив выбора (выделиться неординарной покупкой) оригинальностью не отличается. Но так или иначе, новейшая разновидность обособленчества была крайней, уродливой формой проявления потребительского ажиотажа, охватившего страну в период накачки "мыльного пузыря".

Показательно, что, анализируя феномен раздувания, С.Брагинский и К.Нисида сочли необходимым подчеркнуть следующее: "Особо следует сказать о воздействии этих процессов на общественную мораль. Когда в результате разрастания спекулятивного "мыльного пузыря" такая мечта рядового японца, как приобретение собственного дома, стала недости-

жимой для большинства людей с неспекулятивными источниками дохода, это вызвало серьезный сдвиг в нравственных ориентирах. Значительное число рядовых японцев тоже попытались принять участие в биржевой игре. Именно эти игроки, наряду с некоторыми неудачливыми дельцами, оказались в числе наиболее пострадавших впоследствии от краха “мыльного пузыря”. Психология общества массового потребления уже начала складываться в Японии с семидесятых годов ввиду резко повысившегося уровня жизни. Однако в восьмидесятые годы эта психология во многом стала приобретать нездоровый характер. Весьма негативную роль в данном случае играли примеры роскошного стиля жизни спекулянтов. Ослабили стимулы к сбережениям, которые не успевали за ростом цен на рынке недвижимости”. И еще: “Когда бум в финансовой сфере, возможно, первоначально вызванный действительно улучшившимися экономическими перспективами, появлением новых товаров и т.д., т.е. вполне оправданный, вызывает к жизни спекулянтскую этику легкой наживы, когда в игру спешат ввязаться со своими скромными сбережениями ничего не понимавшие в этом люди и инвестиционные фонды, которым они доверили свои сбережения, возникают двоякие негативные последствия. Во-первых, появляется возможность для злонамеренных спекулянтов с большой легкостью “находить дурака” - рождаются стимулы к общественно вредной спекуляции... Во-вторых, в финансовую сферу отвлекаются средства, которые иначе использовались бы на другие цели...”¹⁶.

Обособление вообще и опирающееся на предметы роскоши и инструменты финансового рынка, в особенности, обходится недешево. Японские потребители долгое время были известны своей сдержанностью и привычкой расплачиваться наличными. Но перед кредитными приманками, предложенными им при раздувании “мыльного пузыря”, они не сумели устоять. Размах их заемных операций сделался, по местным стандартам, прямо-таки головокружительным. И после того, как “мыльный пузырь” лопнул, потребительские долги, в том

числе и невозвратимые, безнадежные, а с ними и персональные банкротства начали расти подобно снежному кому. Общая потребительская задолженность увеличилась с 9 трлн. иен в 1979 г. до 67 трлн. иен в 1990 г.; по состоянию на 31 января 1992 г. у 11 городских банков накопилось на 800 млрд. иен "проблемных" потребительских займов; число персональных банкротств с 11,5 тыс. в 1990 увеличилось до 17,0 тыс. в 1991 г. и, по оценке одного из агентств-выколачивателей долгов, должно было достигнуть 30 тыс. в 1992 г.¹⁷.

В конце 80-х - начале 90-х годов обосаженчество во все меньшей степени выглядело показателем рафинированного вкуса, интеллектуальной пронцательности, эстетического чутья и во все большей - системой поступков чисто поверхностного разбора, лишенных эмоциональной глубины. Понятие "высококласности" товара или услуги сплошь и рядом отождествлялось только с высокой ценой.

Настроения такого сорта мгновенно отметили некоторые производители. Не поспевая за спросом на новинки прорывного характера они увлеклись было приращением к ранее сконструированным и запущенным в оборот моделям малозначимых элементов вновь созданной стоимости и на этом основании начали наперегонки непомерно набавлять цены.

Рецессия, накатившая на страну с неотвратимостью цунами, представила собой настолько убийственную антитезу угару экономики "мыльного пузыря", что поначалу потребители впади в состояние сильнейшего замешательства. Вроде бы прочный фундамент, на котором покоилось их поведение, заколебался, вызвав в памяти образы времен нефтяных шоков 70-х годов, когда в общественное сознание внедрялись идеи об экономии-добродетели. Замедление роста фактических (в 1994 г. они абсолютно сократились) и располагаемых доходов сразу же сдержало потребительские расходы (особенно в реальном выражении) и бесспорно угнетающим образом повлияло на динамику коэффициента склонности к потреблению. Если дополнить картину данными о сжатии масштабов потребительского кредита, то чувствительный спад потребительской активности станет оче-

видным. Аппетиты приходится умерять, тратить заработанное, по возможности, только в нужные моменты и по необходимости, т.е. более дисциплинированно, зорко следить за распродажами, не проходить мимо торговых точек, торгующих со скидками.

Вместе с тем анализ качественного аспекта поведения потребителей выявляет знаменательный факт их раскола примерно по таким же линиям, по каким происходит описанный раскол в среде интеллектуалов.

Одна часть сохраняет верность международной моде, вообще западной продукции, причем далеко не только потому, что многие импортные товары заметно подешевели ввиду удорожания иены. Для этих потребителей (их со спокойной душой следует причислить к универсалистам) ценно также приобщение к классическим, традиционным элементам западного стиля, вне зависимости от того, заключены ли они в предметах роскоши или продуктах питания. Так, итальянец Дж.Армани, один из дизайнеров популярных у 30-40-летних (т.е. молодых по японским меркам) менеджеров среднего звена, в рецессионные годы реализовывал в Японии 15-20% от объема своих общемировых продаж. Ему, правда, пришлось смириться со снижением цен (на 25% в 1994 г. по сравнению с 1993 г.), но, по отзывам клиентов, им импонирует, в первую очередь, не сниженная цена, а “вся западная концепция одежды”, - покрой, соотношение отдельных элементов, выбор тканей и цвета, обработка карманов и лацканов и т.д. Даже у дома Версаче, яркие цвета и “где-то сексуальный покрой” изделий которого воспринимаются как гандикапы на японском рынке, выручка от продаж в Японии в 1993 г. достигла 11 млрд. иен, что превратило ее в важнейшего азиатского потребителя продукции этой фирмы.

То же можно сказать о фундаментальном сдвиге в японской диете. Каждый день и в каждом городе часов в 12 люди становятся в длинные очереди перед ресторанами Мак Дональдс и Кентакки фрайд чикен. А вечерами на улицах в жилых кварталах разносчиков с традиционными блюдами из риса и лапши теснят флотилии ярко-красных мотоциклов, на которых намалеваны на-

звания компаний, торгующих пиццей, тако (блинчики с мясом или сыром по-мексикански) и другими западными деликатесами"¹⁸.

Совсем по-иному ведет себя другая часть потребителей, которых так и хочется окрестить националистами-ориенталистами. На рецессию они отреагировали поворотом к строгой одежде отечественных производителей и к грубоватой эдосской кухне. Относительная дешевизна и на сей раз не играет главной роли. Поведение их диктуется, скорее, идеологическими мотивами. И помимо упомянутых выше интеллектуалов-националистов, эта категория потребителей заполучила недавно нового гуру. Им стал К.Накано, выпустивший в октябре 1992 г. книгу под символическим названием - "Концепция честной нищеты". В первые полгода было распродано 600 тыс. экземпляров, а автор был завален письмами читателей. Администрации нескольких компаний приобрели оптовые партии книги для распространения среди своих работников.

Причина сногшибательного успеха сочинения К.Накано не столько в содержании (больше всего места уделено в нем скучному повествованию о бесхитростном существовании видных исторических деятелей страны), сколько в "везучести" автора. Не нарочком он "поймал" настроения той социальной прослойки, которая, повторяя известное изречение, слишком сильно обиделась за державу. За державу, где алчные спекулянты были наказаны провалом рынка недвижимости и рынка ценных бумаг, взяточники-политики - унижительными скандалами, где у простого люда полегчали бумажники и где многочисленные и повсеместные приметы интернационализации и впрямь могут показаться угрожающими всему "исконному и посконному". Личным ответом членов этой прослойки на переживаемое страной является неприязнительность в организации быта, хотя о возврате к древнему аскетизму никто и не помышляет, и отчаянное цепляние за все, на чем лежит отпечаток традиционного, национального, японского.

Раскол массы потребителей - не единственное сопутствующее обстоятельство, указывающее на приближение "общества потребительской зрелости" к поворотному пункту, за которым возможна его настолько глубокая мутация, что впору будет говорить о

третьем варианте общества, определяемого по характеру потребительского поведения. Другие обстоятельства можно подразделить на "внутренние" и "внешние".

К первым относятся 1) затрудненность межличностных коммуникаций ввиду замыкания индивидов в микрокосмосе, чрезмерной поглощенности мыслями и действиями, связанными с соблюдением своих и исключительно своих интересов; 2) дискомфорт, вызываемый неопределенностью, неконкретностью, неясностью потребительских пожеланий в обстановке сокращающегося притока новых и привлекательных товаров и услуг; 3) близкая к наркотической зависимость потребительских решений от рекламы, подаваемой многочисленными информационными источниками.

Среди вторых, - 1) постарение рабочей силы и всего населения, что, с одной стороны, может уменьшить потенциал хозяйственного роста и ограничить потребительскую активность молодежи и средневозрастных прослоек, которые будут вынуждены экономически, через налоги и взносы в фонды пенсионного страхования, поддерживать высоковозрастные прослойки, а, с другой - превратить эти последние в демографическое большинство и, соответственно, в главных субъектов потребления, когда товаров и услуг, отвечающих их образу жизни и вкусам, катастрофически не хватает; 2) усиление неопределенности судеб японской системы трудовых отношений, вероятное выпадение ее опорных конструкций, что может внести смятение в души многих представителей наемного персонала, лишаемых редкой привилегии с высокой степенью точности предвидеть свое материальное положение на отдаленных этапах жизненного цикла и в соответствующем ключе строить свои потребительские планы; 3) растущий урон, наносимый потребительской деятельностью окружающей природной среде и ставящий на повестку дня вопрос о прекращении ее безграничной экспансии.

По мнению специалистов-прогнозистов из Японского центра экономических исследований, оптимальный путь приспособления к "внутренним" и "внешним" сопутствующим обстоятельствам - балансировка, уравнивание личных и коллек-

тивных потребностей, добавление к ориентации на "я", господствующей в "обществе потребительской зрелости", ориентации на "мы", что заложит основы "общества потребительского сосуществования (или симбиоза)"¹⁹. В этой формуле выделяются четыре "симбиозных уровня", на каждом из которых должна быть достигнута гармония отношений между индивидом и различными сферами его жизнедеятельности (семья, локальное общество и государство, предприятия и окружающая биосреда).

Под внутрисемейным сосуществованием, охватывающим отношения супругов, родителей с детьми, дедушек и бабушек с внуками, подразумевается, к примеру, добавление к расходам на персональное существование затрат, производимых в общесемейных интересах (приобретение услуг, связанных с ведением домашнего хозяйства, с уходом за престарелыми и больными членами семьи, с совместным проведением свободного времени, и т.д.).

Сосуществование с локальным обществом и государством предполагает смягчение односторонности требований (самих по себе безупречных) к ним о помощи и защите и частичное принятие на себя этих функций (например, приобретение услуг, связанных с обеспечением безопасности внутри микрорайонов, принимая во внимание беспризорность домов, хозяева и хозяйки которых днем находятся на работе, или увеличение числа семей, состоящих только из стариков и старух, а также расходование какой-то доли свободного времени на общественную работу).

Сосуществование с предприятиями базируется на обоюдном компромиссе: предприятия продлевают промежутки между выбросом на рынок новых товарных моделей, сокращают невероятно раздутый товарный ассортимент, с крайней осторожностью используют полученные ими сведения о характерных чертах и вкусах потребителей, а эти последние воздерживаются от неоправданно частого обновления своих товарных наборов, предпочитают выбирать те, при изготовлении кото-

рых используются материалы, годные для рециклирования, и по этой причине мирятся с их удорожанием.

Сосуществование с окружающей биосредой строится на предпосылке, что потребители, бывшие ранее жертвами экологических преступлений предприятий, сами стали источниками загрязнения суши, воды и воздуха и должны изменить жизненный стиль, чтобы предохранить природу планеты от неминуемой гибели (например, ради энергосбережения следовало бы сократить продолжительность ночных телевизионных передач и ночных смен, не нашпиговывать домашние хозяйства крупногабаритной бытовой электроаппаратурой да еще в нескольких экземплярах, ограничить количество автомобилей в одной семье и т.п.).

Что и говорить, прогнозисты нарисовали идиллическую картину потребительских обязанностей, картину плодов их неукоснительного исполнения. Но, во-первых, термин "сосуществование" в предлагаемом ими контексте нельзя признать удачным: он, по-моему, не добирает по части динамичности, который давно и безраздельно его монополизировал. А, во-вторых, и это самое главное, - ставка практически только на моральное совершенствование десятков миллионов людей делает очень сомнительной реализацию прогноза в намеченные сроки.

Тем не менее теоретический раздел прогноза (до 2010 г.) не лишен достоинств, и они легко идентифицируются: авторы черпают свои доводы из концепции качества жизни. Так не резоннее ли предположить, что в предстоящие полтора-два десятка лет "общество потребительской зрелости" совершит революционный поворот к задачам эпохального повышения качества жизни? Что оно начнет эволюционировать в "общество новых потребительских ценностей", подобающее место среди которых займут и постоянные заботы о строительстве гармоничных отношений между людьми как членами семей, локальных обществ, как работниками предприятий, гражданами страны и мира и которыми будет определяться потребительское поведение?

Задачи повышения качества жизни многогранны и подвержены изменениям во времени. В сегодняшней Японии, однако, они отлиты в до предела четкую форму: элиминировать ситуацию, при которой "солдаты индустрии", на своих плечах вынесшие страну к замечательным экономическим успехам, выслушивают от своих семей жалобы на то, что они не ощущают себя зажиточными (и это при том, что, судя по объективным статистическим данным, зажиточность японцев очевидна). В чем же причина отсутствия у многих из них, казалось бы, естественного в их положении ощущения? Ответ однозначен: интернационализирующееся общественное сознание избирает эталоном для сопоставлений не японские реалии довоенной и начальной послевоенной поры, не нынешние реалии развивающихся стран, а прицельно - реалии верхней прослойки среднего класса в развитых западных странах. И самыми яркими и запоминающимися представляются: проживание в просторных домах, расположенных в изумрудно-зеленой субурбии, менее продолжительное рабочее время, более продолжительные отпуска, менее высокие цены товаров и услуг. Вот на этой, в общем-то, узкой полосе, по-видимому, и сосредоточатся в конце XX - начале XXI в. потребительские ожидания.

Трудно сказать, когда японское общество заслужит (и заслужит ли?) право именоваться "обществом новых потребительских ценностей". Слагаемые высокого качества жизни не приходят сами по себе, обретение их требует неустанной и кропотливой работы. Сверх того, далеко не "нейтрален" и характер использования обретенных слагаемых. Кстати, на эту тему когда-то исчерпывающе высказался Л.Эрхард²⁰. Можно быть твердо уверенным лишь в том, что поведение японских потребителей самой логикой интернационализационного процесса, интегрирующего страну в мировое сообщество, будет все более универсализироваться, последовательно воспринимая глобальные тенденции и гибко приравнивая извлеченный опыт к регулированию сугубо местных проблем.

-
- ¹ См., например, Япония: полвека обновления. М., 1995, с. 321-386.
- ² The International Herald Tribune. 05.22.1995.
- ³ The Economist. 01.14.1995, с.17.
- ⁴ Бойсу, 1988, № 6, с. 115-116.
- ⁵ S.Ishihara. The Japan that can say no. N 4, 1994, с. 21.
- ⁶ The Economist. 08.05.1995, с. 61-62.
- ⁷ The Economist. 01.14.1995, с. 19.
- ⁸ См. В.М.Гайдар. Националистическая идеология в духовой жизни Японии. М., 1989; Т.Г.Сила-Новицкая. Культ императора в Японии. М., 1990.
- ⁹ Последняя по времени выхода “ревизионистская” книга: T.Fallows. Looking the Sun. Vol. 4, 1994.
- ¹⁰ The Problem of Middle Age. A Profile of Consumer Society in 2010. Tokyo, 1993, с. 9.
- ¹¹ Там же.
- ¹² С годами все большее число респондентов заявляет о своей принадлежности к различным прослойкам среднего класса (низшей, средней, верхней), а не просто к этому социальному образованию.
- ¹³ Т.Веблен. Теория праздного класса. М., 1984.
- ¹⁴ The International Herald Tribune. 03.07.1994.
- ¹⁵ The Economist. 12.26.92-01.08.93, с. 93.
- ¹⁶ Япония: полвека обновления. М., 1995, с. 275, 287-288.
- ¹⁷ Нихон кэйдзай симбун. 01.31.1992; The Economist. 02.08.1992, р. 98. Замечу, что потребители пошли на риск банкротства, несмотря на резко отрицательное отношение к такому “провалу” домашнего хозяйства со стороны общества и угрозу строгих штрафных санкций (одни лишь первоначальные судебные издержки могут составить 200 тыс. иен). Служащие, объявляющие о своем банкротстве, чаще всего лишаются места и испытыва-

ют огромные трудности, пытаюсь найти новую постоянную работу, а их дети подвергаются нападкам и бойкоту в школе.

¹⁸ The International Herald Tribune. 01.27.1993.

¹⁹ Кёсэй ката сёхи сякай (Общество потребительского сосуществования). Токио, 1993, с. 100-102.

²⁰ "С растущей производительностью и с более высокой эффективностью труда человека мы когда-нибудь придем к фазе развития, когда перед нами встанет вопрос, что в сущности важнее и ценнее: работать еще больше или вести более удобный, красивый и свободный образ жизни, отказываясь при этом, быть может, сознательно, от потребления и использования ряда имущественно-хозяйственных благ. Но я полагаю, что "так далеко" мы еще не ушли вперед. Пройдет, вероятно, еще некоторое время, пока мы не достигнем такой степени развития, когда нам придется подойти вплотную к разрешению этого вопроса. Конечно, следует надеяться, что к тому времени народ достигнет того состояния "просветленности", при котором он сможет найти пути и способы для разумного использования своего удлиненного свободного от работы времени. Но некоторый опыт, также и в других странах, настраивает скептически и доказывает, что удлиненное свободное время, предоставленное в результате требований, основывающихся на желании повысить материальное потребление (что само по себе противоречиво), не послужило ни душевному благу отдельного человека, ни его внешнему благополучию" (Л.Эрхард. Благосостояние для всех. М., 1991, с. 218).

Т.Н.Матрусова

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАРЕЮЩЕГО ЯПОНСКОГО ОБЩЕСТВА

Заглядывая в XXI век, японское общество пытается предугадать свое будущее и те проблемы, с которыми ему придется столкнуться. Далеко не все из этого будущего в настоящее время имеет четкие очертания, многое и вовсе предсказать невозможно. Но тенденции, обусловленные ускорением процесса старения населения, относятся к числу тех явлений, которые, развиваясь в течение по крайней мере последних двух десятилетий, уже сейчас во многом понятны и прогнозируемы.

В течение уже нескольких лет Япония по продолжительности жизни возглавляет список стран мира, оставляя с большим отрывом позади всех своих конкурентов в этой области. По данным на 1991 г., этот показатель для мужчин превышал 76 лет, а для женщин - 82 года. Повышение продолжительности жизни происходит одновременно с процессом падения рождаемости в стране. Если даже исключить из сравнения послевоенные годы, характеризовавшиеся резким ее увеличением, и принять за точку отсчета предвоенный 1940 г., то за прошедшие полвека доля населения в возрасте до 15 лет сократилась вдвое (с 37% до 18%), а к 2020 г., как ожидается, она снизится до 16%. В начале 90-х годов уровень фертильности (число рождений на одну женщину) был гораздо ниже отметки 2,1, которая необходима для воспроизводства численности населения на современном уровне, и составляла 1,53.

Уже не одно десятилетие снижение темпов рождаемости не компенсируется повышением продолжительности жизни, темпы прироста населения замедляются из года в год, что заставляет прогнозировать его приостановку в будущем, за которой последует и абсолютное сокращение численности жителей. Эти прогнозы становятся все более

пессимистичными, и наступление переломного момента в этом процессе ожидается специалистами все ближе к настоящему времени. По последним предсказаниям Института проблем народонаселения при Министерстве здравоохранения и благосостояния Японии от 1991 г., своего пика население достигнет не в 2013 г., как считалось в 1986 г., а на три года раньше и составит вместо 136 млн. человек на 6,6 млн. человек меньше.

Как полагают в настоящее время, в дальнейшем реверсивном процессе наступит знаменательный момент, когда численность населения составит 100 млн. чел. Считается, что это произойдет в 2069 г. Примечательно, что к этому числу Япония придет через 100 лет после того, как оно было впервые достигнуто (1967 г.). Ситуация однако к тому времени сложится совершенно иная, чем век назад, с иными последствиями для экономики и общества в целом.

Прежде всего, в отличие от 60-х годов XX века общество будет глубоко старым. Убыстрение процесса его старения началось практически сразу после войны, когда к началу 50-х годов закончился послевоенный бум рождаемости и начала расти продолжительность жизни. В 70-е годы Япония уже входит в официальный список ООН, регистрирующий старые общества, к которым причисляются все страны, в структуре населения которых доля возрастной когорты старше 65 лет превышает 7%. К началу 90-х годов эта доля в Японии увеличивается еще на 5 процентных пунктов и достигает 12%, свидетельствуя о дальнейшем ускорении темпов процесса старения общества. В 1990 г. уже 14,9 млн. из 123,3 млн. человек были старше 65 лет.

Однако в настоящее время, несмотря на гораздо большую интенсивность этого процесса, уровень постарения населения по сравнению с другими странами здесь пока еще ниже. Согласно прогнозам, темпы старения населения Японии в конце XX - начале XXI века еще возрастут. Доля старших поколений составит в структуре населения от 23 до 25% к 2020 г.¹, а их численность - около 33 млн. чело-

век. К этому времени Япония превратится в абсолютного чемпиона в списке старых обществ, поскольку ею будет обойден даже такой стабильный лидер в этом соревновании, как Швеция.

На фоне продолжающегося роста престарелых численность трудоспособного населения (граждан старше 15 лет) примерно с 2000 г. станет сокращаться абсолютно. Так, если в 1995 г. лица в возрасте от 15 до 65 лет составили, по оценкам специалистов, 87,1 млн., то в 2000 г. их будет 86,4 млн. чел.². Доля же этой возрастной категории, являющейся в составе трудоспособного населения основным источником рабочей силы, начала сокращаться уже в течение первой половины 90-х годов. В 1990 г. в структуре всего населения она составила 69,7%, что явилось результатом сохранявшейся до тех пор тенденции к ее росту, а затем, по прогнозам, должна была снизиться до 69,4%. Причем с середины 90-х годов новая тенденция к ее падению станет постоянной характеристикой демографического процесса.

Тенденцию к падению (с 65,7% в 1965 г. до 63,6% в 1994 г.) проявила и доля рабочей силы в составе трудоспособного населения. Еще более отчетливо видны изменения, происшедшие за этот период в ее возрастной структуре³. Если в середине 60-х годов доля молодежи до 35 лет (48,2%) была несколько больше этого показателя для лиц зрелых возрастов (от 35 до 65 лет, 47%), то к середине 90-х картина меняется на противоположную. В 1994 г. на молодежь приходилось уже менее трети (33,0%) рабочей силы, а ее зрелая часть составляла уже 60,5%. Постоянно росла и доля пожилого контингента старше 65 лет.

Таблица 1

Возрастная структура рабочей силы
Японии с 1965 г. по 1994 г.

Возраст год	от 15 до 35 лет	от 35 до 65 лет	65 лет и старше	Всего
1965	48,2	47,0	4,8	100

1970	45,7	49,8	4,5	100
1975	41,8	53,6	4,6	100
1980	37,8	57,3	4,9	100
1985	33,4	61,6	5,0	100
1990	32,2	62,2	5,6	100
1994	33,0	60,5	6,5	100

Составлено по: Родо токэй ёран, 1995, с.32-33.

Ожидается, что к 2000 г. доля лиц в возрасте 65 лет и старше в составе рабочей силы достигнет 7,1%⁴.

После 2000 г. к возрастной группе старше 55 лет присоединится поколение страны, которое появилось на свет в период первого послевоенного бума рождаемости (1947-1949 гг.); второй бум относится к 1971-1973 гг., т.е. к периоду пика фертильной зрелости первого. Это знаменательное событие откроет новый этап в процессе старения рабочей силы. Во-первых, благодаря многочисленности нового поколения стариков этот процесс ускорится. Во-вторых появятся качественные изменения, которые начнутся в старшем отряде рабочей силы; это произойдет ввиду того, что пополняющие его контингенты будут состоять отныне исключительно из людей, сформировавшихся в период экономического процветания и пользовавшихся его плодами. Это поколения, для которых очень характерен высокий уровень образования, квалификации и жизненных притязаний; и субъективно они стремятся к высокому стандарту трудовой жизни и объективно его заслуживают. Между тем, современное состояние рынка труда далеко не всегда отвечает потребностям этой части рабочей силы.

Тенденция к ее старению явится причиной значительных изменений в соотношении спроса и предложения на рынке труда в будущем, что, в свою очередь, вызовет необходимость в корректировке действий в этой области, как со стороны государства, так и предпринимательства.

В возрастной структуре спроса на рабочую силу в промышленности к 2000 г. произойдут значительные изменения. Около трети (вместо 23% в 1980 г.) необходимого коли-

чества рабочей силы, как ожидается, должна быть моложе 30 лет. Менее 50% (вместо 60%) придется на возраст от 30 до 55 лет. Относительно большим спросом, чем прежде будут пользоваться и работники старше 55 лет: в 2000 г. на них будет приходиться 22,4% (вместо 16,4% в 1980 г.). В целом же работники старше 30 лет будет пользоваться относительно меньшим спросом, чем прежде.

Что касается предложения рабочей силы в будущем, то основные различия сформируются не на возрастной границе в 30 лет, а внутри зрелых поколений. Относительно снизится значение группы в возрасте от 30 до 55 лет и, напротив, повысится - тех, кто старше 55 лет⁵

В результате ожидается, что в промышленности образуется значительное превышение спроса над предложением в отношении рабочей силы в возрасте до 30 лет. По сравнению с началом 80-х годов в 2000 г. он возрастет в 1,5 раза, при том, что предложение останется на прежнем уровне. Спрос на работников в возрасте старше 30 лет, напротив, в целом будет ниже предложения⁶. Этот прогноз был составлен Агентством экономического планирования Японии в 1980 г., исходя из предположения, что в будущем сохранится существующая практика найма и система заработной платы. Между тем, изменения в области управления трудом, как показывают события последних лет, видимо, предстоят значительные, и вряд ли улучшат ситуацию на рынке труда для старших поколений.

Как известно, отличительной чертой японской системы управления трудом после войны стала ее ориентация на закрепление за фирмами кадрового ядра персонала на весь срок трудовой деятельности (так называемый пожизненный наем). При этом работников заинтересовывали в длительном труде на одном месте с помощью повозрастной заработной платы.

Возраст фигурирует в японском менеджменте и как один из главных показателей пригодности рабочей силы. В систему пожизненного найма можно попасть лишь в опреде-

ленном возрасте - сразу после окончания учебного заведения. Два-три года спустя молодой человек, который неудачно попробовал свои силы на каком-либо предприятии, может навсегда распрощаться и с надеждой вновь привлечь внимание солидной фирмы, и завязать с ней долгосрочные отношения.

Молодость как свидетельство неангажированности, как период человеческой жизни, предназначенный для формирования системы ценностных ориентаций личности привлекает фирму больше, чем подготовленность выпускника школы к определенной практической деятельности. Поэтому молодежь чаще всего поступает на работу, не имея специальности. Предполагается, что квалификация будет приобретена уже в процессе труда, и чем дольше человек работает на одном месте, тем более ценным работником он становится, ибо обогащен опытом. В соответствии с этим строится и вся система стимулирования труда в Японии. Совсем не случайна широкая распространенность здесь так называемой оплаты по старшинству, одним из основных критериев которой является возраст.

В условиях пожизненного найма он же является причиной увольнения работника (если до этого он не ушел сам, либо не был отчислен за какую-то провинность, что бывает крайне редко). Достигнув определенного (так называемого предельного) возраста, работник должен покинуть свою фирму, что ему заранее известно. Это как бы принудительное увольнение не вызывает возражений ни с его стороны, ни осложнений для фирмы. Компенсацией в этом случае и средством вознаграждения за длительный труд в фирме служит выплачиваемое крупное единовременное пособие, размер которого позволяет решить большие жизненные проблемы (приобретение жилья, образование и браки детей, обеспечение остатка жизни). Таким образом, с возрастом работников связан весь замысел системы пожизненного найма, на нем строится концепция менеджмента и его управленческая технология.

В течение довольно длительного времени после войны повозрастная тарификация персонала вполне соответствовала действительному нарастанию его квалификации и уровню результативности труда, что способствовало поддержанию эффективности системы управления трудом на основе пожизненного найма. Однако со временем под влиянием целого ряда факторов в этой системе нарастали противоречия. Изменения в технологии производства, особенно сильные в связи с внедрением микроэлектроники, привели к несоответствию между ростом опыта работника и его квалификацией. Возраставшая в связи с этим потребность в индивидуализированном подходе к оценке труда не могла быть вполне удовлетворена с помощью прежней системы оплаты по старшинству.

Такой подход к оценке труда постепенно менял отношение к опыту и возрасту работников. Молодежь, легко приспосабливающаяся к новым технологиям, быстро меняющая свою профессию, способная к повышению квалификации, отвечающей потребностям развития производства, начинает представлять собой главный объект внимания фирм. Между тем, на рынке труда под влиянием демографических процессов ситуация развивается в направлении, обратном этим новым интересам компаний, поскольку возрастная структура рабочей силы быстро меняется в пользу ее старших категорий.

Погоня за молодежью неизбежно вела к повышению рыночной цены ее труда, а в условиях повозрастной заработной платы - и к росту стоимости рабочей силы в целом. Это составляло разительный контраст с прошлым, когда постоянный приток дешевой молодой рабочей силы, с одной стороны, и естественное выбытие работников старших возрастов - с другой, обеспечивали непрерывное обновление кадрового состава компаний и поддержание совокупной стоимости рабочей силы на постоянно низком уровне.

Изменение демографической ситуации привело к увеличению среднего возраста персонала промышленных ком-

паний. Если в 1960 г. он составлял для мужчин в промышленности 31,8 года, то в 1965 г. - 32,6, в 1977 г. - 34,2, в 1975 г. - 37,6, а в 1980 г. - 38 лет⁷.

Совершенно очевидно, что старение кадров в условиях повозрастной оплаты труда самым непосредственным образом влияет на рост расходов компаний на заработную плату. Ввиду того, что все прочие затраты на рабочую силу в Японии, в свою очередь, зависят от уровня заработной платы, это ведет к общему повышению совокупных расходов на рабочую силу. Характерно и то, что такое повышение происходит прежде всего за счет работников старших возрастов, т.е. той части рабочей силы, которая в новых условиях научно-технического прогресса отличается уже наименьшим уровнем эффективности труда.

Та благоприятная тенденция в динамике удельной оплаты труда (отношение фонда заработной платы к объему добавленной стоимости), которая была характерна для Японии до начала 70-х годов и которая составляла основу ее конкурентоспособности на мировых рынках, стала меняться на противоположную, что в конце концов особенно ярко проявилось в кризисные годы середины 70-х годов⁸.

Драматизм ситуации был усилен в ряде экспортно ориентированных отраслей в 80-е годы в связи с неблагоприятным для них повышением курса иены по отношению к доллару, заставив критически пересмотреть всю концепцию японского менеджмента в области труда, основанную на оценке возраста работника и его опыта. В водоворот этих изменений втянуты все возрастные группы персонала фирм, но в отличие от молодежи, в интересах которой они происходят, проблемы использования старших поколений обостряются.

Вопрос о трудоустройстве и условиях труда работников старшего возраста в Японии всегда был весьма актуальным. Прежде всего специфика этой проблемы связана, с одной стороны, с наличием системы пожизненного найма и его неизбежным следствием - принудительным увольнени-

ем по возрасту, а с другой - с несовпадением этого момента с официальным возрастом назначения государственной пенсии и состоянием пенсионного обеспечения в целом. Подобное несовпадение различно для отдельных групп работников, кроме того оно меняется по мере изменений в системе управления трудом и в пенсионной. При этом нижняя и верхняя границы, определяющие этот диапазон постоянно сдвигаются в сторону все более пожилого возраста. Так, в 60-е годы компании увольняли работников преимущественно в 55 лет, в 70-е - в 57-58 лет, а в настоящее время - в 60 лет, пенсионный же возраст за то же время повысился для значительной его части с 60 до 65.

Таким образом, несмотря на то, что период занятости продлевается, проблема разрыва между моментом увеличения и началом гарантированного существования в пожилом возрасте остается. В условиях господства традиционной системы управления трудом эта проблема решалась двумя способами: работникам, уволенным по предельному возрасту, предлагалось перезаключить контракт о найме на новых условиях (так называемый повторный найм), либо перейти на другое предприятие в пределах той же компании, но обычно более низкого ранга. И то, и другое решение вопроса приводило к ухудшению условий найма, с потерей в зарплате. Рассматривая эту ситуацию, видный японский ученый в области экономики труда Коикэ Кадзуо замечает, что продолжение работы на одном месте в условиях повторного найма предпочтительнее как для работающих, так и для общества в целом. И потери в зарплате меньше, и эффективность труда выше⁹.

Однако события развиваются в прямо противоположном направлении. На условиях повторного найма и раньше удавалось заключить контракт не более чем на 2-3 года. Теперь же не только сокращаются сроки контрактов, но и масштабы самой практики повторного найма. По данным К. Коикэ в 1973 г. эту систему практиковали 90% предприятий с числом занятых более 5 тыс. человек. Спустя десятиле-

тие к ней прибегало уже не более трети фирм. Теперь значительная часть пожилых работников меняет место работы еще до наступления предельного возраста, что приводит, по мнению ученого, к разбазариванию их профессионального опыта и мастерства. С разрушением системы пожизненного найма и с закономерным отказом от диктата возрастного критерия при определении квалификации японскому обществу начала угрожать опасность впасть в другую ошибку, связанную с полным отрицанием достоинств опыта, накапливаемого с возрастом. К. Коикэ пишет: "В нашем обществе складывается неправильное отношение к мастерству... Пожилые рабочие, накопив большой опыт работы на предприятии, приобрели и высокий профессионализм. Когда такой квалифицированный рабочий теряет возможность использовать свой опыт, и это становится не только его личной потерей, но и уроном для всего народного хозяйства"¹⁰.

До сих пор общество практически не ощущало, что только благодаря системе повторного найма (дававшей возможность использовать труд высоко квалифицированных пожилых работников не просто на одном предприятии, но и на прежних рабочих местах) для фирмы сохраняется накопленное мастерство работников. Разрушение этой системы, происходящее параллельно с размыванием самого принципа пожизненного найма, еще даст о себе знать и с весьма отрицательной стороны.

В такой ситуации государство стремится придать этому процессу более плавный и безболезненный характер, ставя на его пути определенные препятствия и создавая условия для использования лиц старших возрастов. Деятельность в этой области имеет несколько направлений, некоторые из которых, в частности меры, стимулирующие предприятия увеличивать границы предельного возраста и расширять повторный найм, прямо противоположны иницируемому частным предпринимательством разрушению системы пожизненного найма. Такие мероприятия проводятся в на-

стоящее время Министерством труда в рамках более широкой программы по обеспечению занятости лиц старших возрастов, в соответствии с которой с помощью системы премий предприятия побуждают к расширению контингента лиц с пониженной трудоспособностью. Размер премии ставится в зависимость от длительности заключаемого контракта и размера предприятия, а также от доли этого контингента в составе его кадров.

Эта программа, в свою очередь, увязана с государственной политикой занятости в целом. Поэтому в трудоустройстве пожилых лиц предусмотрено участие системы служб занятости. В частности государство премирует фирмы в тех случаях, когда на работу бывает принят "тот пожилой человек, ищущий работу, который рекомендован районным бюро занятости". Эта политика имеет большое значение, поскольку уровень безработицы среди лиц старших возрастов (60-65 лет) вдвое выше, чем для рабочей силы в среднем, и составляет 5% (декабрь 1993 г.)¹¹.

Старение населения выдвигает перед обществом проблему, связанную с ростом расходов на обеспечение жизни стариков. Увеличиваются прежде всего затраты на социальное обеспечение. В 1990 г. они достигли суммы почти в 48 триллионов иен, что соответствует 380 тыс. иен на душу населения или более 1 млн. иен на каждую семью. На престарелых тратится в настоящее время более 28 триллионов иен или 60% всех расходов на социальное обеспечение. Подавляющая часть этих средств поступает к лицам старших возрастов в виде пенсий. Каждый год сумма средств на престарелых существенно увеличивается. Так, только за 1990 г. она возросла на 7,5%.

Пенсии в настоящее время являются основной статьей в расходной части бюджета системы социального обеспечения. Давно минули те времена, когда траты на медицинское обслуживание в этой системе были основными, а доля средств на пенсии занимала второе и даже третье место. Начиная с 70-х годов эта структура испытывает зна-

чительные изменения в пользу пенсионного обеспечения. Если в 1965 г. на его долю приходилось около 22%, то в 1980 г. - уже почти 43%. В начале 80-х годов оно становится равноправной с затратами на медицинское обслуживание - главной составляющей социального обеспечения, а в дальнейшем оттесняет их на второй план. К концу десятилетия пенсии уже занимают более половины всех расходов на социальное обеспечение и продолжают свой быстрый рост по сравнению со всеми остальными составляющими.

При этом необходимо также иметь в виду еще некоторые моменты, которые дополняют картину и особенно ярко высвечивают проблемы социального обеспечения в связи со старением населения. Во-первых, за последние годы в целом вырос уровень расходов на социальные нужды: в 1970 г. их доля в национальном доходе составляла 5,8%, в 1990 г. - 13,8%¹². Таким образом, пенсионное обеспечение постоянно привлекает во все больших масштабах не просто средства социальных фондов общества, но и всего того, чем оно располагает. Национальный доход страны все больше расходуется на потребление тех, кто перестал участвовать в его создании.

Во-вторых, постоянно растут расходы, связанные с медицинским обслуживанием. В настоящее время в общей сумме этих расходов постепенно сокращается доля затрат на профилактику инфекционных болезней и эпидемиологическую защиту. И напротив, быстро растут связанные с хроническими заболеваниями, особенно возрастного происхождения. Лечение населения, благодаря изменениям его возрастной структуры, становится все более сложным, трудоемким и дорогостоящим.

В-третьих, следует учитывать, что старение населения как фактор, влияющий на развитие системы социального обеспечения, действует не в одиночку, а в совокупности с целым рядом других условий, приводящих к увеличению

расходов, которое современное общество вынуждено выделять на содержание этой системы.

Одним из самых заметных социально-экономических явлений в послевоенной Японии становится изменение ее производственной структуры, что оказало сильнейшее воздействие на все общество. Из страны в прошлом с сильной аграрной ориентацией и несбалансированной промышленностью она быстро превращается сначала в мощную индустриальную державу, а с середины 70-х годов перерастает в так называемое сервизированное общество, где более половины ВВП производится в третичном секторе экономики.

Соответственно меняется и структура самодеятельного населения. В 1991 г. в сельском хозяйстве было постоянно занято уже всего 7,1% населения. Доля, приходящаяся на промышленность, составляла 33,3% и она, так же, как и аграрная часть рабочей силы, уже не растет, а снижается. Структура экономически активного населения переориентируется на сферу услуг, торговлю, банковское и страховое дело, коммунальное хозяйство. Более 90% работающего населения получают свой доход от занятий по найму.

Такое направление развития производственной структуры сопровождается социальной и географической мобильностью, да и просто повышает уровень миграции: прежде всего этот процесс идет рука об руку с концентрацией населения в городах и депопуляцией сельской местности.

Старение населения играет в этом процессе свою особую роль. В сельских общинах и мелких городских поселениях жители старших возрастов постепенно составляют все большую и большую долю. А это со временем превращает деревню, особенно в географически отдаленных районах, в специфический анклав потребителей услуг социального обеспечения, большую часть которых составляют живущие на доходы от пенсионной системы. В силу специфики японской пенсионной системы, именно эта часть пенсионеров обеспечивается за счет традиционно наиболее слабых и, к

сожалению, автономных ее звеньев. Особенно остро стоящая здесь проблема финансирования пенсионных фондов постепенно затягивается в узел иногда неразрешимых противоречий.

Рост продолжительности жизни при падении рождаемости добавляет существенно новые штрихи к активно изменяющемуся жизненному циклу японцев, а это порождает дополнительные проблемы. Жизнь без детей, болезни старости, специфический характер потребления и досуга и многие другие особенности существования стариков перерастают в качественно новые проблемы, которые нередко встают именно перед системой социального обеспечения. Особенно актуальна задача совершенствования социального обслуживания лиц, переживших супругов и потерявших кормильцев. В основном это касается пожилых женщин, однако и мужчины в Японии живут в настоящее время после выхода на пенсию в 3-4 раза больше, чем в довоенное, и сталкиваются с одиночеством в старости. Для общества все это означает еще большее бремя для содержания своих престарелых членов.

Расходы на социальное обеспечение покрываются, как известно, за счет налогов и специальных взносов по социальному страхованию. Их соотношение с национальным доходом страны характеризует нагрузку, которую население несет в связи с необходимостью содержания системы социального обеспечения. В настоящее время этот показатель в Японии существенно ниже, чем в целом ряде развитых стран, где он достигает порой 60-70%. Однако старение населения способствует быстрому его росту. Все чаще раздаются голоса, предупреждающие, что если Япония перешагнет отметку в 50%, то жизнеспособность общества в экономическом и социальном смысле будет подорвана.

Самая серьезная проблема старения - его бурные темпы. Это отражается прежде всего в росте так называемого коэффициента старческого иждивенчества (отношение численности старших возрастных категорий к трудоспособ-

ному населению . В Японии этот коэффициент увеличился с 10% в 1970 г. до 17% в 1990 г. Ожидается, что к 2000 г. он составит около 25%. Это означает, что вместо 10 человек в 1970 г. и соответственно 6 человек в 1990 г. в это время одного престарелого будут обеспечивать уже всего 4 трудоспособных человека. А в середине XXI века о содержании людей в преклонном возрасте будут заботиться уже только два более молодых члена общества¹³. Остроту этой проблемы придает специфика организации японской пенсионной системы - ее исключительная раздробленность, из-за которой в отдельных звеньях фонды угрожающе быстро истощаются.

С проведением с середины 80-х годов крупномасштабной реформы системы социального обеспечения в ее организационной структуре происходят заметные изменения. Основным направлением является консолидация всех звеньев с объединением их финансовых фондов, ликвидация разнобоя в принципах их построения и противоречий в подходе к вопросу о социальной защите различных слоев общества. На этой базе мыслится создать единую систему социального обеспечения с общими принципами страхования, предоставления пособий и услуг и достижения единого уровня последних. В частности, во всех пенсионных системах, согласившихся на объединение, была введена единая, так называемая базовая пенсия (размером в настоящее время в 60 тыс. иен в месяц), а вместе с ней и целый ряд общих довольно жестких требований к пенсионеру (25 летний страховой стаж, 65-летний возраст и другие). Однако на пути к такому объединению нужно решить противоречия по вопросу о размерах фондов, которые будут вноситься в общий котел. Более богатые участники объединения стремятся сохранить свои давние привилегии перед соперниками. Особенно это касается вопроса об уровне выплат, связанных с так называемой двухъярусной системой пенсий. Это означает, что кроме низкой базовой, общенациональной пенсии часть пенсионеров получает

дополнительную местную, которая выдается обычно на льготных условиях и намного выше.

В этом сохранении различий состоит парадокс проводимой в настоящее время реформы социального обеспечения, которая поставила задачу консолидации системы. Болезненный процесс объединения фондов, очевидно, затронет жизнь пенсионеров нескольких поколений и различия отдельных частей пенсионной системы сохранятся, видимо, еще очень долго.

“Семейные дрязги” в пенсионной системе продолжают еще больше затягивать решение вопроса о ее стоимости для общества. Это, в свою очередь, видимо, добавляет нервозности в общественном мнении по поводу меняющихся взаимоотношений между поколениями. Тот традиционный пиетет перед старшими, который характеризовал их в недавнем прошлом, постепенно гаснет, уступая место более рационалистическому подходу к оценке роли разных поколений в современной жизни. Некоторые перехлесты в такой оценке, пока достаточно редкие, помогают высветить основную тенденцию в развитии этого явления - отношения к старшим как к иждивенцам.

В то время как полноценное обеспечение старости в Японии все еще остается делом будущего, в стране идет подготовка общественного мнения к неприятию образа “бедных стариков”. Но эта политика вольно или невольно вызывает раздражение молодежи. Так, один из молодых специалистов из Центра экономических исследований Японии в сложном механизме формирования высоких цен на недвижимость в Японии выделил только одну причину - консерватизм стариков, не желающих продавать свое жилье в дорогом центре Токио. “И если это не изменится в будущем, - пишет автор, - молодому поколению придется заплатить непомерную цену только за то, чтобы жить, жениться и создавать семьи под сенью... “гигантского кладбища (примечательная метафора! - Т.М.), в которое претращается центр японской столицы”¹⁴

Сможет ли японское общество преодолеть те проблемы, которые ставит перед ним процесс его старения, покажет время. Во всяком случае, хорошо известная в мире его способность принимать вызовы времени подвергается на этот раз не известному до сих пор и весьма серьезному испытанию.

¹ Outline of Social Insurance in Japan. Tokyo, 1992.

² Там же.

³ Родо токэй ёран (Статистический обзор труда), Токио, 1995, с.30-31.

⁴ Там же

⁵ Japan by the Year 2000. Tokyo, Japan Times, с. 120.

⁶ Там же.

⁷ Родо токэй нэмпо (Статистический ежегодник по труду). Токио, 1960, 1965, 1970, 1975, 1980.

⁸ Япония: смена модели экономического роста. М., 1990, с. 119.

⁹ Коикэ Кадзуо. Сигото-но кэйдзай гаку (Экономика труда). Токио, 1991.

¹⁰ Там же.

¹¹ Токи-но угоки, 1994, № 2.

¹² Нихон токэй нэнкан (Японский статистический ежегодник). Токио, 1993/94, с.614, 615.

¹³ Сякай хосё токэй нэнкан (Ежегодник по социальному обеспечению), Токио, 1992.

¹⁴ JCER Report, v. ; N 8, Sept., 1991, с. 37.

К.О. Саркисов

КУЛЬТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ГЕНОТИП ЯПОНЦЕВ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Интернационализация всех форм международных связей и как реакция на это стремление каждого этноса сохранить свое своеобразие, распад последних многонациональных государственных образований и сопровождающий его взрыв национализма "малых наций", все этнические противоречия периода после "холодной войны" остро ставят проблему культурной идентичности не только в теоретическом, но и в сугубо практическом значении.

В настоящей работе внимание сосредоточено на анализе некоторых элементов эволюции культурного генотипа, как традиционных, так и новых, отраженных в мировоззренческом и ценностном комплексе современных японцев, в отношении к себе, а также в их ориентации во внешнем мире.

Трансформация мировоззренческого комплекса.

Формирование мировоззренческого комплекса любой нации - сложный процесс, имеющий однако некие общие закономерности - переход от примитивных представлений к более сложным и философски разработанным. Однако в отличие от всех других стран (по крайней мере наиболее крупных), совершивших путь от язычества к одной из нескольких мировых религий (мировоззренческих концепций), Япония во-первых, не отказалась от собственного "язычества" (синтоизма), и, более того, свойственный ему пантеистический принцип так и остался доминирующим в сознании; во-вторых, она совершила переход не к одной конкретной религии, а к некоему синтезу из буддизма, конфуцианства и даосизма.

Разумеется, и в других странах Востока соседствуют несколько религий и конфессий. Однако их адепты состав-

ляют отдельные и вполне самостоятельные религиозно-этнические группы и конфессии, причем нередко находящиеся в остро конфронтационных отношениях. И только в Японии одни и те же исповедуют разные религии.

Грань между ними здесь крайне размыта, а сами они воспринимаются скорее как некий культурный субстрат с набором культово-обрядовых элементов, а не как автономный философский мировоззренческий комплекс, доминирующий в социальных и политических процессах как идеологический фактор.

Это обстоятельство оказало большое влияние на формирование идентичности современных японцев. Она характеризуется следующими качествами:

- прагматизм мышления, основанный на отсутствии какой-то одной или единой мировоззренческой концепции в виде религии или идеологии; в японской традиции осмысления окружающего мира отсутствует "философия", а присутствует "дзицугаку" или "наука о практическом", то есть прагматизм;¹

- реализм или способность воспринимать все, что происходит в окружающем мире как нечто, что предопределено настолько могучими законами природы, в которые человек не только не может, но и не должен вмешиваться; его задачей является постижение этих законов и приспособление к ним с тем, чтобы выжить и добиться максимальной эффективности во всех социальных процессах;

- стремление к гармонии с внешней средой - как в отношениях с природой, так и в рамках социума; эта норма связана не столько с эстетикой, сколько с прагматизмом, рационализмом и фатализмом; гармонические отношения здесь - необходимое условие развития общества;

- стремление к стабильности и предсказуемости как непременным факторам социального успеха и благополучия;

- нацеленность на труд и самоотверженность, в том числе и как морально-этическая и эстетическая норма;

- эмоциональная окраска восприятия, которая компенсирует рациональность и прагматизм той степенью одухотворенности, которая делает жизнь достойной и стоящей усилий; кроме того, и возможно это главное, эмоциональность или восприятие мира через эстетику - необходимое условие ощущения своей самобытности, культурного и социального (в широком смысле) родства.

Эти черты не являются застывшими, они испытывают влияние всех факторов - внутренних и внешних. Бурные изменения во внешнем мире, заметная трансформация самого образа жизни, и наконец, интернационализация Японии оказали серьезное влияние на культурно-психологический комплекс современных японцев.

Японская идентичность испытала в новейшее время два шоковых потрясения: мэйдзийские реформы и особенно преобразования послевоенного периода в годы оккупации. Поражение в войне оказало сильное влияние на менталитет японцев, их мироощущение и осмысление самих себя. Оно заставило пересмотреть целый ряд фундаментальных основ идентичности, освободиться от тяжелых деформаций довоенного и военного периодов, связанных с национализмом, шовинизмом, великодержавностью, милитаризмом и пр.

Решающую роль в формировании новых элементов идентичности сыграли демократические реформы 1945 - 1951 гг., сформировав ее правовую и институциональную среду. Важнейшее влияние оказали экономические успехи страны и возрастающая вовлеченность в общемировые процессы. Но следует отметить, что традиционные черты мировоззрения оказались довольно устойчивыми и не подверглись коренной ломке. Новое не отрицало старого, а взаимодействуя с ним формировало такое качество идентичности, в котором традиционное и современное не просто уживались друг с другом, а дополняли друг друга.

Новые мировоззренческие и ценностные черты можно обозначить следующим образом:

- более широкий кругозор, политический и даже ценностный плюрализм, что было связано с большей открытостью внешнему миру, повышением уровня культуры и образованности населения, бурным процессом интернационализации;

- некоторое усиление элементов самокритичного отношения к своему прошлому, в том числе и к тем чертам, которые раньше признавались как уникальные;

- большая свобода, внедрение на макроуровне в социально-политические институты элементов классической демократии при сохранении на микроуровне структуры традиционной социальной организации (патернализм, группизм, принцип "один за всех - все за одного", вертикальная структура подчиненности, авторитарность власти и др.), главным образом в рамках социальных групп;

- появление и расцвет новых социально-религиозных институтов, пытающихся выйти за рамки традиционных концепций и предложить свои собственные идеи (как правило, либо перепевающие основные постулаты традиционных концепций, либо основанных на идеях космического плана). Часть из этих течений носят псевдорелигиозный, открыто мафиозный и даже преступный характер;

- усиление мировоззренческих и ценностных различий между разными группами населения, особенно по возрастному признаку;

- укоренение в целом характеристик потребительского общества в связи с заметным повышением уровня и улучшением качества жизни, которое рассматривается как основной источник угрозы размывания традиционных достоинств японца.

Несмотря на значительное влияние приведенных выше факторов, большинство аналитиков японской идентичности считают, что общество здесь является скорее традиционным, чем современным. На самом же деле оно - "синтетическое". Причем этот синтез вполне органичный и имеющий целостные формы. Смешение новых и старых

элементов социальной организации приводит иногда к тому, что в различных слоях, группах и социальных субъектах можно наблюдать их разный "баланс".

Так, внутригрупповые отношения все же в большей степени регламентируются по традиционной схеме вертикальной иерархической подчиненности. Но значит ли это само по себе, что японское общество по данному признаку должно быть отнесено к разряду традиционных? Скорее всего, нет. Структура внутригрупповых связей отражает не столько менталитет или культурную характеристику, сколько одно из неистребимых свойств японской идентичности - стремление к наиболее эффективной на данный момент социальной организации, которая позволяет решать стоящие проблемы с наивысшей эффективностью и с наименьшими издержками.

Иерархическое устройство группы - одна из излюбленных тем критиков японской экономической и социальной модели. При этом, японцев упрекают в отсутствии демократии или ее ущербности. Эта критика отвергается ими, поскольку, по их мнению, речь идет об идентичности, а не о нарушении каких-то общепринятых правил игры. Единственное, что может серьезно влиять на изменение идентичности - объективные обстоятельства и только в тех случаях, когда та или иная ее черта начинает конфликтовать с рационализмом и прагматизмом.

В последнее время и в самой Японии появляется все большее число тех, кто считает сохранение традиционных элементов социальной организации (и в частности жесткой вертикальной иерархической лестницы), противоречащим не столько понятиям демократии и рынка (достаточно абстрактным для японского менталитета), сколько эффективности функционирования внутренних структур.

Последние несколько лет, с середины 1991 г. сохраняется глубокий экономический спад, и все попытки государственного вмешательства в целях стимулирования конъюнктуры, в частности массированные инвестиции в обще-

ственные работы, и пр., не приносят эффекта. Это дает серьезный повод говорить о необходимости коренных системных изменений, отказа от некоторых элементов социально-психологической организации в целях раскрепощения личности и ликвидации излишней регламентированности. Иногда это называют "кризисом идентичности".

Но судя по всему, все эти изменения будут происходить крайне медленно, шаг за шагом, ибо это болезненный и опасный процесс, его нельзя планировать и им невозможно управлять, а тем более революционизировать. Национальная идентичность - это живой организм, который меняется только в соответствии с собственной потребностью.

Политика в этом вопросе тех, кто определяет стратегический курс государства и общества, крайне взвешенная. Осознавая необходимость пусть и осторожных, но все же вполне осмысленных и целенаправленных мер, государство шаг за шагом идет к обновлению. Эти "муки" видны на примере проведения административной реформы, в попытках пересмотра системы образования. Частный капитал, поведение которого более детерминировано экономическими соображениями, тоже осторожен. Это заметно по его усилиям в реформировании систем пожизненного найма и ежегодного повышения заработной платы - двух столпов социальной организации и трудовой этики. Предприятия не пошли на ликвидацию самой системы, а пытаются ее усовершенствовать². Реформы идут по пути компромисса нового со старым.

Огромное влияние на изменение идентичности оказывают фундаментальные сдвиги в социальной структуре общества. К ним следует отнести прежде всего резкое сокращение сельского населения и возрастание в огромной мере доли городского. В 1920 г. число городов в Японии (за исключением колоний) составляло 83 с населением в 10,1 млн. чел., а в 1990 г. 656 с населением в 95,6 млн. чел.³.

Вместе с тем, и это очень показательно, в Японии в основном удалось сохранить сельское хозяйство, прежде

всего избежать резкого сокращения числа крестьянских дворов. В 1906 году насчитывалось 5,4 млн., в послевоенные годы в связи с аграрной реформой их число увеличилось до 6,2 млн., а затем начало постепенно сокращаться, составив в 1989 г. 4,2 млн. Впрочем, из этого числа только 3,0 млн. были товарными⁴.

Это свидетельствует о сознательной политике государства и общества, пытающегося сохранить деревню, несмотря на неэффективность сельского хозяйства, на прогрессирующую урбанизацию. Делается это, скорее всего, в целях сохранения стабильности и среды обитания, защиты экологии, но немаловажным стимулом является и необходимость сохранения традиционной культуры, тех черт идентичности, которые являются критически важными для жизни нации. Хорошо известно, что многие элементы культурно-психологического генотипа коренятся в специфике сельскохозяйственной организации.

Важное влияние на трансформацию идентичности оказывают изменения в образе и качестве жизни, происшедшие в послевоенные и особенно в 70-90-е годы. Они, в частности, затронули структуру потребления, в которой заметно сократились традиционные статьи расходов на питание, жилье, коммунальные услуги и одежду, и возрос удельный вес "не бытовых" (например, на удовлетворение культурных потребностей: с 42,3% в 1970 году до 58,6%)⁵.

Происходит постепенное сокращение рабочего времени и возрастает количество свободного. В 1951 г. фиксированный рабочий месяц среднестатистического японца длился 174,8 часа, а сверхурочные за это же время - 17,4 часа⁶. В 1993 г. эти показатели составили соответственно 148,3 и 11,1⁷.

Поэтому государство уделяет огромное внимание совершенствованию системы и структуры досуга. На эти цели в бюджете на 1994/95 фин. год было выделено 600,2 млрд. иен (5,9 млрд. долл.), т.е. затраты за год увеличились на

11,1% при общем увеличении расходной части бюджета на 1%, что само по себе яркое свидетельство повышенного внимания к данной проблеме.⁸

Это можно объяснить и традиционной отсталостью инфраструктуры досуга в Японии, а также выгодностью государственных инвестиций в эту сферу в связи с их высоким мультипликационным эффектом. Однако здесь можно усмотреть и стремление к осуществлению разумной и целенаправленной политики, которая помогла бы избежать негативных последствий разрушения особенностей национального характера в связи с радикальным изменением качества и структуры жизни.

Достаточно типичным является суждение о том, что скромное существование сформировало национальный характер, способный переносить тяготы, закаленный и готовый к преодолению трудностей и превратностей бытия, быстро адаптирующийся к изменяющейся обстановке, в то время как комфортность и способность без особых усилий пользоваться социальными материальными благами возвращают японцев.

Наиболее серьезные изменения в идентичность вносит смена поколений. Большинство участников международной конференции по вопросам японской идентичности 10-14 октября 1994 г. в Лондоне отмечали, что сегодня в стране на всех руководящих постах в бизнесе и политике находится новое поколение сорока и пятидесятилетних, память которых не содержит никакой конкретной информации о прошедшей войне, ее ужасах и трагедии, и главное - ее уроках.⁹

Кроме того, новое поколение в своей массе имеет не только более высокий образовательный уровень, но и лучшее знание внешнего мира. Резко вырос поток японцев, отправляющихся на отдых и в командировки за границу. Если в 1970 г. их число составило 663,5 тыс. чел., то в 1993 г. - 11,8 млн. Из них 433 тыс. чел. выехали на длительный срок проживания.¹⁰ Высокий уровень иены создал ситуа-

цию, при которой жизнь за границей стала более дешевой, чем в самой Японии, что также стимулирует поездки за рубеж.

В связи с тем же фактором, а также глубокими структурными изменениями в японской экономике резко возросла активность японских предприятий за рубежом. Создание здесь производств и лавинообразный перевод сюда предприятий - все это резко убыстряет интернационализацию страны и населения.

Заметно увеличилось и число иностранцев, посещающих Японию и живущих в ней постоянно, хотя очевидно, что для увеличения их числа есть серьезные культурно-психологические барьеры - здешнее общество остается для иностранцев "вещью в себе", и их культурная адаптация, не говоря уже об ассимиляции, происходит крайне болезненно. Но совершенно очевидно, что число таких иностранцев будет расти и возможно, что в начале следующего века составит 3 млн. человек.

Для преодоления культурно-психологического барьера японцы не только проводят активную пропаганду знаний о своей стране за рубежом, осуществляют культурное просветительство, но и резко увеличивают программы приема на обучение иностранных студентов, число которых к 2000 году возрастет до 100 тыс.¹¹.

Интернационализация Японии за счет растворения в ее социуме иностранного "человеческого материала" - тяжелая нагрузка на культурный генотип. Нередко это приводит к болезненной реакции. Пресса полна материалов, описывающих несовпадение культурно-психологических моделей Японии и других стран, в том числе и азиатских, о горьком разочаровании иностранцев и японцев друг в друге.

Особенностью последних лет является резкое увеличение среди постоянно проживающих иностранцев числа выходцев из стран дальневосточного ареала. Этот слой легче адаптируется. Однако и им приходится преодолевать

инерцию “отторжения” чужеродного, генетически все еще сильную в японском обществе.

Следует отметить, что его закрытость в немалой степени носила и сейчас носит профилактический характер. В определенном смысле это не закрытость, а труднодоступность из-за сознательной политики фильтрации людских потоков извне, которые опасны не столько для культурной самобытности, сколько для социума, его стабильности. Иностранцы нередко становятся источником таких преступлений, которые здесь ценой больших усилий удалось искоренить.

Наиболее консервативной остается сфера социальной психологии и, в особенности морально-этических норм, которые строго регламентированы. Японцы сохраняют систему поведенческих знаков, которые заметно отличаются от европейских. К ним относятся такие формы и методы выражения чувств и мыслей, как согласие или отказ, протест или восторг, любовь или ненависть. Аида Юдзи в книге “Структура сознания японцев” описывает реакцию японки на признание в любви. Повернувшись спиной к тому, кто только-что признался ей в своей страсти, она говорит “нет”. Но это вовсе не означает, что она не отвечает взаимностью. Как раз наоборот. Корни такого поведения - в глубине традиции. Если обратиться к Кабуки, то можно убедиться, что именно так реагируют в любовных сценах все героини этого театра. Подобное поведение резко контрастирует с европейской нормой открытого восторга, длительного поцелуя или громких возгласов с бросанием на шею возлюбленного.¹²

В общении друг с другом, с малознакомыми людьми и в особенностях с иностранцами японцы, как правило, не говорят напрямую “нет”. Чаще свой отказ они облачают не только в вежливую форму (подобная традиция есть и в европейской культуре), а в нарочито закамуфлированную. Ее скрытый смысл остается загадкой только для несведущих.

Большинство же японцев прекрасно понимают эту замысловатую кодовую систему поведения.

Суть того, почему они предпочитают не отвечать прямым отказам заключается отнюдь не в изощренной вежливости или воспитанности, а из-за боязни вызвать в партнере негативную реакцию и тем самым испортить отношения. Стремление не иметь врагов или недоброжелателей - один из главных мотивов социального поведения, которое воплощается в специфических формах. Из-за них за японцами закреплена слава неискренних или трудных партнеров.

При всех внешних изменениях в их облике и поведении, приобретающих все больше космополитические черты в результате проникновения в общество элементов современной цивилизации, японец, в том числе и молодой, остается верным традиционным ценностям. При этом традиционные институты и культово-обрядовые элементы в этом социуме сами не остаются в застывшем виде, а пытаются приспособливаться к новым реалиям, модернизируя при этом не только внешнюю атрибутику, но и концептуальные элементы.

Отношение к внешнему миру.

Внешний фактор всегда играл важную роль в самоидентификации японцев. Но в этом есть своя специфика. В частности, она связана с островным положением страны.

Домэки Кёдзабуро, автор популярной брошюры по японской культуре, изданной Министерством иностранных дел Японии и следовательно претендующей на "нормативность", объясняет наличие внешне противоречивых черт национального характера японцев - бережливое отношение к традиционной культуре и жадное восприятие элементов зарубежной - как абсолютно естественное качество островной нации, которая боится потерять идентичность и в то же время опасается деградировать из-за отсутствия взаимодействия с иными культурами. При этом, если заимствованное имеет огромное практическое значение, оно стано-

вится частью национальной культуры. Так, например, произошло с внедрением рисоводства.

Островное мышление плюс клановая социальная структура, доминировавшая не только в средние века, и в новейшее время в виде группизма, оказывали и продолжают оказывать влияние на формирование таких черт как комплекс "осажденной крепости", недоверие к чужим, боязливость и ожидание внезапного нападения, болезненная реакция на признаки внешней агрессии и собственная агрессивность для нанесения превентивного удара.

Но комплекс недоверия к чужим и "осажденной крепости" не перерос в ксенофобию. Лишь на отдельных этапах истории она была присуща японскому менталитету. Это было скорее свойственно Китаю (древнему и средневековому) - мощному государству, с развитой культурой и большими цивилизационными достижениями, и поэтому крайне самодовольному и презрительно относящемуся к иностранному. Именно здесь родились понятия о варварах, восточных и западных, перенесенные на японскую почву. В отличие от Китая, отношение здесь к иностранцам и иностранному отличалось значительно большим любопытством, стремлением заимствовать все полезное.

Китайская культура традиционно считала европейскую более низкой и варварской по сути. Японцы же не пытались полностью изолировать себя от западной цивилизации, за исключением периода закрытия страны, да и то, чисто в японском духе извечных поисков компромиссов, оставив "окошко" в Нагасаки.

Японцы были способны понять и оценить достижения европейцев в технике, и воспринимать западную культуру как некий опыт. Когда первый португалец появился на японском острове Танэгасима его сопровождал китаец, представивший европейца как варвара, темного и некультурного. Реакция же японцев была совершенно иной. Их внимание привлекло огнестрельное оружие, которое они

восприняли как свидетельство прямо противоположного - высокого уровня развития культуры другой страны¹³.

Это повышенное внимание к европейской цивилизации как носительнице наиболее передовых технических и технологических идей навсегда осталось наиболее отличительной чертой японской культуры, решающим фактором, определившим ее отношение к Западу. Сегодня Япония пытается внести свой вклад в развитие фундаментальной научной мысли и добилась здесь больших результатов, однако до сих пор жажда и потребность активно впитывать в себя достижения западной технической мысли остаются чертой национального характера.

Отношение к чужой культуре и влиянию извне в любом народе порождает две противоборствующие реакции. В России это известное в прошлом веке и в начале нынешнего противостояние западников и славянофилов. В Японии в послемейдзийскую эпоху происходила своя острая идеологическая борьба между западниками и японофилами. Причем к западникам принадлежала и часть политической и культурной элиты, которая создавала послемейдзийскую государственность. Их яростные оппоненты происходили из этой среды¹⁴.

В целом же для Японии была характерна не столько конфронтация, сколько баланс между двумя этими началами. К японскому прагматическому восприятию Запада и Востока ближе всего духовная позиция Н.Бердяева, который резко выступал против искусственного противопоставления этих двух ветвей, критиковал как славянофильство, так и западничество. Он писал: "Русское самосознание не может быть ни славянофильским, ни западничеством, так как обе эти формы означают несовершеннолетие русского народа, его незрелость для жизни мировой, для мировой роли. На Западе не может быть западничества, там невозможна эта мечта о Западе, как о каком-то высшем состоянии. Высшее состояние не есть Запад, как не есть и

Восток; оно не географично и материально ничем не ограничено".¹⁵

Тем не менее, в 30-е годы борьба между западниками и японофилами резко обострилась и закончилась победой последних. Страна, ее народ, культура и духовность совершили поворот к наиболее радикальной форме шовинизма и милитаризма, к идее японского паназиатизма. В результате произошла деформация национальной культуры, насильственное внедрение в нее элементов, противоречивших культурной генетике.

Духовной основой новой культурно-психологической модели стало антизападничество или точнее антианглосаксонство. Не случайна и симпатия, с которой часть политической и интеллектуальной элиты в Японии отнеслась к большевизму, с его антикапиталистическим потенциалом, нередко воспринимавшимся как антизападнический.

Вероятно, чтобы польстить И. Сталину и В. Молотову и добиться политических результатов, но все же с большой долей искренности министр иностранных дел Японии на переговорах по заключению Пакта о нейтралитете в апреле 1941 г. произнес прокоммунистическую и антианглосаксонскую тираду: "...в Японии уже давно имеется коммунизм, и он, Мацуока, объяснив его суть на примерах из японский жизни, назвал "этот коммунизм моральным коммунизмом". Англосаксонские традиции нанесли ущерб Японии, ... а промышленный переворот затормозил развитие морального коммунизма. Однако сейчас "создалась группа лиц, правда незначительная, которая стремится распространить свои принципы на все великое азиатское пространство и которая называет принцип своей политики японским словом Хаккоицю*", что в переводе означает всеобщий мир, основанный на справедливости. Все это, указывает Мацуока, имелось и раньше, но было ущемлено капитализмом и либерализмом, поэтому сейчас мы выдвигаем

* Так в тексте документа.

лозунг - долой капитализм и индивидуализм. Но для этого нужно уничтожить англосаксов..."¹⁶

Крах во второй мировой войне стал мощным стимулом переосмысления роли Японии в мире. Прежде всего это коснулось более реалистической оценки возможностей страны, ее потенциальной ниши в мировом пространстве, а также основных стратегических направлений дипломатии. Демократические ценности в международных отношениях глубоко проникли не только в государственные институты, но и в психологию тех, кто определяет курс страны на международной арене.

Вместе с тем, противостояние западников и японофилов не прекратилось. Изменился лишь баланс сил между этими течениями. Поначалу после войны, западничество явно преобладало. И в этом не было ничего удивительного. Поражение воспринималось японцами как свидетельство краха японофильства. Крах потерпела, и это пожалуй самое важное, и авторитарная система государственного устройства и управления, считавшаяся до этого не только самой эффективной, но и наиболее органично присущей традиционной культуре. Послевоенные годы укрепили японцев в мнении, что демократическое устройство государства и общества вполне может уживаться с национальными элементами психологии и социальной организации, особенно на уровне отдельных групп и личностей.

Феноменальные экономические успехи Японии и попытки их осмысления способствовали возникновению новой волны японофильства, поскольку они были отнесены, и в значительной степени обоснованно, к специфике и высокой эффективности внутренних социальных и психологических структур. В этот же период появились теоретические работы, в которых утверждалось, что мир трансформируется из простой двучленной структуры Восток-Запад в полицивилизационную систему. В этой идее не было антизападничества, но уже присутствовала мысль об утрате Западом преобладания над другими цивилизациями.

Ренессанс японофильства не был впрочем тотальным или глубоким по своим политическим и даже духовным последствиям. В какой-то степени он был реакцией на начавшийся поток зарубежных публикаций, ставивших под сомнение демократические и рыночные устои японского государства и общества. В США появилось целое идейно-политическое течение, получившее название ревизионизма, которое требовало и обосновывало необходимость пересмотра отношения к Японии и взглядов на нее.

Наиболее яркое воплощение новое японофильство нашло в книге "Япония, которая может сказать нет", политэкономическом и политологическом эссе, написанное двумя авторами - депутатом парламента (националистом по убеждениям) и бывшим президентом корпорации "Сони" (отрекшегося впоследствии от этой книги). Пафос ее, как и повившихся затем аналогичных работ, в утверждении превосходства сугубо японских ценностей социальной организации, позволяющих не только успешно конкурировать с наиболее мощными представителями классической западной цивилизации, но и даже превосходить их.

Любопытно, что в конкретном анализе явлений экономического соперничества Японии с США, слабостей и просчетов последних, авторы этой книги были часто справедливы. Однако в США эти утверждения были интерпретированы не только как свидетельство поднимающего голову национализма, в чем Японию упрекали с давних пор, но и как восхваление иной незападной модели цивилизации, что воспринималось как значительно более опасный и наглый вызов. Именно поэтому поток литературы, направленной на критику японской модели как квазидемократической и квазирыночной только усилился.

Проблема определения японской экономики и общества сама по себе чрезвычайно интересна и важна. Однако спор вокруг того, является ли эта экономика капиталисти-

ческой или несет в себе социалистические или даже коммунистические черты, зачастую не выходит за рамки эмоциональной публицистической полемики. Многое, судя по всему, зависит от угла зрения и критериев, используемых для идентификации того или иного общества или экономической модели.

В этой связи стоит упомянуть одну из последних статей Френсиса Фукуямы "Социальный капитал и мировая экономика", в которой он подвергает сомнению классическое деление экономической карты мира на три типологические зоны: восточно-азиатскую во главе с Японией, в которой преобладает государственное вмешательство и регулирование экономическими процессами; противоположную ей - североамериканскую, где процветает рыночный либерализм; и находящуюся как бы между ними - Европу, где в той или иной мере присутствует то и другое, где рыночный либерализм мирно сосуществует с огромными затратами государства на социальные программы.

Ф.Фукуяма предлагает иной принцип идентификации, по признакам особенностей промышленных структур или точнее по характеру компаний-лидеров национальных экономик. По этому признаку в одной группе оказываются США, Германия и Япония с преобладанием крупных международных промышленных корпораций, функционирующих как социальные организации и составляющих социальный капитал нации, таких как IBM, Microsoft, Siemens, Toyota. В другой - Франция, Италия, Гонконг, Тайвань и др., в которых заметно преобладание мелких и средних компаний, принадлежащих отдельным лицам, семьям и кланам и имеющих характер классического частнособственнического субъекта¹⁷. Подобный тип идентификации не по политэкономическим, а скорее по социологическим признакам экономических субъектов, пожалуй, более отвечает японскому менталитету.

Сам по себе спор о новой японской идентичности во внешнем мире имеет и другие глубокие основания. Он свя-

зан с вполне объективным явлением - распадом биполярного мира в конце 80-х гг. и формированием нового мирового порядка. Для Японии самой острой стала проблема ориентации себя в новом мире после крушения системы "холодной войны", к которой она не только успела приспособиться, но и извлечь определенные выгоды.

Несмотря на всю полемику вокруг этой проблемы, в построениях общества преобладает точка зрения о необходимости сохранения приверженности Японии западным демократиям. Признавая и подчеркивая свою специфику, принадлежность к одной из восточных разновидностей мировой цивилизации, она причисляет себя к Западу, отдавая должное его универсальным идеалам и принципам. Причем все эти принципы, по убеждению японцев, не являются атрибутами какой-то одной национальной или цивилизационной модели. Это нечто универсальное, некое качество, которое приобретается государством и обществом по мере их поступательного развития¹⁸.

Сохраняющаяся ориентация на Запад и акцентированное партнерство с ним объясняется и еще одним важнейшим обстоятельством. Наступившая после распада СССР резкая дестабилизация в мире, обострение региональных и местных конфликтов, существенное осложнение международной ситуации на время похоронило радужные надежды на формирование нового мирового порядка. В этих условиях взамен прошлых возникли новые серьезные стимулы для тесного партнерства с США и Западом в целом.

И все же в среднесрочной и долгосрочной перспективе процесс поисков новой роли, нового образа во внешнем мире неизбежен. Уже сейчас прилагаются усилия для его формирования. Важнейшим инструментом здесь выступают японские программы экономической и технологической помощи зарубежным странам. Все девяностые годы Япония является ведущим донором развивающихся стран, занимая с конца 80-х годов первое место в мире по оказанию официальной помощи развитию (ОПР).

Однако увеличение объемов этой помощи не приводит к адекватным результатам - японский образ улучшается, но не существенно. Более того, нередко Токио упрекают в экономическом эгоизме, стремлении использовать ОПР для проникновения в экономические структуры и на рынки развивающихся стран, воспитать здесь прояпонскую техническую элиту.

Одним из важнейших моментов самоидентификации Японии во внешнем мире является проблема международного статуса. Более конкретно, как и в случае с Германией, речь идет о ее приеме в постоянные члены Совета Безопасности ООН, т.е. приобретения права вето при решении всех важнейших вопросов международной политики. В случае реализации этого, могут быть решены две важнейшие проблемы: подведена черта под ответственностью страны за вторую мировую войну и получено признание не только экономической, но и политической мощи страны.

Характерно, что проблема вступления Японии в постоянные члены СБ ООН сталкивается с сопротивлением этому не только со стороны других стран, но и у себя дома. Внешне это выглядит как противодействие тех, кто опасается, что новый статус страны повлечет за собой неоправданные экономические затраты, политический риск и потенциальную опасность ввязывания в международные конфликты. Но на самом деле, это касается и ее национальных интересов. В течение всего послевоенного периода ее внешняя политика исходила из иных приоритетов: акцент на экономическое развитие страны и сопротивление участию в конфликтах, которые не затрагивают Японию напрямую.

В течение многих десятилетий сложились специфические черты внешнеполитического поведения страны, которые были названы пассивной дипломатией. На самом деле она была отнюдь не пассивной, а достаточно умелой и даже хитроумной. Корни ее все в том же здоровом прагматизме, конструировании такой модели поведения, которая

наиболее экономна и эффективна с точки зрения достижения приоритетных национальных целей. Вступление Японии в постоянные члены СБ ООН неминуемо приведет к формированию принципиально иного комплекса поведения на международной арене, что возможно болезненно скажется на национальном самосознании, не терпящим крутых поворотов и драматических перемен.

В целом становятся более ясными контуры стратегии Японии в следующем веке:

- утверждение себя в качестве великой державы нового типа, являющейся центром культурно-цивилизационного, а не военного влияния; отказ от вхождения в ядерный клуб держав (до тех пор пока безопасность страны гарантируется Соединенными Штатами, а впоследствии наднациональными структурами), исходя из нынешних национальных приоритетов; при этом не исключен и вариант превращения в мощную военную державу в случае резкой дестабилизации в регионе и полного разрушения структуры безопасности, основанной на союзе с США;

- ставка на экономическую и технологическую мощь в завоевании международных позиций, как основного козыря, как наиболее сильной карты в геополитическом противостоянии;

- активное участие во всех политических процессах по формированию новой модели международных отношений с внесением прямого и конкретного вклада в решение остающихся политических проблем; участие в этих целях в международных силах по поддержанию мира;

- интернационализация на основе перехода от индустриального к постиндустриальному обществу, когда постепенно экспорт товаров и капиталов будет заменяться экспортом идей и культуры; борьба со старым имиджем как "экономического животного" и формирование нового облика страны, готовой и способной вносить большой вклад в общемировое развитие;

- совершенствование образа Японии как страны по культурным параметрам относящейся к азиатскому ареалу и вместе с тем являющейся форпостом демократии.

Главным вызовом для культурно-психологического гено-типа остается проблема интернационализации. Японии придется изыскивать все новые способы сохранения ядра своей культуры под натиском факторов, разрушающих национальную самобытность и нивелирующих ее.

¹ Эти рассуждения я услышал однажды от крупного японского экономиста Като Хироси. .

² Нихон кокусэй дзүэ (Япония в диаграммах и цифрах). 94/95, Токио, 1994, с.109.

³ Судзи дэ миру Нихон-но хякунэн (Сто лет Японии в цифрах) Токио, 1991 г., с. 68

⁴ Там же, с. 177, 18-186; Нихон кокусэй дзүэ (94/95), с. 177.

⁵ Судзи дэ миру Нихон-но хякунэн, с. 474

⁶ Там же, с. 86

⁷ Нихон кокусэй дзүэ '94/95, с.106

⁸ Кокумин сэйкацу хакусё (Белая книга о жизни населения), Токио, 1994, с. 350

⁹ David Cairncross. Japan's Identity and Changing Global Role, Wilton Park Paper 105, с.12

¹⁰ Гайко сэйсё (Голубая книга по внешней политике), Токио, 1995, с. 129, 279

¹¹ The Nikkei Weekly 2,10. 1995

¹² Аида Юдзи. Нихондзин-но исики кодзо (Структура сознания японцев). Токио, 1970. с. 22

¹³ Окада Сусуму, Нихондзин-но имэдзи кодзо (Структура имиджа японцев), Токио, 1972, с. 165

¹⁴ В.Э. Молодяков. Геостратегия "меланхолического принца" (проекты и свершения Фумимаро Коноэ), в кн. "Ежегодник Япония", 1994/1995. М., 1995, с. 216

¹⁵ Николай Бердяев. Судьба России М., 1990, с. 29

¹⁶ Стенограмма цит. по: Борис Н. Славинский, Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: Дипломатическая история, 1941-1945 гг. М., 1995, с. 75

¹⁷ Francis Fukuyama. *Social Capital and the Global Economy*, Foreign Affairs, Volume 74, No. 5 September/October 1995, с. 89-90

¹⁸ Масамура Кимихиро, Нихон-но кадай. Нидзюиссэйки-но кэйдзай сисутэму (Задачи Японии. Экономическая система 21 века), Токио, 1991, с.6-7

С. Б. Маркарян

ЯПОНИЯ - ЗАПАД: ЭВОЛЮЦИЯ ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ

В современных условиях, когда самые различные народы осознают потребность заявить о своей этнической уникальности, проблема взаимовосприятия приобретает все большую значимость. Она становится особенно актуальной при все более расширяющейся интернационализации, затрагивающей не только межгосударственные, но и межличностные отношения, вторгаясь в повседневную жизнь людей.

Островное положение страны испокон веку рождало в сознании японцев ощущение единственности своей страны в мире. Они никогда не ощущали на своих границах давления соседних народов; не случайно, их города не обносились крепостными стенами. Япония, по образному замечанию австралийского профессора Д. Арнасона, несла в себе "свою Италию, Голландию, Францию, Англию и Германию вместе взятые"¹.

Такое историческое мировосприятие японцев отнюдь не мешало им проявлять чрезвычайно большой интерес к проблемам континента, заимствовать достижения других цивилизаций. Российский исследователь древней Японии М. И. Воробьев удачно подметил, что привязанность к континенту "имела для Японии большее значение, чем изоляция, столь часто отмечаемая"². Водное пространство, отделявшее ее от материка, было достаточно велико для широкомасштабных военных вторжений (это не Ла-Манш!), но в то же время не являлось непреодолимой преградой для приобщения к достижению континентальной культуры. По мнению крупнейшего этнолога и историка Янагида Кунио, его народу издревле была свойственная тяга к поиску чего-то нового за морем. Он считает, что в основном японцы стремились плыть в южном направлении, что это было своего рода магией (а,

возможно, генетический код, свидетельствующий о предках, пришедших с южных морей?)

Понимание себя и своего места в мире - универсальная потребность этносов, народов, личностей. Ф.М.Достоевский в гениальном творении "Братья Карамазовы" назвал это "потребностью познания". Он выводил ее из того, что "тайна человеческого бытия не в том, чтобы только жить, а в том для чего жить", имея в виду всемирный масштаб. Эту потребность познания Л.Н.Гумилев спустя почти столетие облек в теорию пассионарности³. Но познание - явление сложное и многомерное. Философ-славянофил А.С.Хомяков, рассуждая о взаимовосприятии русских и иностранцев писал: "Человеку трудно узнать самого себя... Точно так же и народу себя узнать. Наша западноевропейская братия разбита на множество племен и государств; каждое изучает и определяет своего соседа, и этот труд совершается уже несколько веков, а едва ли хоть один народ определен или понят вполне"⁴. Такой взгляд вполне можно экстраполировать на отношения Япония-Запад даже сегодня.

В истоках восприятия народами друг друга, равно как и своей собственной истории, во многих случаях лежит миф. Понять характер любого общества невозможно без учета его мифологизированной истории, ибо "миф, - по мнению крупнейшего специалиста по вопросам истории религии Мирча Элиаде, - является истинной историей, которая произошла в начале времени и которая служит моделью человеческого поведения"⁵. Или, как писал русский философ А.Ф.Лосев, "миф - необходимейшая - прямо нужно сказать, трансцендентально-необходимая категория мысли и жизни; и в нем нет ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного или фантастического. Это подлинная и максимально конкретная реальность"⁶.

Японская мифология является ярким тому свидетельством. Древние хроники Кодзики (Записи о деяниях древности, 712 г.) и Нихон сёки (Анналы Японии, 720 г.) асинхронны подлинной истории страны. Но, как подтверждают данные других наук

(археология, этнология), в основе многих изложенных в них мифов лежат подлинные события, хотя нередко временные рамки и смещены. Тем не менее событийную канву исторического процесса по этим источникам проследить можно.

Первые знания европейцев о Японии опирались действительно на миф. Но в основе его не лежала действительность. Творцом такого мифа был великий итальянский путешественник XIII в. Марко Поло. С его слов, хотя сам он не бывал в Японии, эта страна предстала перед европейцами как идеальная, богатая, с чрезвычайно красивым и учтивым народом. Сведения эти были почерпнуты им из китайских источников, а возможно, и из рассказов сподвижников хана Хубилая. Подобное же впечатление складывалось и у христианских миссионеров в XVI в. (Франциск Ксавье, Луиш Фроиш), и даже у американцев, пришедших с командором Перри в середине XIX в. В основе их восприятия лежал постулат, что эта страна ни в чем ни на что не похожа. Даже мнение английского посла в конце XIX в. мало чем отличалось от впечатления тех, кто посетил Японию тремя веками раньше. Не сговариваясь, они повторяли одно и то же, приводили одни и те же примеры. В восприятии европейцами японцев на рубеже веков все еще были слышны отголоски эпохи первоначальных контактов.

Такой имидж у иностранцев во многом создавали сами японцы. Это было сделать не так сложно, поскольку практически никаких контактов с ними не было и достоверных сведений о них не просачивалось. Подчас и сами иностранцы были непрочь сотворить миф о Японии. Даже такой знаток страны, как Лавкадио Хёрн (1850-1904 гг.), буквально растворившийся в ней, принявший не только буддизм, но и японское имя (Коидзуми Ягумо), был мифотворцем. Но, прожив около 20 лет в стране, он понял, что действительность намного сложнее и многогранней, чем творимый миф. Приступая к своей итоговой книге "Япония: попытка интерпретации", Лавкадио Хёрн заметил, что он совсем не понимает японцев, что характер этой

нации “представляет нам много загадок, которые очень трудно объяснить”⁷.

Эти трудности связаны, прежде всего, с характером и структурой японского общества. Основной его ячейкой является группа, в то время как на Западе индивидуум. Отношения между группами строятся по принципу внутренний-внешний, который как бы воплощает дихотомию чистый-грязный. Этот принцип экстраполируется на все социальные уровни, но, что очень важно, он не подразумевает враждебности, а лишь определяет принадлежность к группе, к одной семье, или компании, а не к другой семье или компании. Отношения в группе, между группами и в обществе в целом строго фиксируются, создавая как бы единое тканое полотно и не оставляя место вновь пришедшим. Замкнутость японского общества традиционно не допускала ни проникновение иностранцев, ни уход своих. (Это положение, конечно, нельзя абсолютизировать. Естественно, что такие группы, как семья или компания, пополняются, иначе они исчезнут). В соответствии с базовым принципом строения общества любой иностранец здесь воспринимается более чужим, чем свой, выпавший из социальных связей, его часто просто не замечают. Точно также как чужеродные элементы воспринимаются и японцы, долгие годы прожившие за границей. В силу такого психологического настроения японцы держат иностранцев на периферии своего сознания. Даже в информационных программах международным событиям отводится значительно меньше времени, чем внутренней жизни. Сведениям об убийстве или краже в каком-либо уголке Японии уделяется больше внимания, чем серьезным происшествиям в других странах. Например, в случае авиакатастрофы за рубежом в первую очередь сообщается, не было ли на борту соотечественников.

Японцы употребляют слова “иностранец”, “иностранное” в смысле “не-японец”, “не-японское”. Это вполне вписывается в дихотомию свой-чужой. По-японски иностранец (гайдзин) обозначается двумя иероглифами - другой и человек. Под этим словом в первую очередь понимаются люди белой расы. Для

японцев гайдзин всегда гайдзин, даже если он прекрасно говорит на их языке, живет, как они, в совершенстве владеет чем-то чисто японским (занимается икэбана или чайной церемонией). В таком случае о нем говорят как о странном иностранце, даже при японском гражданстве⁸. Иностранцу никогда нет доступа в японское общество. Его полноправными членами не могут стать даже проживающие не одно десятилетие в стране корейцы. Будучи другими по крови, они всегда останутся чужаками, несмотря на то, что приняли японские имена, служат в японских компаниях, живут общей с японцами жизнью. В этом обществе иностранцы не могут стать японцами по культуре (как это часто случается в русском), ибо последние считают свою культуру уникальной. А вот в китайском обществе на окитаившихся японцев не смотрят как на иностранцев⁹, поскольку, очевидно, китайцы рассматривают японскую культуру производной от их собственной. На этом фоне как сенсация прозвучало известие о том, что финн, женившись на японке, переделал на японский лад свою фамилию (вместо Марти Турунен стал Марутэн Цурунэн), принял японское гражданство и столь вписался в местное общество, что жители выдвинули его в 1995 г. своим кандидатом в депутаты в палату советников. Он не получил достаточного числа голосов (хотя за него подали довольно много), но важен сам факт доверия японцев гайдзину. Возможно, это первая ласточка наступающих перемен в эпоху, когда не проходит дня, чтобы в средствах массовой информации не встретилось слово "интернационализация". Как говорят в таких случаях японцы, ворона каркает каждый день.

Если в первые годы активных контактов все иностранцы воспринимались без национальной дифференциации (после войны все - американцы), то в настоящее время, особенно молодежи, уделяет внимание национальной принадлежности и не ощущает между ними и собой пропасти.

Замкнутость японского общества во многом базируется на этнической однородности нации, ведет к известной изоляции от внешнего мира, абсолютизации своей страны, пропаганде ее

уникальности и исключительности. При этом под уникальностью понимается не присущая каждой культуре специфика, а, если так можно выразиться, абсолютная уникальность именно японцев. Это наиболее ярко отражается в теории японизма, но оттенок здесь скорее культурологический. Причем некоторые японские ученые усматривают в этой концепции даже биологический аспект, считая свою культуру частью физического бытования народа. Более того, эта теория предполагает классификацию понятий по признаку японское и не-японское. Это могут быть этнические, расовые или культурные параметры¹⁰.

Не вдаваясь в историю разовых контактов европейцев и японцев, заметим лишь, что регулярные отношения начинаются с 60-х годов прошлого века. На своей территории европейцы практически впервые встретились с японцами на международных выставках в Лондоне (1862 г.) и Париже (1863 г.), когда искусство этой страны, особенно гравюра, сразу и безусловно покорило западного зрителя. "То было сновидение, писал русский искусствовед Н.Н.Пунин, - легкое и пленительное сновидение, окутанное лунными туманами, одинокое и грустное, овеянное неуловимой и хрупкой тоской..., то было сновидение мимолетное, все насквозь пронизанное светом, тихое и благоуханное, осыпанное цветами или снегом..., то была мечта, такая же чистая, как серебристый шелк или как края освещенного солнцем облака... То были сновидения и мечта Европы, до которой ветер впервые донес далекий и тихий вздох с берегов Японского моря"¹¹.

Япония представила на этих выставках то, с чем она могла в то время выйти на мировую арену - свою традиционную культуру, столь не похожую на западную. Это была своего рода политика правящей элиты, направленная на формирование своеобразного имиджа своей страны - сплошной экзотики - в глазах европейцев. Уже успешно идя по пути модернизации, готовясь к агрессивным войнам, она продолжала целенаправленно поддерживать этот имидж. На международной парижской выставке 1890 г. европейцы не только уже привычно

восторгались прикладным и изобразительным искусством, но и представленным здесь единственным кустом хризантемы (она - герб императорского дома) с 200 цветками, который получил две высшие награды выставки. В этот период Япония воспринималась европейцами прежде всего на эстетическом и эмоциональном уровне.

Правящая верхушка держала под контролем также процесс вестернизации страны. Характерной чертой было осуществление его сверху через элиту нации. Широкие массы населения не сталкивались непосредственно с представителями западной цивилизации. Новые знания они получали переведенными на японский язык. Поэтому даже быстрая европеизация не порождала у основной части жителей сильного чувства отторжения. Правящие круги воспринимали вестернизацию исключительно прагматически, брали только то, что считали необходимым в то время, прежде всего технические новшества, но, безусловно, сильному воздействию подвергалась и духовная жизнь.

После открытия страны, когда хлынул поток иностранцев, появилась достаточно многообразная литература о ней. Многие книги были написаны под исключительным влиянием японской экзотики, другие "из вежливости" (применяя выражения А.С.Хомякова к книгам европейцев о России), но основная масса с "милостивым снисхождением". Причинами такого восприятия были игнорирование реальной действительности (в частности, восприятие японцев в общем контексте других азиатских народов), предубеждение, предвзятость, снобизм (отношение учителя и учеников). Но базой для такого отношения было прежде всего не только незнание, но и нежелание знать, поскольку Восток в целом рассматривался как периферия и низшая раса.

Примером может служить и карикатурное в антропологическом плане изображение азиатов и, конечно, японцев. Следует добавить, что в то время Япония не слишком интересовала европейцев и как перспективный партнер. Да и сейчас у многих иностранцев она ассоциируется с первой

атомной бомбардировкой, но при этом они часто не представляют, кто кого бомбил. Нередко имидж Японии формируется названиями таких фирм, как Тойота, Хонда, Сони, Фудзи, или боевых искусств, как дзюдо и каратэ. Мало кто может сказать что-либо связное об образе жизни и культуре ее населения. В частности, европейские специалисты по столь популярному во всем мире дзэн-буддизму, не учитывая его эволюцию, распространяют абсолютно неверное обоснование отношения японцев к труду - будто они столь усердно работают лишь по принуждению правительства и компаний. Эти специалисты исходят из того, что первоначальный дзэн-буддизм признавал только духовное совершенство и презирал труд. Однако обогащенный в начале ХУШ в. идеями "морали простоты" Исида Байгана¹², дзэн-буддизм начал проповедовать, что любая работа, если ее выполнять с усердием, приводит к просветлению. На этой базе и складывалось отношение японцев к труду как к непреходящей ценности.

Предвзятое отношение, незнание страны, закрытость японского общества вели подчас к неправильным оценкам существа происходивших процессов. Радикальная модернизация и вестернизация порождали иллюзию, что японцы разрушают свои традиции. Даже известный русский мыслитель В.С.Соловьев, обладавший всей совокупностью знания о Японии на то время и высказавший много прозорливых мыслей о будущем этой страны, оказался в плену подобных представлений. Он писал: "Японцы не очень ценят особенности своей культуры, судя по той поспешности, с которой они перенимают не только техническую сторону европейской цивилизации, но и жизненные ее принципы"¹³. Непонимание продемонстрировал уже в 20-е годы нашего века и много ездивший по азиатским странам известный немецкий писатель Б.Келлерман в своей книге "Страна хризантем". Он убежденно заявил: "И... сегодня, завтра и через сотню лет... не произойдет никаких перемен"¹⁴. Это, конечно, художественный образ, но за ним стояло общее восприятие европейцами этой страны.

Недопонимание Японии, игнорирование действительного положения вещей не раз вызывало шок у иностранцев. Страна вееров (В. Брюсов), мадам Баттерфляй (Дж. Пуччини), страна хризантем (Б. Келлерман) и вдруг... военные успехи той самой Японии, которую они считали хрупкой как веер. В результате к традиционной хризантеме добавился меч (Р. Бенедикт), появилось новое восприятие - желтая опасность. То же повторилось после второй мировой войны, когда поверженная в прах Япония, спустя лишь десятилетие начала свой путь наверх и стала одной из ведущих держав мира. Каждый раз европейцы возмущались, ругали японцев за непредсказуемость, но все еще мало предпринимали усилий для того, чтобы создать правильное представление об этой стране.

Взаимовосприятие народов большей частью осуществляется через устоявшиеся стереотипы. Их содержание отчетливо отражает соотношение национальных и заимствованных элементов в сфере психологии, идеологии, социологии и политики, в целом в массовом сознании. Это то, что, по определению выдающегося философа Маруяма Масао, является "образами", которые создаются людьми в процессе их жизни и общения друг с другом и помогают их социальной ориентированности. Человек заранее создает те или иные образы явлений, событий и с их помощью адаптируется в обществе¹⁵.

Стереотипы дают возможность правящей элите манипулировать массовым сознанием. В отдельные периоды они выступают катализаторами взаимопонимания, а в другие, напротив, являются барьером. Примером может служить взаимовосприятие японцев и американцев на разных этапах их отношений. Так, во время Тихоокеанской войны в Японии в средствах массовой информации и художественных произведениях американцев называли дьяволами, а в США своих военных противников именovali не иначе как япошками, наделяя их всеми отрицательными чертами характера¹⁶. Но одновременно в США предпринимались попытки сформировать более взвешенное мнение о японцах, хотя большинство ученых,

перед которыми была поставлена эта задача, мало что знали об этой стране, не владели ее языком. Лишь некоторые результаты заслуживают внимания. Речь идет, прежде всего, о наиболее известной и распространенной, можно сказать просто хрестоматийной, книге Рут Бенедикт "Хризантема и меч". Несмотря на то, что автор черпала свои знания из вторых рук - чтения романов, просмотра фильмов, встреч с японцами американского происхождения, в ее книге образ японцев сравнительно объективный. Очевидно, это объясняется тем подходом, который она выбрала. Хотя работа выполнялась в военное время и задача стояла изучить характер противника, Р.Бенедикт попыталась, по ее словам, понять поведение японцев через их национальный характер и образ жизни¹⁷.

После сокрушительного поражения в войне, в годы оккупации США воспринимались в Японии как богатая страна, с высоким уровнем культуры, демократическими идеалами и свободами. Такой образ внедрялся путем наглядно-примитивной пропаганды американского образа жизни. А затем воздействие шло уже на более высоком уровне - заимствование опыта, в частности, в области образования, средств массовой информации, в кинематографе, индустрии развлечений. Более того, сами американцы подчас директивными указаниями прививали западные ценности. Не без их влияния на телевидении, радио, в кино, прессе шел поток соответствующей информации, в том числе касающейся западной духовной культуры. Однако по мере экономического возрождения постепенно меркнет магия американского образа жизни и ее имиджа "страны грез". Одновременно в характеристике американцев начинают преобладать такие эпитеты, как "грубые" и "бесцеремонные".

Это стереотипы на бытовом уровне. Меняются они и у американцев. Если в первые послевоенные годы наблюдалось достаточно сочувственное отношение к поверженному противнику и чувство вины за атомную бомбардировку, то в год пятидесятилетнего юбилея окончания второй мировой войны более 60% американцев признали правомерность этого акта.

Причин подобных перемен очень много - в экономике, политике, социальной и культурной сферах. Одни лежат на поверхности, другие - под спудом. Многомерность образов серьезно затрудняет создание унифицированного стереотипа представлений народов друг о друге. Как отмечает американский исследователь Шейла Джонсон, в системе координат интернационального сознания и стереотипов нации, например в Америке, японцам трудно сохранить благоприятный образ на протяжении длительного отрезка времени. Это связано с тем, что "хорошие отношения между двумя странами на правительственном и деловом уровне в общем и целом содействуют созданию благоприятных стереотипов, в то время как состояние войны, торговых эмбарго или других международных трений ведут к созданию нелицеприятного образа"¹⁸.

После поражения во второй мировой войне, так же как и после реставрации Мэйдзи, то есть в период наибольшего распространения иностранного влияния в стране, доминирующим в формировании и взаимовосприятии в целом была формула учитель-ученик, но быстрый экономический взлет Японии внес существенные коррективы в отношения партнеров. В известной мере роли поменялись. Уже в 60-е годы на Западе раздаются призывы "учиться у Японии", а оценки ее становятся все более положительными. До этого времени иностранцы видели ее все еще мифологизированной, т.е. такой, какую они хотели видеть. Это касалось и оценки ее экономического потенциала.

В нашу очередь работе профессора Гарвардского университета Эзры Вогеля "Япония - номер один. Уроки для Америки" эта страна рассматривается уже как модель для подражания. Примечательно, что у себя на родине она не стала бестселлером, хотя за 4 года выдержала восемь изданий и вокруг нее развернулись дискуссии на страницах журналов, научных конференциях, особенно в школах бизнеса. Это было первое комплексное исследование всех сторон жизнедеятельности японского общества. В предисловии к книге

Э.Вогель отмечал, что до сих пор многие американские исследователи ограничиваются изучением “экзотической” Японии (с удивительной культурой, интересной историей, утонченной литературой, любопытными обычаями), а не подлинной страны, ставшей второй экономической державой мира. Дав подробный анализ факторов удивительных ее успехов, в заключении он задает вопрос: сможет ли Америка ответить на вызов, который ей бросает Япония, как в свое время сумела это сделать Япония по отношению к Западу¹⁹. Книга Э.Вогеля сразу же была переведена на японский язык и стала бестселлером, поскольку практически впервые раздался голос иностранца, да еще и американца, призывающий учиться у Японии.

В то же время звучит очень много критических высказываний в ее адрес, зачастую не лишенных основания, но во многих случаях вызванных раздражением развитых стран - творцов модернизации и демократии по отношению к более преуспевающему сопернику. Даже положительные качества японцев, как например дисциплинированность, часто трактуются как регламентированность, стремление учиться - как рабское подражательство, т.е. все идет со знаком минус. Первые послевоенные поколения иностранцев ощущали огромный разрыв с японцами в политическом и моральном плане, но “чудо” подняло престиж страны и даже породило опасения, что они могут превзойти Запад и в духовной сфере. Это был период нового увлечения Японией.

Под влиянием ее грандиозных экономических успехов другие страны усиленно перенимают японский опыт в системе управления, организации производства и трудовых отношений. Высокие показатели продолжительности жизни, низкий уровень смертности, разводов, самоубийств, преступности привлекают внимание других народов к некоторым аспектам японского образа жизни, межличностных отношений, культурной традиции. Мирный путь развития в послевоенный период, сохранение самобытности при глубокой европеизации в целом может служить хорошей моделью для народов развивающихся стран,

не вызывая у них чувства опасения потерять свою идентичность в условиях модернизации и интернационализации.

Суперсовременная Япония с ее информатизацией, сервисизацией, софтизацией вновь поражает мир тем, с чего она начала свое знакомство с Западом, - традиционной культурой. Нынешнее впечатление европейцев от выставок гравюр, представлений Кабуки, демонстраций искусства борцов сумо столь велико, что заговорили о новом открытии Японии. Новом потому, что было продемонстрировано оптимальное сочетание всех новейших достижений науки и техники с традициями. В таком сочетании прошлого и настоящего - ее сила. "Будь прошлое Японии, - писал итальянский японовец Ф.Мараини, - преградой для ее будущего, страна до сих пор была бы неким прилежным и многообещающим учеником своих западных менторов, а не могущественным соперником, поднявшим меч и играющим с умением и жаром, грозя в скором времени побить учителей в их собственной игре"²⁰.

В то же время именно большие успехи Японии на экономическом поприще создают и серьезные препятствия на пути сближения с другими странами. Опасаясь ее мощи, они обвиняют Японию в закрытости и требуют более активного сотрудничества с мировым сообществом. Наиболее серьезные проблемы связаны с внешней торговлей. На протяжении многих десятилетий японская экспортная экспансия вызывала серьезные трения с партнерами. Подчас сложные конфликты доводились до уровня "торговых войн". Достаточно напомнить текстильную войну начала 60-х, радиоэлектронную - в 70-е и автомобильную в 80-90-е годы. В конечном счете все они разрешались или теряли свою значимость. Но по мере углубления процесса интернационализации, усиления движения капиталов, распространения технологий и расширения миграции рабочей силы, видимо, будут возникать более сложные проблемы, затрагивающие не только экспортно-импортную сферу, но и все стороны процесса воспроизводства. И на этом пути еще не раз Японию будут упрекать в "нежелании играть по правилам мирового сообщества" и требовать, чтобы она из

страны, где господствует бюрократия и нет свободной экономики, уподобилась государствам Европы и Северной Америки.

Определенное несоответствие между экономической мощью и жизненным уровнем японского населения опять дало возможность Западу уничижительно отозваться об этой стране как об “экономическом животном”. Но такая оценка в значительной степени была скорее следствием недопонимания социопсихологических особенностей японцев, ряда их традиционных ценностей, национального характера. В этом проявился европоцентристский подход, во все времена свойственный Западу. Для японцев, например, важнее накормить семью и дать детям образование, чем приобрести престижное жилье (тем более, что его размеры никогда не были здесь приоритетом).

Политическая элита не остается равнодушной к постоянной критике со стороны Запада. Она ставит и решает задачу повышения социально-политического и военного статуса страны, приведения его в соответствие с экономической мощью, что поможет Японии стать “международным государством”. Под этим термином здесь подразумевают не только органичное включение в мировое сообщество, но и создание сбалансированной социально-экономической и политической структуры внутри страны.

По мере реализации этих стратегических установок Япония увеличивает свой вклад в развитие международного сообщества. Речь идет о расширении зарубежных инвестиций как в развитые, так и в развивающиеся страны, о все возрастающем ее влиянии в связи с этим на изменение там производственных структур. Важнейшим компонентом такой политики является экономическая помощь развивающимся государствам, в том числе программы научно-технического сотрудничества. Япония активно участвует в различных экономических международных организациях, постоянно увеличивая свои взносы, сотрудничает в развитии инфраструктуры, научно-исследовательских проектах. В конце

80-х годов она официально выдвинула международную программу "Человеческие границы", предложив оплатить половину расходов. В русле углубления процессов интернационализации хозяйственной жизни идет и политика государства по расширению доступа иностранных предпринимателей на внутренний рынок и снятия ряда таможенных барьеров на пути импорта иностранных товаров.

Оказание экономической помощи развивающимся странам, прежде всего азиатско-тихоокеанского региона, создает более благоприятный облик Японии, хотя делать это невероятно трудно, учитывая недавнее прошлое. Не без давления мирового сообщества размеры этой помощи, особенно государственной, постоянно растут. И сейчас Япония занимает по этому показателю первое место среди развитых стран. Менее значимой в экономическом плане, но более эффективной в пропагандистском является помощь, оказываемая по неправительственным каналам. Разного рода общественные организации (типа Корпуса добровольцев, Корпорации международного сотрудничества) направляют более чем в сто стран десятки тысяч учителей, врачей, агрономов, разного рода специалистов и добровольцев. Эта помощь, в основном гуманитарного характера, направлена на культивирование на местной почве японского опыта и установление человеческих отношений.

Принимая во внимание уровень развития большинства этих стран, японские специалисты стараются при оказании помощи, например в сельском хозяйстве, адаптировать современную технологию к местным условиям. Кроме основной деятельности большинство их выполняет большую просветительскую работу. Учителя или врачи, как это было раньше и в России, являются носителями всех знаний и культуры и служат центром притяжения жителей. Именно они устраивают библиотеки, помогают воспитывать детей, обучая их оригами, изготовлению бумажных змеев, привнося исподволь элементы своей культуры. Часто они живут среди местных жителей, деля с ними кров. Подобная деятельность является своего рода базовым

уровнем для достижения взаимопонимания. Она рассчитана на долговременную перспективу, а не на быструю отдачу. Это одно из направлений на нелегком и непростом пути интернационализации.

Немаловажную роль в восприятии той или иной страны играет фактор языка. Если раньше для контактов с Западом японцы стремились овладеть иностранными языками, то теперь они предлагают иностранцам изучать их язык. При этом они активно налаживают его преподавание за рубежом и у себя дома. Правительство разработало специальную программу, рассчитанную до 2000 года. В соответствии с ней в стране и за границей создаются школы, открываются курсы японского языка, проводятся семинары и симпозиумы для иностранных преподавателей. Более 100 тыс. студентов, в подавляющем большинстве из стран Азии, будут учиться в Японии²¹. В процессе интернационализации им отводится роль посредников, причем не только как профессионалов, но и как "носителей" японской культуры. Студенты-иностранцы часто живут в японских домах не как гости, а как члены семьи. Выпускники японских университетов - они все больше привлекаются на работу в самой Японии, не говоря уже о том, что их широко используют на японских предприятиях в своих странах.

Вместе с тем японский язык продолжает оставаться определенным препятствием на пути расширения связи Японии с внешним миром. Это объясняется не только его лингвистическими трудностями, но и восприятием японцами своего языка как уникального, тесно связанного именно с их нацией. В известной степени создается еще один японский миф. Безусловно, у него есть реальная основа; но главным образом он укореняется в массовом сознании благодаря целенаправленной пропаганде официальных кругов. Разрушить такой миф, по словам российского лингвиста В.Алпатова, может только полная интернационализация японского языка, когда использование его перестанет связываться с генетическим происхождением, но до этого еще далеко²².

Однако даже такой сложный элемент своего языка, как иероглифы, японцы прагматически стремятся приспособить для продвижения товаров на рынки азиатских стран, которые пользуются иероглификой. Впервые этот прием применили автомобильные фирмы. Они заменили написание популярных марок машин на иероглифическое, в надежде, что таким образом эта продукция станет более близкой своим потенциальным иностранным покупателям.

Несмотря на все усилия японцев в оказании помощи другим странам, мировое общественное мнение в отношении Японии до сих пор сохраняет негативный оттенок. Уже само за себя говорит определение Японии в средствах массовой информации как "политического карлика с большим кошельком". В нем отражена зависть, презрение партнеров-соперников и в то же время действительное положение вещей. Ведь роль Японии в мировой политике неадекватна ее экономическому потенциалу. Например, несмотря на огромный финансовый взнос во время операции "Буря в пустыни" на поддержание многонациональных сил и на послевоенное восстановление в странах, пострадавших от военного конфликта, представитель Японии не был приглашен на мирную конференцию по Ближнему Востоку, проходившую в 1991 г. в Мадриде. На Западе, преимущественно в США, была развернута антияпонская кампания, лейтмотивом которой было утверждение, что Япония откупилась деньгами за кровь, пролитую другими²³. В бессильной ярости США забывают, что именно благодаря их стараниям Япония получила мирную конституцию с ее всемирно известной 9 статьей. Пересмотр ее до сих пор вызывает серьезное сопротивление в стране. Правительство было вынуждено даже отозвать из парламента осенью 1990 г. законопроект "О содействии мирным усилиям ООН", который разрешал направить японских военных за границу... ибо результат голосования был предрешен.

Взаимовосприятию мешают также особенности менталитета, и прежде всего исторически обусловленная разность мировосприятия, философского подхода к действительности,

социопсихологические отличия. Не последнюю роль здесь играет традиционная замкнутость японского общества и отсюда невысокий уровень интернационального сознания народа. Этническая однородность японцев создает благоприятные условия и для националистических настроений, тем более, что они, как уже говорилось, склонны утверждать исключительность своей нации. (Такой настрой, естественно, вызывает сильное чувство неприятия у других народов, в первую очередь, азиатских). В настоящее время к этому прибавляется не только чувство гордости за успехи, но и порождаемое ими же определенное высокомерие - ведь опыт Японии используют не только развивающиеся страны, но и те, которые в недалеком прошлом были образцом для нее самой.

Японцы, осознавая равенство с другими развитыми странами и отчасти даже свое превосходство, изменили отношение к себе и внешнему миру. Япония всегда пропагандировала себя как "прекрасная страна", но в довоенное время в эту формулу добавлялось "сильная страна". Это означало, что силой оружия она способна подчинить себе весь мир. А после войны к словам "прекрасная страна" добавилось "Япония - богатая, мудрая, мирная". Теперь гордостью японцев является ее экономическая мощь²⁴. Сегодняшний набор параметров их автостереотипа выглядит так: работа, стиснув зубы, усердие, законопослушание, принадлежность к великой экономической державе. Такой образ поддерживается и пропагандируется на официальном уровне. Что касается внешнего мира, то теперь уже японцы считают, что у Европы отсутствует динамизм, ибо она обременена традиционализмом, под которым в данном случае понимают не традиции как таковые, а более медленное развитие. Но в целом нельзя не признать, что оценки японцев в отношении Запада, перед культурой которого у них до сих пор сохраняется пиетет, всегда были более взвешенными и объективными, чем у иностранцев в отношении их страны.

По мере углубления процесса интернационализации, естественно, осуществляется взаимодействие цивилизаций, взаимопроникновение культур. Япония входит в мировое

сообщество как равноправный партнер, импортируя иностранную культуру и образ жизни и одновременно распространяя свои материальные и духовные ценности на мировой арене.

В современной Японии в повседневную жизнь населения органично вошли такие привычные для иностранцев высотные дома, многокилометровые подземные кварталы с площадями, фонтанами и магазинами, многоярусные автострады со сложными развязками, площадки для гольфа, супермаркеты, магазины круглосуточной торговли продовольственными товарами, цепные системы ресторанов Макдональдс и Кентукки фрай чикин. Этого еще нельзя сказать о японских ресторанах в США и Европе, но постепенно они начинают завоевывать, например, западное побережье США, где традиционно проживали японские переселенцы, Париж, Лондон, а вскоре, возможно, и Москву. Примечательно, что в европейских ресторанах в Японии шеф-повара в большинстве случаев японцы, а на Западе в японских ресторанах - тоже японцы. Их кухня медленно, но верно завоевывает популярность за рубежом, предлагая здоровую недорогую натуральную пищу. Здесь создаются кулинарные школы, издается много книг с рецептами национальной кухни.

Активное усвоение западного образа жизни, основанного прежде всего на более высоком уровне материального обеспечения, привело к утрате ряда традиционных ценностей. Постепенно разрушаются прежние семейные и социальные связи, утрачивается унифицированное коллективистское мышление, рождается индивидуалистическое восприятие мира. Одновременно на Западе все большее внимание привлекают японские традиционные ценности. С давних пор всему миру известны искусство аранжировки цветов, виды военных искусств, чайная церемония, только одна из школ которой - Ура Сэнкэ - имеет 43 филиала в 20 странах. Десятки тысяч людей в разных странах играют в японские шашки го, шахматы сёги, занимаются каллиграфией, устраивают японские сады.

В настоящее время японская культура проникает в другие страны не только традиционным путем, но и через такие суперсовременные формы, как телевизионные компьютерные игры, караокэ. Другими словами, уже массовая культура этой страны распространяется по миру. Всего один пример. В Республике Корея, куда через Японию в глубокой древности пришли индийская и китайская цивилизации, 90% всех игровых телепрограмм и 73% современных мультипликационных фильмов - японские и лишь 12% приходится на долю США. Современная японская масскультура приобретает поклонников среди корейской молодежи попмузыкой, попгруппами, компактдисками, комиксами. Постепенно на этот путь встает и Россия.

Именно в этих условиях возникает вопрос, может ли культура быть предметом продажи, как любой другой товар - компьютеры, машины, телевизоры, то есть можно ли сделать открытым рынок культуры. Другими словами, можно ли поставить на одну доску духовную жизнь народа и материальную. Речь идет не о культурном обмене, а о засилье бездуховных поделок массовой культуры. Мнение представителей разных кругов французского общества о том, что нация, давшая миру Мольера и Бодлера, не может позволить своей молодежи питаться "Далласами" и "Санта-Барбарами", следует, пожалуй, отнести к любой стране. Единственным заслоном проникновения такого рода культуры может стать, как считает один из ведущих писателей Латинской Америки Марио Варгас Льева, высокий уровень морального воспитания и образования²⁵. В Японии этому в значительной степени содействуют разного рода образовательные программы телевидения, а также постоянная демонстрация фильмов, посвященных истории страны.

В последней четверти уходящего века большое значение для взаимовосприятия различных народов играет туризм. С каждым годом все большее число японцев осваивает мир с фотоаппаратами и видеокамерами. В 1994 г. только в течение "золотой недели" в конце апреля - начале мая около

полумиллиона японцев выехало за рубеж. В глазах европейцев сложился новый стереотип - японец, обвешанный аппаратурой, снимающий все подряд.

Примечательно, что возросший интерес к заграничным путешествиям и отдыху за рубежом сочетается у японцев с желанием не порывать с традиционным образом жизни. Речь идет о том, что японские туристические фирмы приобретают за границей землю (в частности, в Австралии) и строят комплексы для отдыха в национальном стиле. Здесь можно найти привычные для них рёканы с характерным интерьером, татами, фуру, сёдзи, национальной кухней и непременно японским садом. Но дело не только в желании обитать в привычных условиях. Скорее это психологический настрой населения мононационального государства с определенной настороженностью относиться ко всему иностранному и самим иностранцам, несмотря на все ширящуюся тенденцию к интернационализации.

Любопытно и довольно своеобразное восприятие японцами других стран. Им хотелось бы, чтобы за рубежом все было, как дома (например, в Лондоне говорили по-японски, в Америке было бы безопасно на улицах, как на родине), и чтобы там, где они бывают, можно было не соприкасаться с реальной жизнью. Их интересует японская версия другого мира. Может быть именно поэтому в Японии таким успехом пользуется Диснейлэнд, само название которого является символом Америки.

Возможно, таким видением мира объясняется популярность "перенесения" других стран на свои острова - то, что можно назвать тематическим парком или музеем под открытым небом. Одним из первых и самых крупных такого рода музеев стала Голландская деревня (площадью 150 гектаров) под названием Хаустенбош (Дом в лесу). Она расположена на небольшом острове в заливе Омура между городами Нагасаки и Сасэбо и представляет собой как бы квинтэссенцию Голландии. Здесь можно увидеть копию гостиницы "Европа" из Амстердама, городскую ратушу ХУ1 в. из города Гуду. На ее территории

находятся гостиницы, магазины, музеи и выставочные залы, жилые дома. Для придания колорита построены 3 ветряные мельницы и прорыты 6 км каналов. Повсюду море тюльпанов. Планируется ее дальнейшее расширение.

Недавно появилась и "Русская деревня", расположенная под г. Ниигата. Первым был возведен собор по типу Рождественского в Суздале. Расписывали его русские мастера. Создан он не для отправления служб, а используется как концертный зал. В нем всегда можно увидеть выступления профессиональных и самодеятельных коллективов из России. В музее постоянно меняются экспозиции изобразительного и прикладного искусства. В ресторане, расписанном теми же русскими мастерами, можно отведать псевдорусскую кухню, а в лавках - приобрести столь любимые японцами предметы старинных русских промыслов. Но это только начало Русской деревни. Впереди создание второй очереди.

На Хоккайдо расположилось сразу несколько таких тематических парков. Первый, знакомящий с Германией времен братьев Гримм, был создан в 1989 г. и называется Счастливая страна. Здесь можно увидеть ветряную мельницу из Бремена, деревянные дома и каменную мостовую из Берлина ХУ1 в., отведать немецкого пива. Тематический парк в г. Ноборибэцу знакомит с Данией. Достопримечательностями являются копия дома Христиана Андерсена и аквариум, построенный в виде средневекового датского замка. На Хоккайдо не забыто и прошлое собственной страны. В городах Мацумаэ и Датэ парки воспроизводят городской колорит токугавской Японии.

Создание парков на темы зарубежных стран объясняется, возможно, желанием японцев понять другие народы, столь непохожие на них. А, может быть, они хотят познать разные страны, не покидая собственного дома, а может быть, иностранные путешествия дороги, но как бы то ни было это все содействует взаимовосприятию и углубляет взаимопонимание. В новых условиях все усиливающегося процесса взаимопроникновения культур естественно встает вопрос: не возникнет ли при этом единая унифицированная цивилизация, в

которой не останется места для национальных культур; не разрушает ли их импорт иностранной культуры и образа жизни (американский гамбургер, немецкая симфония, французская кухня, итальянский дизайн)? Опыт Японии дает на эти вопросы отрицательный ответ. По мере насыщения быта японцев предметами материальной культуры западный, точнее американский, образ жизни постепенно теряет здесь свою привлекательность, а национальные традиции практически на всех уровнях жизнедеятельности общества, в том числе и бытовом, продолжают жить.

В стране сложилась уникальная ситуация, когда ее население органично живет в двух различных культурах. Японец в зависимости от условий абсолютно одинаково использует палочки для еды или европейские приборы, надевает кимоно или западную одежду, обувает ботинки или гэта, работает за письменным столом или занимается каллиграфией на татами, слушает симфонический оркестр или песнопение дзёрури в театре Бунраку, следит за изысканной игрой актеров театра Кабуки или смотрит западные шоу, играет в го или часами просиживает перед игровыми автоматами. "Старое и новое", японское и европейское сосуществуют, словно отдельные комнаты в квартире - стучи в любую дверь, кому куда хочется"²⁶. В настоящее время это общая комната. Для молодого поколения нет противостояния между традиционно японским и европейским. Многие молодые люди с рождения воспринимают элементы западной культуры как свои отечественные.

Современный японец демонстрирует самостоятельное жизненное поведение (уважение личности) и принадлежность к социальной группе, признает железную логику дисциплины и творческий характер труда, отдает должное важности накопления и утверждению эстетических ценностей, твердо придерживается принципов демократии и плюрализма, гарантирующих стабильность в обществе, но не забывает оказывать уважение старшим по возрасту и положению. Этот синтез поднимает на новый уровень процесс взаимовосприятия.

* * *

В эволюции взаимовосприятия народов отражается весь спектр взаимоотношений между странами. Немаловажное значение имеет то, как тот или иной народ сумеет принять чужой опыт, отреагировать на него. Это обеспечивается самобытностью каждого этноса, неидентичностью интеллектуальной сферы, многообразием системы ценностей, спецификой национального самосознания.

В эпоху интернационализации возникают новые возможности для каждого народа продемонстрировать свои национальные ценности как экономические, так и социокультурные, перенять необходимый ему международный опыт. На этом пути всегда можно найти незаполненную нишу для отношений с мировым сообществом с учетом менталитета и желания народов оценивать духовные ценности друг друга, становясь на позиции партнера.

¹ The Japan Trajectory: Modernization and Beyond. Cambridge, 1988, 240

² М.В.Воробьев. Япония в Ш-УП вв. М., 1980, с. 29.

³ См. Л.Н.Гумилев. Этногенез и биосфера земли. М., 1989.

⁴ А.С.Хомяков. О старом и новом. М., 1988, с. 88.

⁵ М.Элиаде. Космос и история. М., 1987, с. 44.

⁶ А.Ф.Лосев. Из ранних произведений. М., 1990, с. 397.

⁷ Lafcadio Hearn. Japan: An Interpretation. Tokyo, 1971, с. 19.

⁸ Сэкай то Нихон (Мир и Япония). Токио, 1983, с. 57.

⁹ Окада Хидэхиро. Кокусай коккай то нихондзин (Международное сообщество и японцы). Токио, 1983, с. 83.

¹⁰ Ross Mouer. Yoshi Sugimoto. Images of Japanese Society. London New-York, 1986, с. 378.

¹¹ Апполон, 1915, № 16-17: с. 1.

¹² Подробнее см. Нагата Хироси. История философской мысли Японии. М., 1991, с. 234-240.

¹³ В.С.Соловьев. Собр. соч., СПб, б/г, т. У1, с. 126.

¹⁴ Бернард Келлерман. Страна Хризантем. Л.-М., 1924, с. 16.

- ⁵ Маруяма Масао. Нихон-но сисо (Общественная мысль в Японии). Токио, 1963.
- ⁶ См. подробнее Wilkinson E. Misunderstanding: Europe versus Japan. Токио, 1982.
- ⁷ Ruth Benedict. The chrysanthemum and the Sword. Tokyo, 1985, с. 1-9.
- ⁸ Sheila K. Johnson. The Japanese through American Eyes. Tokyo, 1989, с. 170ю
- ⁹ Ezra F. Vogel. Japan As N 1. Lessons for America. Tokyo, 1980, с. 4, 55.
- ¹⁰ Ф. Мараини. Япония. Образы и традиции. М., 1980, с. 158.
- ¹ The Japan Times, 28.06.1990.
- ² Иностранная литература, 1993, № 5, с. 245-250.
- ³ Подробнее см.: Япония. Ежегодник 1991-1992. М., 1994, с. 5-18.
- ⁴ Таити Сакаия. Что такое Япония. М., 1992, с. 150.
- ⁵ The Daily Yomiuri, 25.04.1994.
- ⁶ Мори Рюкити. Икиру тамэ-но буккё (Буддизм для жизни). Токио, 1966, с. 22. (Цит. по Ю.Б.Козловский. Современная буржуазная философия в Японии. М., 1977, с. 49).

Научное издание

ЯПОНИЯ: КОНЕЦ XX в. М., 1996

Редакционно-издательский отдел
Института востоковедения РАН
103031, Москва, ГСП, ул. Рождественка 12.

Заведующий отделом Ю. В. Чудодеев
ЛР № 040753 от 10 апреля 1996 г.

Сдано в набор 1.08.1996 Подписано к печати 1.09.1996
Формат 84 x 108 1/32 Бумага офсетная Печать офсетная
Усл. печ. л. 16,5 Тираж 400 экз. Заказ № 10

При участии редакционно-издательского Отдела
Упрполиграфиздата Администрации Московской области
Москва, пер. Глинищевского, стр. 1

Отпечатано в полиграфическом центре компании
"Стройлизинг плюс"
103045, Москва, Даев пер., 20

Япония, конец XX века... Именно для нее эти слова значат чрезвычайно много. Страна–отшельник в начале века, пройдя через победы и поражения, превратилась в мощную экономическую державу и вписалась в мировое сообщество. На этом пути она теряла и приобретала, но всегда оставалась сама собой со спецификой, традицией, символами. На страницах данного издания ведущие российские японоведы рассматривают последние тенденции трансформации японского общества во всем многообразии и намечают перспективы на будущее.